

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ПОЛИЭТНИЧНОГО ОБЩЕСТВА В ХОДЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ (НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЯ И КРЫМСКОЙ АССР, 1920-е гг.)

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ПОЛИЭТНИЧНОГО ОБЩЕСТВА В ХОДЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ (НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЯ И КРЫМСКОЙ АССР, 1920-е гг.)

СОВЕТСКАЯ ЭПОХА:
ИСТОРИЯ И НАСЛЕДИЕ

К 100-ЛЕТИЮ
ОБРАЗОВАНИЯ СССР

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
И ПОЛИЭТНИЧНОГО ОБЩЕСТВА
В ХОДЕ РЕАЛИЗАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
(НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЯ
И КРЫМСКОЙ АССР, 1920-е гг.)

Монография

Краснодар
2021

УДК 323.1(470.6)(477.75)''1920''

ББК 66.3(2Рос),5

В 406

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 21-09-43110 «Взаимоотношения партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики (на материалах Северо-Кавказского края и Крымской АССР, 1920-е гг.)».

Рецензенты:

Доктор исторических наук, профессор

Е.Ф. Кринко

Доктор исторических наук, доцент

Е.В. Туфанов

В 406 Взаимоотношения партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики (на материалах Северо-Кавказского края и Крымской АССР, 1920-е гг.): монография / авторы: В.В. Касьянов, А.В. Баранов, А.В. Ишин, А.Ю. Рожков; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский государственный университет. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. – 248 с. – 500 экз.

ISBN 978-5-8209-2031-8

Представлена разработанная авторами концепция взаимоотношений партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР в 1920-х гг. Раскрыты особенности процесса принятия, установлены направленность и степень эффективности национальной политики в крае и республике в рассматриваемый период, факторы и этапы развития данной политики, роль Коммунистической партии и государственных органов в её реализации. Выявлены сходства и различия в восприятии национальной политики представителями социальных, этнических и сословных групп населения Северного Кавказа и Крыма в 1920-х гг.

Адресуется органам государственной власти Российской Федерации, экспертам в сфере национальной политики, преподавателям вузов, сотрудникам архивов и музеев, а также бакалаврам, магистрантам, аспирантам направления подготовки «История».

УДК 323.1(470.6)(477.75)''1920''

ББК 66.3(2Рос),5

ISBN 978-5-8209-2031-8

© Кубанский государственный университет, 2021

© В.В. Касьянов, А.В. Баранов, А.В. Ишин, А.Ю. Рожков, 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

Опыт национальной политики 1920-х гг. на Северном Кавказе и в Крыму полезен для регулирования современных этнических конфликтов, достижения межэтнического мира и согласия, укрепления российской национальной идентичности.

Концептуальные основы советской национальной политики и причины её трансформаций исследованы в монографии В.А. Тишкова¹, а также статье А.Н. Щербака, Л.С. Болячевец и Е.С. Платоновой². Имеют методологическое значение работы Т. Мартина, который выявил различия национальной политики 1920-х и 1930-х – середины 1950-х гг., причины «коренизации» партийно-государственной власти³. Взаимосвязь национальной политики с советской моделью федерализма освещена в монографии В.Я. Гросула⁴, в статьях Р.Г. Суни⁵ и Т.Ю. Красовицкой⁶. Роль партийных и государственных органов, этнических элит в управлении регионами СССР исследуется К.С. Дроздовым, Д.А. Аманжоловой и В.В. Трепавловым⁷. Направления и особенности национального принципа в государственном устройстве 1920-х гг., ход

¹ Тишков В.А. Российский народ. История и смысл национального самосознания. М., 2013. С. 211–276.

² Щербак А.Н., Болячевец Л.С., Платонова Е.С. История советской национальной политики: колебания маятника? // Политическая наука. 2016. № 1. С. 100–123.

³ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011; Мартин Т. Империя положительной деятельности // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 88–116.

⁴ Гросул В.Я. Образование СССР (1917–1924 гг.). М., 2012.

⁵ Суни Р.Г. Советское и национальное: единство противоречий // Советская нация и национальная политика в 1920–1950-е годы. М., 2014. С. 17–40.

⁶ Красовицкая Т.Ю. Конфликт идеалов и практик ранней советской государственности. Механизмы и практики этнополитических процессов (1917–1929 гг. // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. М., 2012. С. 151–206.

⁷ Этнические элиты в национальной политике России / отв. ред. В.В. Трепавлов. М.; СПб., 2017. С. 293–371.

территориальных реформ освещает Е.П. Малышева¹. Китайский историк Лю Сяньчжун аргументирует преимущества и недостатки курса «коренизации» 1920-х гг.²

Исторические условия и факторы реализации национальной политики на Северном Кавказе системно исследовал Ю.Ю. Карпов³, уделивший основное внимание политике «коренизации» и взаимодействиям между центральной и региональной властью, изменениям социальных институтов и практик.

Сущность и противоречивые последствия территориальных реформ 1920-х гг., их детерминанты определены в монографиях Т.П. Хлыниной, Е.Ф. Кринко и А.Т. Урушадзе⁴. Опыт развития Горской АССР и причины ее распада исследовали А.Х. Даудов и Д.И. Месхидзе⁵.

Тенденции становления партийно-государственной номенклатуры, в т.ч. – коренизация кадров, раскрываются в монографии Е.В. Туфанова⁶. Особенности национальной политики 1920-х гг. освещаются и на материалах различных республик, в том числе,

¹ Малышева Е.П. Территориальное устройство Советского государства // Территория и власть в новой и новейшей истории Российского государства. М., 2012. С. 147–173.

² Лю Сяньчжун. Плюсы и минусы политики «коренизации» СССР в 1920-е годы // Ойкумена. Владивосток, 2014. № 1 (28). С. 41–49.

³ Карпов Ю.Ю. Национальная политика Советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в. СПб., 2017.

⁴ Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д, 2012; Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История, политика и национальное строительство на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2014.

⁵ Даудов А.Х., Месхидзе Д.И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917–1924). СПб., 2009.

⁶ Туфанов Е.В. Кадры региональных управленцев в 1920–1930-е годы: становление и функционирование (на материалах Северного Кавказа). Ставрополь, 2018.

Чечни и Ингушетии¹, Дагестана², Кабардино-Балкарии³, Адыгеи⁴. Новыми направлениями стали исследования политики в отношении верующих, языковой политики, форм самоорганизации этнических групп.

Малоизученными остаются такие важные аспекты проблемы, как национальная политика в отношении славянского населения Северо-Кавказского края, «украинизация», политика в отношении дисперсно проживающих этнических меньшинств. Прогресс в их осмыслении обеспечивают работы В.З. Акопяна⁵ и А.В. Аверьянова⁶, И.Ю. Васильева⁷.

Национальная политика 1920-х гг. в Крымской АССР исследована в наибольшей мере в аспектах становления полиэтничной автономии (работы В.Г. Зарубина⁸, В.М. Брошевана и А.А. Форманчука⁹, А.В. Ишина¹⁰, курса в отношении крымских татар (монография Е.В. Бойцовой, В.Ю. Ганкевича, Э.С. Муратовой и

¹ Эльбиздукаева Т.У. Чечня и Ингушетия в 20–30-е годы XX века: опыт модернизации. М., 2011.

² Далгатов А.Г., Сулаев И.Х. Борьба против влияния мусульманского духовенства в Дагестане в 1920–1930-е гг. // Вопросы истории. 2010. № 6. С. 77–85.

³ Бугай Н.Ф., Мамаев М.И. Кабардино-Балкарская АССР: «Спасение в единении и надежде...»: 1920–1960-е годы. М., 2015.

⁴ Орешин С.А. Становление национальной государственности адыгских народов Северо-Западного Кавказа. 1917–1922 гг. // Клио. СПб., 2016. № 9 (117). С. 127–134.

⁵ Акопян В.З. Национальные подразделения во властных структурах Юга России: (1920–1930-е гг.). Ростов н/Д, 2014.

⁶ Аверьянов А.В. Национальная политика Советского государства на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 2021.

⁷ Васильев И.Ю. Украинский национализм, украинизация и украинское культурное движение на Кубани (вторая половина XIX – начало XXI века). М., 2014.

⁸ Зарубин В.Г. Проект «Украина». Крым в годы смуты (1917–1921 гг.). Харьков, 2013. С. 313–351

⁹ Брошеван В.М., Форманчук А.А. Крымская Республика: год 1921-й. Симферополь, 1992.

¹⁰ Ишин А.В. Проблемы государственного строительства в Крыму в 1917–1922 годах. Симферополь, 2012.

З.З. Хайрединовой¹; статьи Г.Н. Кондратюка², Е. Газизовой³, Р.И. Хаяли⁴. Обобщающее исследование национальной политики в Крыму провела В.Г. Чеботарева, уделив особое внимание земельной политике, миграциям, мерам в отношении этнических меньшинств – немцев, евреев, армян и др.⁵ Но исследования национальной политики в Крымской АССР 1920-х гг. основаны на достаточно узком круге источников, почти не исследованы общественные настроения различных этнических групп.

Итак, современное состояние исследований темы характеризуется преимущественным вниманием к нормативному и институциональному аспектам национальной политики. Сравнительный синхронный анализ этнополитики в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР не проводился. Взаимоотношения органов партийно-государственной власти с полиэтничным населением исследованы фрагментарно, на описательном уровне, без концептуализации.

Авторы монографии исследуют национальную политику в качестве целостной совокупности принципов, цели, направлений и мер деятельности органов партийно-государственной власти по управлению этнической сферой общества. По мере необходимости затронуты взаимосвязанные с национальной политикой, но

¹ Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов / Е.В. Бойцова, В.Ю. Ганкевич, Э.С. Муратова, З.З. Хайрединова. Симферополь, 2009. С. 272–327.

² Кондратюк Г.Н. Крымские татары в советской этнополитике межвоенного двадцатилетия // Крымское историческое обозрение. Казань, 2020. № 1. С. 85–93; он же. Этноконфессиональная политика в отношении мусульман Крыма в межвоенный период (20–30-е годы XX века) // Крымское историческое обозрение. 2018. № 1. С. 27–40.

³ Газизова Е. Национальная культура и образование в контексте этнополитики большевистского режима в Крымской АССР в 1920–1930-х гг. XX века // Українознавство. Київ, 2016. № 2 (59). С. 103–113.

⁴ Хаяли Р.И. Организация и проведение политики коренизации: практика Крымской АССР (1920–1930-е годы) // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 5. URL: <http://human.snauka.ru/2017/05/23818> (дата обращения: 15.11.2021).

⁵ Чеботарева В.Т. Социальные противоречия национальной политики в Крымской АССР в 1920-е годы // Вопросы истории. 2006. № 12. С. 23–43.

отдельные от неё отрасли политики: федеративная, конфессиональная, языковая, миграционная. В условиях советской общественной системы цели и задачи национальной политики всецело определялись и контролировались центральными органами власти, но территориальные особенности побуждали проводить данную политику с учётом региональной специфики.

Авторы уделяют основное внимание изучению периода с марта 1921 по декабрь 1929 гг., когда управление этнической сферой советского общества проводилось в условиях новой экономической политики (НЭПа). Вместе с тем, кратко характеризуются факторы национальной политики, сложившиеся ранее, в период военного коммунизма.

Пространственные рамки исследования включают в себя Юг РСФСР. На протяжении 1920-х гг. его внешние границы были в основном стабильными, однако внутреннее административно-территориальное деление часто подвергалось реформам. В 1920–1921 гг. были образованы Крымская, Горская и Дагестанская АССР. Основная же часть региона именовалась «Юго-Востоком России» в составе Донской и Кубано-Черноморской областей, Ставропольской и Терской губерний. Значительная часть дореволюционной Области войска Донского была передана по политическим мотивам Украинской ССР и Царицынской (позже – Сталинградской) губернии РСФСР. Летом 1924 г. был образован Северо-Кавказский край, включивший в себя округа с преимущественно русским населением, а также автономные области бывшей Горской АССР и часть возвращённых Украиной местностей Донбасса. Такое административно-территориальное устройство сохранялось по 1930 г. Таким образом, на протяжении всего изучаемого периода взаимодействовали уровни государственного управления: макрорегиональный (Юго-Восток России, Северо-Кавказский край), региональный (области, губернии, автономии) и местный (округа, районы). Масштаб выбранных географических рамок исследования репрезентативен для решения его задач, открывая, в то же время, возможности кросс-территориального сравнительного анализа национальной политики.

В монографии разработана концепция взаимоотношений партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе

реализации национальной политики в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР в 1920-х гг.).

Исследование основано на применении принципа историзма и системного подхода. Национальная политика СССР анализируется в контексте научных и идеологических представлений 1920-х гг., в качестве целостной совокупности институциональных, нормативных, коммуникативных и социокультурных элементов. Исследование основано на сравнительно-историческом методе, применение которого обеспечивает выявление этапов национальной политики 1920-х гг. и их особенностей, сходств и различий национальной политики в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР, курса в отношении различных этнических групп общества. Неинституциональный подход позволяет выявить ресурсы влияния, интересы и стратегии активности органов власти в сравниваемых регионах. Коммуникативный подход обеспечивает раскрытие процедур распространения информации о национальной политике, детерминирующих факторов оценок национальной политики в общественном мнении полиэтничного социума 1920-х гг.

Среди эмпирических методов исследования применено построение синхронных и диахронных рядов (статистические таблицы об этническом составе населения по переписи 1926 г.), а также картографирование этнических процессов.

Авторы выявили и вовлекли в научный оборот документы из фондов Российского государственного военного архива (РГВА); Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ); Государственных архивов Республики Крым (ГАРК), Ростовской области (ГАРО), Краснодарского и Ставропольского краев (ГАКК и ГАСК); Центров документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) и Краснодарского края (ЦДНИКК); Государственного архива новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). Проанализированы также опубликованные ранее документы.

Источниковая основа выводов включает в себя следующие виды документов.

Документы РКП(б)–ВКП(б), по назначению разделяемые на директивные (резолюции и постановления) и описательные (протоколы и стенограммы заседаний, отчёты о работе).

Коммунистическая партия, овладев монопольной властью, на протяжении 1920-е гг. наращивала свой контроль над всеми функциями повседневного управления. Поэтому документы РКП(б) – основной источник знаний о борьбе за выбор стратегии национальной политики, о механизмах власти, о соотношении тенденций политики в настроениях всесоюзных и региональных партийных руководителей. Особую ценность представляют: стенограммы съездов, конференций и пленумов руководящих органов; подготовительные материалы к ним и служебная переписка. Немалый интерес представляют впервые вводимые в научный оборот протоколы бюро и секретариатов краевых, областных и окружных комитетов РКП(б)–ВКП(б), протоколы национальных секций при подотделах национальных меньшинств парткомов, информационные доклады и обследования положения на местах. Так, борьба тенденций внутри правящей элиты прослеживается по проектам резолюций съездов и конференций РКП(б)–ВКП(б), выступлениям и статьям партийно-государственных лидеров.

Законодательные акты органов государственной власти (ЦИК СССР и ВЦИК РСФСР, Совнаркома) и акты ведомств (Народного комиссариата по делам национальностей, Народного комиссариата земледелия, Народного комиссариата просвещения РСФСР) имеют исключительное значение для выяснения правового оформления и процедур реализации национальной политики.

Документы административной деятельности органов управления (планы работы и отчеты об их выполнении, служебная переписка и проекты решений, стенограммы заседаний, комментарии к законам, инструкции ВЦИК о выборах Советов) отразили законодательные инициативы ведомств и отдельных должностных лиц, мотивировку и приёмы обоснования решений, разногласия внутри государственного аппарата. Особенно информативны доклады и отчеты о политическом состоянии местностей в 1924–1927 гг.

Документы правоохранительных органов представлены в основном информационными сводками и обзорами Полномочного представительства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю, а также областных и окружных отделений ОГПУ, отложившимися в архивных фондах партийных организаций РКП(б). В ряде случаев

выполнялись специализированные доклады, например, о течениях в среде исламского и православного духовенства. Информационные сводки и обзоры ОГПУ дают массовый и регулярный, сопоставимый по содержанию материал об общественном мнении, оппозиционных движениях, внутривластных разногласиях. С учетом перепроверки по другим видам источников их информация достоверна и весьма ценна, допускает применение количественных методов анализа.

Военно-оперативная документация (директивы командования РККА и военных округов, воинских частей, рапорты политработников и переписка, материалы разведывательных и особых отделов) позволяет оценить направленность и формы повстанческих выступлений, дополняет свидетельства о национальной политике РКП(б) на Северном Кавказе, о призыве в территориальные части РККА, о списках заложников и репрессированных. В небольшом количестве выявлены и впервые введены в оборот документы повстанческих формирований (приказы по частям, листовки и воззвания, донесения).

Произведения политических деятелей (выступления, газетные и журнальные статьи, брошюры, интервью) характеризуют обоснование целей и мер национальной политики. Сравнение опубликованных и архивных документов позволяет судить о мере искренности и последовательности политиков. Особенно важны в этой связи работы В.И. Ленина, И.В. Сталина, Н.И. Бухарина, Г.К. Орджоникидзе, А.И. Микояна, А.А. Андреева и других политиков, определявших национальную политику применительно к Югу России.

Публицистика (агитационные материалы, газеты и журналы) играла важную роль в создании общественного мнения. Поскольку архивные материалы 1920–1922 гг. сохранились не полностью, так как обширные местности были в состоянии Гражданской войны, публицистика остается подчас ведущим источником о текущей официальной политике. Наиболее ценны центральные издания «Жизнь национальностей», «Власть Советов», ростовские журналы «Юго-Восток», «Ленинский путь», «Революция и горец» и «Северо-Кавказский край», газеты «Советский Юг» и «Молот». На Кубани отметим газеты «Красное знамя» (Краснодар), «Трудовой

путь» (Армавир) и «Красное Черноморье» (Новороссийск); в Крыму – газету «Красный Крым» (Симферополь) и в Пятигорске – газету «Терек».

Статистические материалы составляют основу изучения социального и демографического состава, миграционных процессов, землепользования различных народов и субэтнических групп. Наиболее достоверны в данных аспектах итоги Всесоюзной переписи населения 1926 г.¹ и публикации краевого статистического управления², так как методики обработки первичных данных на местах имели серьезные расхождения. К концу 1920-х гг. текущая статистика становится всё менее достоверной.

Документы этнографических наблюдений представлены сборниками под редакцией В.Г. Тана-Богораза³ и Н.Л. Янчевского⁴. Они содержат ценные свидетельства о быте иногородних крестьян и казаков, о повседневных межэтнических и сословных отношениях. Важное обстоятельство – строгое соблюдение авторами научных принципов сбора информации, что отсутствовало в обследованиях сельской жизни партийными органами.

Переписка крайне ценна для понимания психологии, требований различных социальных групп, личной характеристики политиков. Исследована переписка между В.И. Лениным и другими членами элиты РКП(б)⁵.

¹ Всесоюзная перепись населения СССР 1926 года: окончательные итоги. М., 1929. Т. IX, XVII; Казачество Северо-Кавказского края: Итоги переписи населения 1926 г. Ростов н/Д, 1928.

² Северный Кавказ после районирования. Итоги и выводы. Ростов н/Д, 1925. Т. 1; Юго-Восток. Справочник по Юго-Востоку России. Ростов н/Д, 1924.

³ Революция в деревне: очерки / под ред. В.Г. Тана-Богораза. М.: Л., 1924. Ч. 1; 1925. Ч. 2.

⁴ Как живёт и чем болеет деревня (на материалах комиссии по обследованию деревни на Юго-Востоке) / под ред. Н.Л. Янчевского. М.; Ростов н/Д, 1924.

⁵ В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922 / ред. Ю.Н. Амиантов, Ю.А. Ахапкин, В.Т. Логинов. 2-е изд. М., 2017; Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927: сб. документов / сост. А.В. Квашонкин и др. М., 1996.

Опубликованные сборники документов, созданные по тематическому либо территориальному признакам, позволяют приступить к системному анализу совокупности доступных источников. Наиболее ценны публикации конца 1980-х – 2010-х гг.¹

Мы полагаем, что данная совокупность источников позволяет реконструировать изучаемые исторические закономерности.

Формулировка цели и задач исследования обусловила выбор его структуры. Монография состоит из введения, трёх глав, подразделяемых на параграфы, заключения и приложения, построена по проблемно-логическому принципу.

Результаты исследования имеют научную значимость для повышения эффективности современной национальной политики в аспектах регулирования межэтнических отношений, формирования позитивной исторической памяти о советской национальной политике. Положения и выводы монографии будут полезны для совершенствования современной национальной политики и укрепления единства российской нации, а также для преподавания российской истории 1920-х гг. в высшей школе, музейной и образовательной политики Российской Федерации.

¹ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): в 10 т. / редкол.: Ю.Л. Дьяков (отв. ред.) и др. М., 2001–2004. Т. 1–6; Советская деревня глазами ВЧК – ГПУ – НКВД: 1918–1939. Документы и материалы: В 4 т. / под ред. А. Береловича, В.П. Данилова. М., 1998. Т. 1; 2000. Т. 2; ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос / сост.: Л.С. Гагагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М., 2005. Кн. 1: 1918–1933 гг.; Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.) / В.А. Козлов и др.; сост. и авт. коммент. И.А. Зюзина и др. М., 2011.

1. СТРАТЕГИЯ СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В 1920-Х ГГ. И ЕЁ РЕАЛИЗАЦИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И В КРЫМУ

1.1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ 1920-Х ГГ.

Для нас, живущих в XXI в., интересна и поучительна советская национальная политика. Забыть опыт продвижения крупнейшей страны мира к межэтническому миру и согласию, вычеркнуть его из исторического сознания в российском и мировом масштабе невозможно. Его можно попытаться игнорировать либо дискредитировать, как это делается сегодня на Западе. Но эти попытки бесполезны. Поэтому актуально разобраться в том, каковы причины образования Союза Советских Социалистических Республик, выбора стратегии национальной политики СССР, что из данного исторического опыта востребовано в современности.

Преимущество имперской и ранней советской этнополитики России остаётся малоизученной актуальной темой исторической науки. Тема имеет политизированные коннотации. Так, советские историки категорически отрицали сходство между «царской» и большевистской национальной политикой¹. Западные² и эмигрантские³ авторы, напротив, ставили знак равенства между Российской империей и СССР, придавая этому сугубо отрицательный смысл. Но в проблеме надо разобраться спокойно, на основе достоверных и репрезентативных источников, не модернизируя и не демонизируя события 100-летней давности. Российская Федерация по сей день применяет в своём государственном устройстве ряд правовых и организационных принципов, идеологем,

¹ Критика фальсификаций национальных отношений в СССР / отв. ред. М.П. Мчедлов. М., 1984.

² Mawdsley E. The Stalin Years: The Soviet Union, 1929–1953. Manchester; New York, 1998; Карпер д'Анкокс Э. Евразийская империя: история Российской империи с 1552 г. до наших дней. 2-е изд. М., 2010.

³ Авторханов А.Г. Империя Кремля: Советский тип колониализма. Garmisch-Partenkirchen, 1988.

унаследованных от Российской империи и СССР. С особой остротой тема актуальна в тех регионах Юга России, где сохраняется обособленность так называемых «национальных историографий», а события раннесоветской истории подчас используются для оправдания центробежных интенций.

Теоретическую основу монографии составляют исторический неoinституционализм и сравнительный анализ. Применение первого из них обосновано необходимостью прояснить соотношение формальных и неформальных институтов, реальные практики и «коридор возможностей» управления межэтническими отношениями в раннем советском обществе¹. Сравнительный анализ использован как в кросс-темпоральном аспекте (выявление сходств и различий между имперской и раннесоветской этнополитикой), так и в синхронном кросс-территориальном ракурсе (определение сходств и различий этнополитики 1920-х гг. применительно к различным частям Юга России и народам)².

Мы настаиваем на полезности применения конструктивистской парадигмы этничности применительно к истории 1920-х гг. Индивиды объединяются в этническую группу вследствие своей социализации и осознанного выбора идентичности, а не пресловутой «крови» и «генов». Этническая группа конструируется заинтересованными элитами, а не задана фактом рождения. Индивиды выбирают свою этническую самооценку (осложнённую конфессиональной, языковой, территориальной, родоплеменной и др. самооценками), а не «принадлежат» к некоей общности от рождения³. Термины «нации, национальные меньшинства, национальная политика, национально-государственное строительство» с точки зрения конструктивизма заменяются на термины «этнические

¹ Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. М., 2011. С. 97-101, 188-194.

² Фортунатов В.В. Нужна ли России модернизация? Сравнительно-исторический метод даёт ответ // Исторический путь России: из прошлого в будущее. Материалы междунар. науч. конф., посвящённой 800-летию со дня рождения Великого князя Александра Невского. СПб., 2021. С. 616-623.

³ Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М., 2002. С. 146-200.

группы/народы, этнические меньшинства, этнополитика, этнотерриториальное строительство».

Этнополитика определяется нами как система принципов, целей, направлений и видов деятельности субъектов политики по управлению этнической сферой общества и различными народами, а также их отношениями между собой и с властью. В конкретно-исторических условиях 1920-х гг. советская этнополитика неразрывно связана с федеративным строительством и территориальным размежеванием («районированием»). Именно этнополитика (на языке тех лет, «национальная политика») давала органам власти аргументы для изменения статусов административно-территориальных единиц и их границ, этнического состава правящих элит, выбора региональных языков.

Признавая плюрализм исторических концепций и оценок событий, следует предостеречь историков от обслуживания конъюнктурных интересов элит, от этнонационализма.

Конструктивный выход из политизации темы, на наш взгляд, – оценить советское государство в контексте долгосрочных цивилизационных процессов, ответов на объективные вызовы географии и демографии.

Пора перестать демонизировать термин «империя». В зарубежной исторической науке (Д. Ливен¹, Н. Фергюсон², Э. Хобсбаум³, А. Каппелер⁴) налицо взвешенный взгляд на данное историческое явление как полиэтничное, поликонфессиональное государство, которое стремится обеспечить баланс интересов центра и периферии, создаёт институты и социокультурную систему иного уровня и способов организации, чем национальное государство.

¹ Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней. М., 2007.

² Фергюсон Н. Империя. Чем современный мир обязан Британии. М., 2013.

³ Хобсбаум Э. Век Империи. 1875–1914. Ростов н/Д, 1999.

⁴ Каппелер А. Россия – многонациональная империя: возникновение, история, распад. М., 2000.

Постепенно такая трактовка закрепляется и в российской исторической науке. Характерны монографии С.И. Каспэ¹ и А.И. Миллера², в которых даны академически корректные объяснения того, почему Россия стала империей и по каким причинам данный тип государства не являлся в нашей стране этноцентристским, а, напротив, был протекционистским по отношению к интегрируемым этническим группам. Перспективны и размышления С.И. Каспэ о том, что федерализм XX в. является сублимированной исторической формой империи, её секулярным стадийным вариантом³. Самостоятельное обоснование концепции созидательной роли империи на материалах Северного Кавказа второй половины XIX в. – 1921 г. содержится в работах В.А. Матвеева⁴.

Советское государство, существовавшее в России с октября 1917 по 1991 г., было идеократическим. Его политические институты, нормы, политическая культура подчинялись идеологии большевизма – варианту марксизма. Поэтому надо начать исследование советского федерализма с противоречивых и менявшихся на 180 градусов мнений лидеров большевизма. Для В.И. Ленина, И.В. Сталина, Н.И. Бухарина и других основателей советского федерализма форма государственного устройства была соподчиненным элементом «диктатуры пролетариата», должна была служить интеграции наибольшего пространства для победы «мировой пролетарской революции». Но вожди большевизма увязали федерализм с решением «национального вопроса» еще до захвата власти, а позже не отступали от накатанной доктринальной колеи.

¹ Каспэ С.И. Империя и модернизация: общая модель и российская специфика. М., 2001.

² Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006.

³ Каспэ С.И. Суррогат империи: о природе и происхождении федеративной политической формы // Полис. Политические исследования. 2005. № 4. С. 5–29.

⁴ Матвеев В.А. Российская универалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Изд. 2-е, испр. и доп. Ростов н/Д, 2012; Матвеев В.А. Националистическая Вандея и проявления устойчивости российской интеграции на Северном Кавказе в кризисных условиях, 1917–1921 гг. Изд. 2-е, испр. и доп. Ростов н/Д, 2016.

В.И. Ленин до 1913 г. оценивал федерализм скептически¹. Именно эта установка вызвала решительный отказ большевиков от программы культурно-национальной автономии, разработанной австрийскими социал-демократами О. Бауэром и К. Реннером. Летом 1913 г. В.И. Ленин неожиданно для других большевиков поддержал принцип права наций на самоопределение. Ленин отмечал, что «параграф нашей программы (о самоопределении наций) не может быть толкуем иначе, как в смысле политического самоопределения, то есть права отделения и образования самостоятельного государства»². Лидер большевиков желал использовать антиимперские движения народов России для взятия власти. Это расчетливая тактика. Стратегия же оставалась прежней – овладение максимально крупной территорией, слияние народов и государств³. Весной 1917 г. Ленин избрал лозунг федерации народов. Он доказывал, что общее государство должно состояться «по добровольному согласию каждого отдельного народа». По утверждению Ленина, великороссы должны предоставить право всем народам «без изъятия решить вполне свободно, хотят ли они жить в отдельном государстве или в союзном государстве с кем угодно»⁴.

Становление политических институтов федерализма в Советской России (октябрь 1917–1921 гг.). Уже через 8 дней после захвата власти Совет Народных Комиссаров принял 2(15) ноября 1917 г. «Декларацию прав народов России». Этот торжественный акт провозгласил принципы равенства и суверенности народов, их право на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, отмену всех национальных и религиозных ограничений и привилегий, свободное развитие

¹ Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 143–144.

² Ленин В.И. Тезисы по национальному вопросу // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 314.

³ Ленин В.И. Революционный пролетариат и право наций на самоопределение // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 68.

⁴ Ленин В.И. Наказ выбираемым по заводам и полкам депутатов в Совет рабочих и солдатских депутатов // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 40–41.

национальных меньшинств и этнографических групп¹. 5(18) января 1918 г. Россия стала федерацией. III Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов принял «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», включенную 10 июля 1918 г. в Конституцию РСФСР. Декларация объявляла, что «Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик». Каждой «нации» давалось право самостоятельно решить вопросы о вхождении в состав России и об условиях участия в федерации². Резолюция III съезда Советов определяла систему власти и предоставила субъектам федерации право участия в Всероссийском съезде Советов. Данные акты нельзя рассматривать вне контекста Гражданской войны и формирования диктатуры. Провозглашение федерации совпало с разгоном Всероссийского Учредительного собрания, что лишило большевистское правление легитимности.

Одновременно нарастал распад России. 6(19) декабря 1917 г. независимость провозгласила Финляндия, 11(24) декабря – Литва. 8(22) января 1918 г. Центральная Рада объявила о независимости Украины. 27 февраля (9 марта) провозглашена независимость Белоруссии, 24 апреля – Эстонии, 22 апреля – Закавказской федеративной демократической республики (через месяц распавшейся на Грузию, Азербайджан и Армению). Сепаратизм пустил корни и внутри этнического ядра страны. К лету 1918 г. под контролем Советского правительства оставалась только центральная часть Европейской России. Но даже управляемые большевиками регионы проявляли чрезмерную самостоятельность, что вело к анархии.

III Всероссийский съезд Советов образовал Конституционную комиссию ВЦИК, представившую на обсуждение два основных проекта – проф. М.А. Рейснера и И.В. Сталина. Первый из них отвергал этнический и политико-территориальный подход. М.А. Рейснер полагал: «Территориальная организация и

¹ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 141–142.

² Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 350–351; История Советской Конституции (в документах). 1917–1956. М., 1956. С. 102–104. (Полное название «Российская Социалистическая Федеративная Советская республика», РСФСР впервые встречается в декрете ВЦИК от 28 января 1918 г.).

территориальный федерализм совершенно не могут служить основанием для решения государственных вопросов в социалистической республике. Ибо наш федерализм есть не союз территориальных государств или штатов, а федерация социально-хозяйственных организаций»¹. Рейснер категорично отвергал национальное районирование, т.к. оно даст преимущество «коренным» народам. Еще до революции он предсказывал последствия национальной государственности «коренных» народов: «Этим людям – всё, они граждане первого разряда, другие же терпимы в качестве бесправных париев, на пресловутой национальной земле или территории»².

Напротив, победил проект народного комиссара РСФСР по делам национальностей И.В. Сталина. Он основан на этнокультурном составе впервые выделяемых субъектов федерации, но не отличался от предложений Рейснера в цели – «будущем социалистическом унитаризме»³. Первая Конституция РСФСР, принятая 10 июля 1918 г., объявила Россию федерацией советских национальных республик (ст. 2). Области «с особым бытом и национальным составом» могли создавать автономные областные союзы – субъекты федерации (ст. 11)⁴.

Большевики достаточно поверхностно представляли себе, каким должно быть и будет государство рабочих и крестьян. Разрушив «империю царизма», большевики создали «империю социалистическую», в которую не все народности вошли по принципу добровольности.

С точки зрения политических наук принципиально важны две черты советского федерализма. Во-первых, это федерализм декларативный. Если бы реальная власть в Советском государстве строилась строго в соответствии с Конституцией и законами РСФСР, то большевики не смогли управлять и месяца. Показной

¹ Цит. по: Каспэ С.И. Указ соч. С. 57.

² Цит. по: Цимбаев Н.И. Идеи федерализма и федеративного устройства в России // Федерализм: теория и история развития. М., 2000. С. 310.

³ Сталин И.В. Организация Российской Федеративной Республики // Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 66–73.

⁴ Цит. по: Великий Октябрь: атлас / пред. редкол. И.И. Минц. М., 1987. С. 138–139.

федерализм был необходим для того, чтобы переманить на свою сторону этнические движения в Гражданской войне. Реальные рычаги управления принадлежали жёстко централизованной Коммунистической партии, а не Советам. Институты федерализма нужно воспринимать с позиций подчинения окраин и агитации против невыигрышного лозунга белого движения – «единой и неделимой» России¹. Во-вторых, нормы законов 1917–1918 гг. сконструированы «на вырост», поскольку сети субъектов федерации не было. Её только предстояло создать.

В 1918–1919 гг. началось образование автономных республик с некоторыми признаками субъектов федерации. Они имели конституции, норму участия в общегосударственных органах: во Всероссийском съезде Советов, Всероссийском центральном исполнительном комитете Советов и др. Весной 1919 г. впервые появляется термин «Автономная советская социалистическая республика» (применительно к Башкирии). Позже образовались многочисленные АССР, автономные области национальные округа, «трудовые коммуны» (Карельская, немцев Поволжья). Их набор неустойчив, как и полномочия, и границы в условиях Гражданской войны. Уже в 1918–1919 гг. проявился феномен «многоуровневой» федерации. По ходу расширения контролируемого пространства оформлялись советские республики: Украинская, Литовско-Белорусская, Эстонская, Латышская. В 1920 г. советские войска заняли Хивинское ханство и Бухарский эмират, Азербайджан и Армению, а в 1921 г. – Грузию. С 1920 по 1922 гг. существовала «буферная» Дальневосточная республика, в которой сохранялись элементы демократического строя. Юридически их отношения с РСФСР, скорее, конфедеративны². После взятия Владивостока (октябрь 1922 г.) ДВР была включена в состав Советской России в качестве нескольких губерний и краев³.

¹ Красовицкая Т.Ю. Конфликт идеалов и практик ранней советской государственности. Механизмы и практики этнополитических процессов (1917–1929 гг.) // Этнический и религиозный факторы... С. 156–178.

² Гросул В.Я. Образование СССР (1917–1924 гг.). М., 2012. С. 33–58.

³ КПСС в революциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. С. 105.

Задача конституционного закрепления Союза стала злободневной после завершения Гражданской войны. В 1920–1921 гг. были заключены двусторонние Союзные договоры между РСФСР, с одной стороны, и республиками – Украиной, Белоруссией, Грузией, Азербайджаном, Арменией. Формально эти акты признавали независимость сторон¹. Но на деле складывалось государство с единой партийной системой, идеологией, валютным и таможенным пространством, внешней и военной политикой.

В годы Гражданской войны сложился военно-политический союз между советскими государственными образованиями, и с наступлением мирного периода встал вопрос – каким путем идти дальше. В работах историков советского времени ответ был однозначен – все предлагали объединение. Но внимательное изучение источников убеждает нас в том, что даже там, где за объединение выступало большинство населения, было и много противников этой идеи. Признавал это и В.И. Ленин. Например, в письме коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана и Горской республики Ленин рекомендовал осторожность, осмотрительность, учет своеобразия местных условий при решении национальных проблем².

Именно в период 1920–1922 гг. более осознанно и комплексно стала восприниматься проблема создания федеративного социалистического государства. Всем лидерам большевизма было ясно, что это должна быть республика с широким народным представительством в руководящих властных органах. Поскольку строить собирались социализм, она должны была быть социалистической. Советы, возникшие в российской революции как органы народного представительства, позволили республике называться Советской. Но самое важное и принципиальное крылось в понятии «федеративность». В стране более двухсот народов государство должно было быть федеративным, в тогдашней терминологии – союзным. Такой подход решал вопросы государственного

¹ История национально-государственного строительства в СССР. 1917–1978. М., 1979. Т. 1. С. 240.

² Ленин В.И. Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 198.

строительства, позволял ясно и доходчиво объяснять народу, какое государство создается.

Но в действительности процесс создания СССР стал серьезным испытанием власти большевиков. Союзные республики шли к объединению самостоятельным путем. Конечно, примером для всех служила Россия – РСФСР, где процессы государственного строительства уже дали первые результаты. Но к этому опыту на территории бывшей империи относились по-разному. Самая сложная на тот момент ситуация сложилась в Закавказье, где интеграционные процессы завершились созданием федеративного союза только в декабре 1922 г.

Столкнувшись с конфликтами, большевистская элита до поры-до времени учитывала интересы республик. Так, по просьбе украинских властей 11 мая 1922 г. создана комиссия ЦК РКП(б) для урегулирования отношений между РСФСР и УССР. 11 августа 1922 г. образуется комиссия ЦК по «взаимоотношениям РСФСР и независимых республик» для разработки Конституции будущего Союза. Комиссию возглавил И.В. Сталин, а в её составе доминировали поборники централизма¹.

Вопрос о смысле Союза разделил партийно-государственную элиту на сторонников «автономизации», а в противовес им – защитников федерации равноправных народов. Проект «автономизации», обоснованный председателем конституционной комиссии и народным комиссаром РСФСР по делам национальностей И.В. Сталиным, означал создание унитарного государства. Бывшие суверенные республики должны были войти в состав РСФСР на правах автономий. 22 сентября 1922 г. Сталин в письме Ленину объяснял свою позицию тем, что «национальная» стихия на окраинах разрушает единство республик, «формальная независимость благоприятствует этой работе...». За годы войны «мы ввиду интервенции вынуждены были продемонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе, мы успели воспитать среди коммунистов, помимо своей воли, настоящих и последовательных

¹ История национально-государственного строительства в СССР... Т. 1. С. 273; Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 191.

социал-независимцев»...¹ Сталин делает вывод: провести «формальное вступление независимых советских республик: Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии и Армении – в состав РСФСР», причём инициатива должна исходить от самих республик². Тезисы Сталина не получили одобрения в Грузии, Украине и Белоруссии. Но Сталин в нарушение партийного устава добился принятия своих тезисов на заседании комиссии ЦК РКП(б) 23–24 сентября (против ключевого пункта голосовал представитель Грузии П.Г. Мдивани, представители Украины и Азербайджана воздержались).

Относительно слабые республики «добровольно» делегировали часть полномочий в пользу РСФСР. Соппротивление централизации оказали лидеры Украины и Грузии: Х.Г. Раковский, В.П. Затонский, Н.А. Скрыпник, П.Г. Мдивани и др.³

Компромиссный вариант союза предлагал В.И. Ленин, шедший на уступки позиции руководителей Украины – Х.Г. Раковского и Г.И. Петровского, Грузии – П.Г. Мдивани. Равноправную федерацию народов предлагали Л.Д. Троцкий, Н.И. Бухарин. 26 сентября 1922 г. Ленин добился от Сталина уступки: вместо поглощения республик пойти на их равноправное объединение в союз. Ленин писал: «Важно, чтобы мы не давали пицци «независимцам»: не уничтожили их независимости, а создавали еще новый этаж, федерацию равноправных республик»⁴. Ленин придавал глубокий смысл названию нового государства – «Союз Советских Республик Европы и Азии». В соответствии с доктриной мировой революции Союз задумывался как будущий союз социалистических стран, открытый для принятия Германии, Италии, Великобритании и т.д., вплоть до планетарных размеров⁵. Поэтому принцип этнического равноправия для Ленина выше проблем российского уровня. В диктовке от 30 декабря 1922 г. Ленин называл всю

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 198–200.

² Там же. С. 192–193.

³ Одиннадцатый съезд РКП(б): Стеногр. отчет. М., 1922. С. 64–66.

⁴ Ленин В.И. Об образовании СССР: Письмо Л.Б. Каменеву для членов Политбюро ЦК РКП(б) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 212.

⁵ Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика: Послереволюционная Россия. СПб., 1997. С. 80–120.

затею «автономизации» в корне «неверной и несвоевременной»¹. Он подчеркивал временный и добровольный характер Союза. Нужно-де не только формальное равенство, а возмещение прежних обид народам окраин, нанесенных правительством «великодержавной» нации. «Причем не следует зарекаться заранее никоим образом от того, чтобы в результате всей этой работы [борьбы с унитаризмом, – авт.] вернуться на следующем съезде Советов назад, т.е. оставить союз советских социалистических республик лишь в отношении военном и дипломатическом, а во всех других отношениях восстановить полную самостоятельность отдельных наркоматов» республик².

Ленинский вариант федерализма никогда на деле не преобладал в СССР. Применение этого замысла развалило бы Советский Союз гораздо раньше, чем псевдофедерализм по-сталински. 6 октября 1922 г. члены Политбюро ЦК РКП(б) одобрили «Основные пункты Конституции СССР», на основе которых комиссия ЦК работала проекты Декларации и Договора об образовании Союза³. Съезды Советов Закавказской Федерации, Украины, Белоруссии и РСФСР одобрили создание СССР. Юридически решение оформил I Всесоюзный съезд Советов, 30 декабря 1922 г., утвердивший Декларацию и Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик. Субъектами и учредителями федерации стали РСФСР, Украина, Белоруссия, Закавказская СФСР (в составе Грузии⁴, Армении и Азербайджана). Договор 30 декабря 1922 г. установил, что советские республики объединяются в союзное государство⁵. Ведению СССР в лице его высших органов – Всесоюзного съезда Советов и Центрального Исполнительного Комитета Советов подлежали широчайшие полномочия.

¹ Ленин В.И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 356.

² Ленин В.И. К вопросу о национальностях... С. 359, 361–362.

³ Гросул В.Я. Указ. соч. С. 91–108.

⁴ В составе Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики особый статус имела Абхазия, подписавшая союзный договор с Грузией на равноправной основе.

⁵ Образование СССР: Сборник документов. М., 1972. С. 379–388.

Окончательно политико-территориальный строй СССР определен в ходе борьбы вокруг принятия союзной Конституции (1923–январь 1924 г.) Сторонники децентрализованной федерации (Х.Г. Раковский, Н.А. Скрыпник, П.Г. Мдивани и др.) предлагали ограничиться Союзным договором и не принимать Конституцию СССР, перераспределить полномочия власти в пользу республик¹. Но для победы децентрализованного федерализма не было условий. Окончательный поворот к унитаризму произошел на четвертом совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей в июле 1923 г. Накануне форума был арестован член Коллегии Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР М.Х. Султан-Галиев, а главной угрозой объявлен «национал-уклонизм» республик².

Совместная комиссия ЦИК союзных республик, комиссия ЦК РКП(б) состояли в большинстве из сторонников централизаторского курса. Эти комиссии в итоге дискуссий разработали проект Конституции СССР, отражавший точку зрения сталинского большинства. Пленум ЦК РКП(б) одобрил 27 июня 1923 г. проект Конституции, 6 июля 1923 г. Основной закон одобрен на II Всесоюзном съезде Советов в январе 1924 г.

Конституция 1924 г. определила основы системы федеральных органов власти. Законодательные функции отводились Съезду Советов СССР, который из делегатов избирал открытым голосованием ЦИК СССР. Он, в свою очередь, состоял из Союзного Совета (414 чел. пропорционально населению союзных республик) и Совета Национальностей (130 чел., по 5 чел. от союзных и автономных республик, по 1 – от автономных областей РСФСР). Исполнительные функции принадлежали Президиуму ЦИК СССР и Совету народных комиссаров СССР.

Реальная власть в СССР принадлежала партийно-государственной элите. Бесконтрольный механизм принятия

¹ Двенадцатый съезд РКП(б): Стеногр. отчет. М., 1923. С. 533–534; Волковинский В.М., Кульчицкий С.В. Христиан Раковский: политический портрет. Київ, 1990. С. 197–199.

² Ненароков А.П. Крах попыток прогностического анализа межнациональных отношений // Отечественная история. 1992. № 2. С. 3–23; Тайны национальной политики ЦК РКП. М., 1992.

политических решений обеспечивали высшие органы Коммунистической партии – Политбюро ЦК, Секретариат ЦК, Генеральный Секретарь ЦК, а также органы госбезопасности¹. Все реальные институты верховной власти были унитарными, в отличие от декларируемого федерализма. Уже в основании СССР заложены глубокие противоречия.

Конституция 1924 г. впервые в мире закрепила за союзными республиками право самоопределения в форме выхода из состава СССР. Территория союзных республик не могла быть изменена без их согласия. Пересмотр права свободного выхода республики из Союза мог происходить только с единодушного согласия всех субъектов СССР. Но на деле авторитарный режим не позволял возникнуть легальной инициативе отделения.

Высший коллегиальный орган власти – Президиум ЦИК СССР формировался на заседании Центрального Исполнительного Комитета Союза пропорционально населению республик. В таком способе формирования можно усмотреть отход от федерализма. Хотя первоначально назначались 4 равноправных сопредседателя Президиума ЦИК (по 1 от союзных республик), постепенно сложилась практика единоличного председательства².

По Конституции исполнительная власть составляла единую систему. Образованы три типа народных комиссариатов: союзные (иностраных дел, армии и флота, внешней торговли, путей сообщения, почт и телеграфов); союзно-республиканские, существовавшие на уровне СССР и субъектов федерации параллельно (финансов, труда, продовольствия); республиканские – только на уровне субъектов федерации (внутренних дел, юстиции, просвещения и т.д.). Постепенно система управления становилась жёстко централизованной³.

¹ Гимпельсон Е.Г. Нэп и советская политическая система. 20-е годы. М., 2000; Павлова И.В. Механизм политической власти в СССР в 20–30-е годы // Вопросы истории. 1998. №11–12. С. 49–66.

² Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г.–декабрь 1991 г. М., 1994. С. 109–122, 204–212.

³ Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. М., 1994. С. 109–122, 204–212.

Сущность СССР и Российской СФСР внутри Союза различалась. СССР – договорная федерация союзных республик с симметричными правами. РСФСР, напротив, сначала объявлена федерацией, а затем стала создавать внутри своей территории субъекты федерации в местах традиционного проживания народов. Возник феномен «империи наизворот», в которой численно и культурно преобладавший русский народ не получил своей государственности хотя бы на уровне субъектов РСФСР (областей, краев и проч.)¹.

Уровни развития регионов выравнивали за счет Великороссии. Субъекты РСФСР – области, края, автономные республики имели асимметричный статус. Внутри некоторых из них образовались автономные области и национальные округа, что позволило западным исследователям ввести термин «матрёшечный федерализм». Совет Национальностей – одна из двух палат ВЦИК РСФСР формировался из представителей только национально-территориальных субъектов, а не всех субъектов федерации.

Факты позволяют отнести РСФСР к централизованным образованиям, предоставившим автономию части своей территории. О.И. Чистяков выделил признаки подобного типа государств. На наш взгляд, они полностью соответствуют российскому случаю. Автономные субъекты не связаны между собой «по горизонтали». Они поддерживают только двустороннюю «вертикальную связь с центральной властью. Автономии получают особые права, отличающиеся от основной территории единого государства. Правовой статус частей «страны с автономиями» различен, автономии не обязательно считаются государствами-участниками Союза².

Если бы субъекты федерации создавались в 1918–1924 гг. по административно-хозяйственному тяготению, РСФСР получила бы относительно устойчивый строй. Но в основу строения Советской России закладывался именно этнический принцип, что привело к печальным последствиям. А.Б. Зубов, А.М. Салмин,

¹ Вдовин А.И. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. М., 2013; Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 21–28.

² Чистяков О.И. О национально-государственном размежевании в период становления Российской Федерации // Советское государство и право. 1991. № 11. С. 25–26, 19.

Д.В. Доленко, да и почти все современные аналитики подчеркивают: избранная в начале 1920-х гг. территориальная система РСФСР породила соблазн этнократии и разделила народы России на «государственные» и «негосударственные»¹. Отметим, что создавать субъект федерации для каждого из 193 народов страны бессмысленно, да и экономически бесполезно.

Осмысление реформ состава СССР и РСФСР за 1920-е гг. важно для анализа политико-территориальных процессов в неустойчивой политической системе, а также позволяет выявить истоки нынешних конфликтов. Курс на выравнивание уровней развития и «коренизацию» проявился в создании новых союзных и автономных республик, причём юридическое оформление субъектов федерации предшествовало реальному складыванию этнических групп современного типа. «Коренизация» – это курс политики СССР в 1921–1932 гг. с целью увеличить удельный вес местных народов в органах власти субъектов федерации. Также предпочтение в занятии постов отдавалось лицам, знающим местные языки и традиции. Смена курса на диаметрально противоположный стала частью поворота режима от космополитизма к русской державности (1933–1938 гг.)².

В исследованиях этнополитики 1920-х гг. на Юге России остаётся немало малоизученных и остро дискуссионных аспектов. Среди них – оценки значения Горской АССР, формирования автономий по этническому признаку, этнотерриториального размежевания 1920-х гг., расказачивания, украинизации.

Следует учитывать, что реальная этнополитика большевистского режима на Юге России была, с одной стороны, проекцией идеологической доктрины (принципы пролетарского интернационализма, экспорта революции, самоопределения и равноправия

¹ Зубов А.Б., Салмин А.М. От конфликта к консенсусу // Перестройка и национальные проблемы: Прилож. к журналу «Новое время». М., 1989. С. 45; Доленко Д.В. Политика и территория. Саранск, 2000. С. 108; Тощенко Ж.Т. Этнократия. М., 2003.

² Мартин Т. Указ. соч. С. 28–47; Мартин Т. Империя положительной деятельности: Советский Союз как высшая форма империализма // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 88–116.

народов), а с другой стороны, этнополитика была бесконечным лавированием в малоизвестных для новой власти и слабо предсказуемых условиях региона. Региональные руководители большевиков (Г.К. Орджоникидзе, А.И. Микоян, Б.П. Позерн, М.С. Чудов, А.А. Андреев и др.) применяли «классовый подход» к оценке экономических и социальных структур Северного Кавказа, но постоянно сталкивались с «неудобными» для марксистского понимания явлениями: кланово-родственными, конфессиональными, патриархальными и т.п. В результате советская система власти решала на Северном Кавказе, да и в русских областях Юга, одновременно задачи ранней модернизации (в иных исторических условиях их решали бы буржуазные партии и политики) и задачи социалистического переустройства.

Проявлениями преемственности между этнополитикой поздней Российской империи и Советского государства 1920-х гг. на Юге страны, по нашему мнению, стали:

- императив сохранения суверенитета и территориальной целостности государства, преодоления сепаратизма и разобщённости этнических ареалов;

- необходимость преодоления кланово-родовых, патриархальных отношений на периферии региона (в нагорных сообществах) и модернизации;

- объективно сложившиеся экономические взаимосвязи областей и местностей Юга России, делавшие неизбежным их скоординированное развитие в качестве единого общественного организма;

- проецирование геополитических интересов России на Кавказе, Ближнем Востоке и Балканах, для чего Юг России является во все времена естественным плацдармом.

В наибольшей степени данная преемственность проявилась на этапе развития с осени 1924 по 1926 гг., когда СССР отчасти отказался от утопии самоопределения народов, продвигаемой в устройство государства с октября 1917 г. и этнические автономии Северного Кавказа были поставлены под более плотный контроль всесоюзной и региональной власти.

Одновременно проявлялись черты противоположности между Российской империей и Советским государством в курсе

этнополитики 1920-х гг., обусловленные различием идеологий и интересов правящих элит:

– приоритет идеологием православной самодержавной монархии в дореволюционной России и космополитичного проекта мировой революции в ранней РСФСР;

– контрастный социальный состав правящих элит и каналы их рекрутирования¹;

– переход от унитаризма, основанного на компромиссе имперских и местных традиционных элит, к этнизированному федерализму;

– модель «империи наизуворот» в Советском государстве 1920-х гг., при которой этническое русское большинство подвергалось «позитивной дискриминации», а этнические меньшинства периферии получали преференции за свою «революционность»²;

– курс «коренизации» в автономиях Северного Кавказа и местностях проживания дисперсных этнических групп, предусматривавший квоты этнических меньшинств в партийных, государственных и хозяйственных органах, а также внедрение местных языков в делопроизводство и социокультурное пространство в роли приоритетных средств общения;

– форсированные темпы экономического, социального и культурного развития этнической периферии в сравнении с ядром государства;

– перечисленные параметры раннесоветской этнополитики в 1920–1932 гг. приводили к параллельному, конкурентному национальному строительству в каждой территориально демаркированной автономии, причём партийно-советские органы стремились соблюсти принцип совмещения этнических границ с административными.

¹ Дроздов К.С., Аманжолова Д.А., Трепавлов В.В. Этнические элиты в союзных республиках СССР // Этнические элиты в национальной политике России. М.; СПб., 2017. С. 293–371.

² Дроздов К.С. Украинизация в РСФСР и концепция империи «положительной деятельности» Терри Мартина (К вопросу осуществления советской национальной политики на русско-украинском пограничье в 1923–1933 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Т. 3, № 7 (15). URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000188-5-2/> (дата обращения: 12.09.2021).

Поэтому в условиях коллективизации и неизбежного приближения Второй мировой войны партийно-государственная власть сделала оправданный выбор (1932–1933 гг.) в пользу относительной централизации и деэтнизации федеративной системы.

Вместе с тем, мысли В.И. Ленина «о добровольном союзе наций, союзе, который не допускал бы никакого насилия одной нации над другой...»¹ прошли проверку на деле и стали постепенно отражать реальное состояние общества и государства.

Конечно, спустя сто лет нам более достоверно и объективно видится прошлое. Созданный 30 декабря 1922 г. Союз Советских Социалистических Республик явился новым типом государства в мировой истории, доказавшим свою эффективность и привлекательность, разгромившим фашизм, давшим пример странам Азии, Африки и Латинской Америки в борьбе за независимость.

Исторический анализ советской национальной политики по-прежнему остаётся востребованным в сегодняшней России. Нет сомнений в том, что он будет помогать нашему обществу и в будущем.

1.2. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ 1920-х гг. НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И В КРЫМУ

Актуальность исследования современной историографии советской национальной политики 1920-х гг. в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР проявляется в необходимости повысить эффективность национальной политики на основе выявления исторического опыта взаимоотношений между властью и полиэтничным обществом. Опыт национальной политики 1920-х гг. на Северном Кавказе и в Крыму полезен не только в академическом познавательном аспекте, а и для регулирования современных этнических конфликтов, достижения межэтнического мира и согласия, укрепления российской национальной идентичности, воспитания патриотических ценностей исторической памяти.

¹ Ленин В.И. Письмо к рабочим и крестьянам Украины // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 43.

Выбор объектов анализа – Северо-Кавказского края и Крымской АССР аргументируется тем, что именно эти регионы выступали в 1920-х гг. своеобразной «лабораторией» выработки этнополитики в отношении многочисленных и находившихся на качественно разных стадиях общественного развития народов, будучи геополитически важными для влияния Советского государства на соседние страны Балкан и Ближнего Востока. Существенным фактором курса этнополитики являлось компактное проживание на Юге Европейской части РСФСР восточнославянских народов в качестве большинства населения, равно как и сословное деление на казаков и «иногородних» крестьян, чего не было в таком масштабе в автономиях Среднего Поволжья и Средней Азии.

Методологической базой исследования современной историографии темы является конструктивистская парадигма этничности¹, дающая возможность установить цели, ресурсы и стратегии коммуникации органов власти с полиэтничным обществом 1920-х гг., с его различными этническими, социальными и классовыми группами. Следует учитывать, что советская «национальная политика» (в категориях конструктивизма – «этнополитика») объективно не могла соответствовать на 100% идеологемам марксизма, поскольку решала задачи кардинального переустройства общества, невиданные в истории. Многие детерминирующие региональные и местные факторы этнополитики осмысливались и учитывались при принятии властных решений импровизационно.

Поэтому особое значение приобретает сравнительно-исторический анализ как в его синхронном, так и в диахронном вариантах, а также дискурс-анализ, позволяющие выявить под покровом идеологической фразеологии прагматические интересы тех или иных групп партийно-советской номенклатуры. Применительно к автономиям Северного Кавказа особенно продуктивен неоинституциональный анализ субэтнических, конфессиональных и клановых структур внутри органов управления.

¹ Хобсбаум Э.Дж. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М., 2002. С. 332-346.

Исследование национальной политики в современной исторической науке основано на применении принципа историзма и системного подхода. Национальная политика СССР анализируется в контексте научных и идеологических представлений 1920-х гг., в качестве целостной совокупности своих институциональных, нормативных, коммуникативных и социокультурных элементов. Исследование основано на сравнительно-историческом методе, применение которого обеспечивает выявление этапов национальной политики 1920-х гг. и их особенностей, сходств и различий национальной политики в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР, курса в отношении различных этнических и классовых групп общества. Неинституциональный подход позволяет выявить ресурсы влияния, интересы и стратегии активности органов власти в сравниваемых регионах. Коммуникативный подход обеспечивает раскрытие процедур распространения информации о национальной политике, детерминирующих факторов оценок национальной политики в общественном мнении 1920-х гг.

Проанализируем ключевые направления исследований проблемы в современных исторических исследованиях.

Современный период развития российской историографии отчётливо датируется по критерию наличия мировоззренческого и идеологического плюрализма, отмечаемого в работах профессиональных историков, начиная с 1988 г. Это отличает данные работы от предшествующего периода, характерного жёсткой монополией коммунистической идеологии и ограниченным доступом к источникам.

Вместе с тем, внутри современного периода отчётливо выделяются два этапа развития. Они различаются модальностью восприятия советской национальной политики. В научных публикациях 1990-х гг. доминировали негативные оценки темы, а в центре внимания исследователей находились такие аспекты, как история репрессий, понижение политического статуса автономий, антибольшевистские выступления. Все события, связанные с централизацией власти в 1923–1929 гг., оценивались негативно¹.

¹ Ненароков А.П. Крах попыток прогностического анализа межнациональных отношений // Отечественная история. 1992. № 2. С. 3–23; Бугай

Значительное влияние на российскую историографию оказали в этот период оценки национальной политики СССР, сложившиеся в общественно-политической мысли эмиграции¹.

Напротив, постепенно во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. стали крепнуть тенденции создания взвешенных, документально обоснованных оценок проблемы, что, на наш взгляд, проявилось в концептуальных работах А.И. Вдовина² и В.Ю. Зорина³. Применительно к региональному южнороссийскому аспекту следует назвать, прежде всего, работы безвременно ушедшей из жизни Т.П. Хлыниной⁴.

Концептуальные основы советской национальной политики и причины её трансформаций исследованы в монографии В.А. Тишкова⁵, а также статье А.Н. Щербака, Л.С. Болячевец и Е.С. Платоновой⁶. Имеют методологическое значение работы Т. Мартина, который выявил различия национальной политики 1920-х и 1930-х – середины 1950-х гг., причины «коренизации» партийно-государственной власти⁷. Взаимосвязь национальной политики с

Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент». 20-е годы. Майкоп, 1994.

¹ Авторханов А.Г. Империя Кремля: советский тип колониализма. Вильнюс, 1990; Геллер М.Я. Союз нерушимый // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. М., 1997. С. 173–202.

² Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В. Русский народ в национальной политике. XX век. М., 1998; Вдовин А.И. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. М., 2013.

³ Зорин В.Ю. Национальная политика в России: история, проблемы, перспективы. М., 2002.

⁴ Хлынина Т.П. Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии. М., 2003; Хлынина Т.П. Советская национальная государственность: понятие, образ, природа. Майкоп, 2001.

⁵ Тишков В.А. Российский народ. История и смысл национального самосознания. М., 2013. С. 211–276.

⁶ Щербак А.Н., Болячевец Л.С., Платонова Е.С. История советской национальной политики: колебания маятника? // Политическая наука. 2016. № 1. С. 100–123.

⁷ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011; Мартин Т. Империя положительной

советской моделью федерализма освещена в монографии В.Я. Гросула¹, в статьях Р.Г. Суни² и Т.Ю. Красовицкой³. Роль партийных и государственных органов, этнических элит в управлении регионами СССР исследуется К.С. Дроздовым, Д.А. Аманжоловой и В.В. Трепавловым⁴. Направления и особенности применения этнического принципа в государственном устройстве 1920-х гг., развитие территориальных реформ освещает Е.П. Малышева⁵. Китайский историк Лю Сяньчжун аргументирует преимущества и недостатки курса «коренизации» 1920-х гг.⁶

Исторические условия и факторы реализации национальной политики 1920–30-х гг. в автономиях Северного Кавказа системно исследовал Ю.Ю. Карпов⁷, уделивший основное внимание политике «коренизации» и взаимодействиям между центральной и региональной властью, изменениям социальных институтов и практик. Сущность и противоречивые последствия территориальных реформ 1920-х гг., их детерминанты определены в монографиях

деятельности // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 88–116.

¹ Гросул В.Я. Образование СССР (1917–1924 гг.). М., 2012.

² Суни Р.Г. Советское и национальное: единство противоречий // Советская нация и национальная политика в 1920–1950-е годы. М., 2014. С. 17–40.

³ Красовицкая Т.Ю. Конфликт идеалов и практик ранней советской государственности. Механизмы и практики этнополитических процессов (1917–1929 гг.) // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. М., 2012. С. 151–206.

⁴ Дроздов К.С., Аманжолова Д.А., Трепавлов В.В. Этнические элиты в союзных республиках СССР // Этнические элиты в национальной политике России. М.; СПб., 2017. С. 293–371.

⁵ Малышева Е.П. Территориальное устройство Советского государства // Территория и власть в новой и новейшей истории Российского государства. М., 2012. С. 147–173.

⁶ Лю Сяньчжун. Плюсы и минусы политики «коренизации» СССР в 1920-е годы // Ойкумена. Владивосток, 2014. № 1 (28). С. 41–49.

⁷ Карпов Ю.Ю. Национальная политика Советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в. СПб., 2017; Карпов Ю.Ю. Горцы после гор: миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы / Ю.Ю. Карпов, Е.Л. Капустина. СПб., 2011.

Т.П. Хлыниной, Е.Ф. Кринко и А.Т. Урушадзе¹. Опыт политического и социально-экономического развития Горской АССР, причины её распада исследовали А.Х. Даудов и Д.И. Месхидзе². Тенденции становления партийно-государственной номенклатуры в автономиях Северного Кавказа, в том числе – коренизация кадров, раскрываются в монографии Е.В. Туфанова³. Особенности национальной политики 1920-х гг. освещаются и на материалах отдельных автономий, в том числе, Чечни и Ингушетии⁴, Дагестана⁵, Северной Осетии⁶, Кабардино-Балкарии⁷, Карачаево-Черкесии⁸ и Адыгеи⁹. Новыми научными направлениями стали исследования политики в отношении верующих, языковой политики, форм самоорганизации этнических групп и их протестных выступлений.

¹ Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д, 2012; Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История, политика и национализм на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2014.

² Даудов А.Х., Месхидзе Д.И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917–1924). СПб., 2009.

³ Туфанов Е.В. Кадры региональных управленцев в 1920–1930-е годы: становление и функционирование (на материалах Северного Кавказа). Ставрополь, 2018.

⁴ Эльбуздукаева Т.У. Чечня и Ингушетия в 20–30-е годы XX века: опыт модернизации. М., 2011.

⁵ Далгатов А.Г., Сулаев И.Х. Борьба против влияния мусульманского духовенства в Дагестане в 1920–1930-е гг. // Вопросы истории. 2010. № 6. С. 77–85.

⁶ Дзидзоев В.Д. Поиски форм и методов национально-государственного строительства коренных народов Северного Кавказа в 1917–1924 гг. // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. Владикавказ, 2019. № 1. С. 15-20.

⁷ Бугай Н.Ф., Мамаев М.И. Кабардино-Балкарская АССР: «Спасение в единении и надежде...»: 1920–1960-е годы. М., 2015.

⁸ Агаджанян Э.М. Становление и развитие органов исполнительной власти и управления Карачаево-Черкесии (1920–1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2013.

⁹ Орешин С.А. Становление национальной государственности адыгских народов Северо-Западного Кавказа. 1917–1922 гг. // Клио. СПб., 2016. № 9 (117). С. 127–134.

Малоизученными остаются такие важные аспекты проблемы, как партийно-государственная национальная политика в отношении славянского населения Северо-Кавказского края, украинизация 1923–1932 гг., политика в отношении дисперсно проживающих этнических меньшинств. Прогресс в их осмыслении обеспечивают обобщающие работы В.З. Акопяна¹ и А.В. Аверьянова², И.Ю. Васильева³.

Мы полагаем, что давно и успешно развивающиеся исследования истории казачества Юга России также концептуально связаны с историографией национальной политики 1920-х гг. Такая взаимосвязь проявляется в исследованиях соотношения сословных, классовых и субэтнических компонентов идентичности казачества, повстанческого движения «бело-зелёных», депортации сунженских казаков и территориального размежевания между русскими областями и автономиями, украинизации, землепользования. Можно упомянуть системные исследования, проведённые Я.А. Переховым, С.А. Кислицыным, А.П. Скориком, Р.Г. Тикиджьяном, А.В. Барановым, О.В. Рвачёвой⁴.

Национальная политика 1920-х гг. в Крымской АССР исследована в наибольшей мере в аспектах становления полиэтничной

¹ Акопян В.З. Национальные подразделения во властных структурах Юга России: (1920–1930-е гг.). Ростов н/Д, 2014.

² Аверьянов А.В. Национальная политика на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг. Ростов н/Д; Таганрог, 2020.

³ Васильев И.Ю. Украинский национализм, украинизация и украинское культурное движение на Кубани (вторая половина XIX – начало XXI века). М., 2014.

⁴ Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск согласия (1920–1926 гг.). Ростов н/Д, 1997; Кислицын С.А. Указ и шашка: политическая власть и донские казаки в первой половине XX века. 2-е изд., испр. и доп. М., 2015; Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Донцы в 1920-х гг.: очерки истории. Ростов н/Д, 2010; Баранов А.В. Терское казачество в условиях «расширения» новой экономической политики: изменения этнодемографической структуры и общественного мнения // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 4. С. 114–123; Рвачёва О.В. Политика партийно-советских органов и социально-политические настроения донского казачества в период социалистической модернизации 1920–1940 гг. Изд. 2-е, испр. и доп. Волгоград, 2021.

автономии (работы В.Г. Зарубина¹, В.М. Брошевана и А.А. Форманчука², А.В. Ишина³, курса в отношении крымских татар (монография Е.В. Бойцовой, В.Ю. Ганкевича, Э.С. Муратовой и З.З. Хайрединовой⁴; статьи Г.Н. Кондратюка⁵, Е. Газизовой⁶, Р.И. Хаяли⁷. Обобщающее исследование национальной политики в Крыму 1920-х гг. провела В.Г. Чеботарева, уделив особое внимание земельной политике, миграциям, мерам в отношении этнических меньшинств – немцев, евреев, армян и др.⁸ Но исследования национальной политики в Крымской АССР 1920-х гг. основаны на достаточно узком круге источников, почти не изучены общественные настроения основных этнических групп и детерминировавшие их факторы.

Итак, современное состояние исторических исследований проблемы характеризуется преимущественным вниманием к нормативному и институциональному аспектам национальной политики. Сравнительный синхронный анализ этнополитики в Северо-

¹ Зарубин В.Г. Проект «Украина». Крым в годы смуты (1917–1921 гг.). Харьков, 2013. С. 313–351.

² Брошеван В.М., Форманчук А.А. Крымская Республика: год 1921-й. Симферополь, 1992.

³ Ишин А.В. Проблемы государственного строительства в Крыму в 1917–1922 годах. Симферополь, 2012.

⁴ Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов / Е.В. Бойцова, В.Ю. Ганкевич, Э.С. Муратова, З.З. Хайрединова. Симферополь, 2009. С. 272–327.

⁵ Кондратюк Г.Н. Этноконфессиональная политика в отношении мусульман Крыма в межвоенный период (20–30-е годы XX века) // Крымское историческое обозрение. Казань, 2018. № 1. С. 27–40; Кондратюк Г.Н. Крымские татары в советской этнополитике межвоенного двадцатилетия // Крымское историческое обозрение. Казань, 2020. № 1. С. 85–93.

⁶ Газизова Е. Национальная культура и образование в контексте этнополитики большевистского режима в Крымской АССР в 1920–1930-х гг. XX века // Українознавство. Київ, 2016. № 2 (59). С. 103–113.

⁷ Хаяли Р.И. Организация и проведение политики коренизации: практика Крымской АССР (1920–1930-е годы) // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 5. URL: <http://human.snauka.ru/2017/05/23818> (дата обращения: 15.01.2021).

⁸ Чеботарева В.Т. Социальные противоречия национальной политики в Крымской АССР в 1920-е годы // Вопросы истории. 2006. № 12. С. 23–43.

Кавказском крае и Крымской АССР ещё не проводился. Взаимоотношения органов партийно-государственной власти с полиэтничным населением исследованы фрагментарно, на описательном уровне, без необходимой концептуализации.

Источниковая основа исследования должна быть качественно расширена посредством осмысления редко изучаемых документов – материалов обследований работы местных партийных и советских органов, писем граждан в периодическую печать и органы власти, информационных сводок и обзоров органов ВЧК–ОГПУ, воспоминаний, этнографических наблюдений.

На основе впервые вводимых в научный оборот источников необходимо создать концепцию взаимоотношений власти и полиэтничного общества при реализации советской национальной политики в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР в 1920-х гг.). Целесообразно обсудить направленность и степень эффективности национальной политики в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР в 1920-х гг., факторы и этапы её развития, роль Коммунистической партии и партийно-государственной номенклатуры в национальной политике. Для этого потребуется дать оценку изменений институциональной системы органов власти, взаимодействий центральных, региональных (областных) и местных органов власти, последствий административно-территориальных реформ и языковой политики (в том числе, украинизации).

Актуальные задачи сравнительно-исторических исследований национальной политики Советского государства на Северном Кавказе и в Крыму 1920-х гг. таковы:

– выявить сходства и различия восприятия национальной политики СССР в общественном мнении социальных, этнических и сословных групп населения Северного Кавказа и Крыма в 1920-х гг.;

– установить процесс принятия решений по вопросам национальной политики органами партийно-государственной власти в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР;

– определить систему коммуникаций между органами партийно-государственной власти, казачеством, крестьянством, промышленными рабочими, этническими группами, её особенности в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР;

– раскрыть направленность и степень эффективности национальной политики в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР в 1920-х гг., факторы и этапы развития данной политики, роль Коммунистической партии и партийно-государственной номенклатуры в национальной политике;

– осмыслить изменения институциональной системы органов власти, взаимодействия центрального и регионального уровней власти, последствия административно-территориальных реформ и языковой политики (в том числе, «украинизации»).

Национальная политика партийно-государственной власти в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР на протяжении 1920-х гг. была направлена на конструирование асимметричной этнической федерации, предполагавшей создание автономных образований с широким спектром полномочий и предметов ведения. При этом проводился курс «позитивной дискриминации» в отношении русского этнического большинства, в том числе – коренизация аппарата управления, что было обосновано в резолюциях X и XII съездов РКП(б). Специфика политики в отношении различных этнических групп определялась, прежде всего, позиционированием политически активных слоёв внутри народов во время Гражданской войны, упрощённым делением на «революционеров» и «контрреволюционеров».

В то же время, подавление антисоветских выступлений и стабилизация общества в середине 1920-х гг. потребовали провести реформы административно-территориального устройства, поставившие автономии Северного Кавказа под более плотный и стандартизированный контроль со стороны Северо-Кавказского края (исключением осталась Дагестанская АССР, напрямую подчинённая РСФСР). Вектор централизации власти стал особенно ощутимым в период коллективизации.

Результаты сравнительного анализа реализации национальной политики в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР (1920-х гг.) имеют прикладное значение для повышения эффективности современной этнополитики Российской Федерации в аспектах регулирования межэтнических отношений, формирования позитивной исторической памяти поликультурного общества.

1.3. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ 1920-Х ГГ. НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И В КРЫМУ

Цель данного параграфа – выявить и охарактеризовать комплекс источников, хранящихся в архивах, о советской национальной политике в регионе 1920-х гг. Наше внимание сосредоточено на осмыслении новых архивных документов, впервые вводимых в научный оборот либо получивших новую трактовку в свете вновь открывшихся источников.

Тема обладает теоретической и прикладной актуальностью. До сих пор не определена модель коммуникации между органами государственной безопасности, организациями Коммунистической партии и органами государственной власти при реализации национальной политики. Неясно, в какой мере принимавшиеся решения были доктринально обусловлены, а в какой степени они вызывались прагматической реакцией на текущую ситуацию. По ряду дискуссионных аспектов проблемы (расказачивание, «украинизация», образование территориальных автономий, территориальное разграничение административных единиц, подавление антисоветских выступлений) исследователи высказывают противоположные мнения. Большое влияние на профессиональное сообщество историков, особенно в республиках Северного Кавказа, оказывает публицистика, формирующая дискурс эмоциональных, малодоказательных суждений о прошлом. Поэтому актуальным представляется объективный анализ информационных сводок и обзоров органов ОГПУ в качестве источников информации и аргументов при принятии решений в сфере партийно-государственной национальной политики 1920-х гг.

Источники по теме работы публиковались в составе сборников документов, по фондовому и тематическому принципам¹. Но

¹ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД: Документы и материалы. Т. 1. 1918–1922 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 1998; «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): Сб. док. в 10 т. / отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. М., 2001–2017; ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос / сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М., 2005. Кн. 1. 1918–1933 гг.

введение в научный оборот значительного массива документов не всегда сочеталось с их грамотным источниковедческим анализом и корректной политической оценкой, становясь, увы, доводом в современной политической борьбе¹.

В изучаемый период административным центром сначала Юго-Востока России (1920–лето 1924 гг.), а затем – Северо-Кавказского края (до 1934 г.) был г. Ростов-на-Дону. Этим определена концентрация наиболее информативных документов по периоду в Центре документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО), а также в Государственном архиве Ростовской области (ГАРО). Применительно к Республике Крым и г. Севастополю такое же значение имеют фонды Государственного архива Республики Крым (ГАРК) в г. Симферополе.

Обзоры источниковой базы исследования национальной политики 1920-х гг. даны в обобщающих трудах, в частности, А.И. Доронченкова², Ю.Ю. Карпова³, коллектива под руководством В.А. Михайлова⁴, Т.П. Хлыниной и Е.Ф. Кринко⁵. Научная проблема нашла отражение в специализированных источниковедческих работах Е.В. Кратова и Н.В. Кратовой⁶, Е.В. Туфанова⁷,

¹ Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.) / В.А. Козлов и др.; сост. и авт. коммент. И.А. Зюзина и др. М., 2011.

² Доронченков А.И. Межнациональные отношения и национальная политика в России: актуальные проблемы теории, истории и современной практики. СПб., 1995.

³ Карпов Ю.Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб., 2017.

⁴ Национальная политика России: история и современность / ред. совет: В.А. Михайлов (отв. ред.) и др. М., 1997.

⁵ Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2014.

⁶ Кратов Е.В., Кратова Н.В. Источники по проблеме государственно-конфессиональных отношений в Северо-Кавказском крае. 1924–1934 гг. URL: www.stpds.ru/userfiles/file/E_V_Kratov,%20N_V_Kratova.docx (дата обращения: 01.08.2021).

⁷ Туфанов Е.В. К вопросу об источниках рекрутирования региональных управленцев в 1920–1930-е гг. на материалах Северного Кавказа // Вестник Калмыцкого университета. Элиста, 2018. № 1 (37). С. 32–42.

Х.Л. Ханмагомедова и А.Н. Гебековой¹, Д.С. Кокорхоевой², а также в комментариях к сборникам документов³. Однако системное исследование источников о реализации национальной политики 1920-х гг. на материалах Юго-Востока России (Северо-Кавказского края) ещё не проводилось. Нуждаются в осмыслении концептуальные и фактические противоречия в оценке событий в различных видах источников: например, трактовки межэтнических отношений в документах партийных организаций РКП(б), советских органов и ОГПУ.

В числе впервые вводимых в научный оборот источников – стенограммы заседаний Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б)⁴ и Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б)⁵, заседаний членов бюро и секретариата данных органов правящей партии, отчётные доклады и аналитические записки местных партийных организаций. Представляет интерес план и порядок работ, состав комиссии по национальной политике партии на Северном Кавказе⁶,

¹ Ханмагомедов Х.Л., Гебекова А.Н. Некоторые социально-географические вопросы в работе «Районированный Дагестан – административно-хозяйственное деление по новому районированию 1929 г.» как источник изучения русских в регионе // Сборник научных статей Института социальных исследований Ингушского государственного университета. Назрань, 2016. С. 217–226.

² Кокорхоева Д.С. Документы партийных и государственных органов власти как источники по истории национального строительства в автономиях Северного Кавказа (1920-е гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2017. № 7. С. 86–90.

³ Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.) / В.А. Козлов и др.; сост. и авт. коммент. И.А. Зюзина и др. М., 2011; ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос: сб. документов / сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М., 2005. Кн. 1. 1918–1933 гг.; Ислам и советское государство (1917–1936). Сборник документов / сост., авт. предисл. и примеч. Д.Ю. Арапов. М., 2010. Вып. 2.

⁴ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 65. Юго-Восточное краевое бюро ЦК РКП(б). Оп. 1.

⁵ ЦДНИРО. Ф. 7. Северо-Кавказский краевой комитет РКП(б)–ВКП(б). Оп. 1.

⁶ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 25. Л. 5.

созданной крайкомом РКП(б) в июле 1924 г.¹ В документе «Ближайшие задачи и важнейшие вопросы работы комиссии» (ноябрь 1924 г.) указано на необходимость изучить и урегулировать отношения между различными социальными группами внутри народностей, разными народами внутри автономий, между автономиями и соседними округами со славянским населением, а также между народами автономий и казачеством. Данный документ обрисовывал основные направления деятельности комиссии крайкома РКП(б) в экономической, социально-классовой, кадровой, культурно-просветительной областях².

Данная комиссия подготавливала проекты решений по вопросам национальной политики, в частности, «Тезисы по организационной работе в национальных областях». В них констатирован отрыв партийных и советских работников от горских масс, слабое знание обычаев и ситуации в автономиях. Предлагались меры подготовки партийного и советского актива, создания социальной опоры в массовых общественных организациях, обеспечения контактов между партийными ячейками различных автономий³.

На заседании 6 декабря 1924 г. национальная комиссия во главе с секретарём крайкома РКП(б) А.И. Микояном рассмотрела вопрос о конфликтах между этническими группами в Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской автономных областях (АО), направив для разбирательства на места руководящих краевых работников. Было предложено для укрепления мира между народами обеспечить участие представителей народностей на областных съездах Советов и расширенных заседаниях пленумов облисполкомов⁴. В 1926 г. по итогам обследования Карачаево-Черкесской АО ввиду конфликтов между ее народами область была разделена.

Изученные источники доказывают существование единой системы партийно-государственной власти, в которой стратегические решения принимались партийными органами, что, однако, не афишировалось и подлежало секретному делопроизводству (при рассылке резолюций, переписке). По государственной линии был

¹ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.

² ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 45. Л. 4.

³ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 25. Л. 62-65.

⁴ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 25. Л. 35, 40-41, 129-158.

создан в 1926 г. краевой Национальный совет при крайисполкоме Советов. Но первоначальные ожидания руководителей автономий о том, что это будет орган политического представительства их интересов, сразу же не оправдались. Функции Крайнацсовета были сведены к вопросам культуры, просвещения и письменности¹, а его состав регулировался крайкомом РКП(б). Решения крайисполкома Советов, например, «О состоянии коренизации в национальных областях» (июль 1929 г.) также редактировались и утверждались Северо-Кавказским крайкомом ВКП(б)². В 1931 г. Крайнацсовет был упразднён.

Сложным аспектом национальной политики на Северном Кавказе было территориальное разграничение автономий и областей (с 1924 г. – округов) с преобладанием славянского населения, а также различных автономий между собой. Этот аспект неразрывно был связан с выбором статуса автономных образований. В данной связи представляют немалый интерес протоколы заседаний краевого экономического совета Юго-Востока России за 1922–1924 гг. о районировании, содержащие соперничавшие проекты административно-территориального переустройства³. Важна также докладная записка крайЭКОСО в Президиум ВЦИК РСФСР от 17 января 1924 г. за подписями Б.П. Позерна, В.Н. Хромина и Г.Н. Гурари. Её авторы излагают этапы работы по районированию Юго-Востока России, разногласия участников принятия решений. Упомянуто, что вопросы разграничения края с Горской и Дагестанской АССР решались паритетной комиссией под председательством представителя ВЦИК⁴. Вследствие образования Северо-Кавказского края эти функции перешли к краевой административной комиссии по районированию во главе с Г.Н. Гурари⁵.

В аграрных сообществах главным был вопрос о земле, причём факт проживания представителей того или иного народа

¹ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 208. Л. 2; ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 533. Л. 1-2.

² ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 874. Л. 11-11 об.

³ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-3758. Оп. 1. Д. 309. Л. 1-193.

⁴ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 132. Л. 48-50 об.

⁵ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 134. Л. 108 об.

становился аргументом законных прав владения. Обстановка усложнялась наследием дореволюционных земельных отношений, использованием аренды, в том числе – при отгонном скотоводстве. Для понимания ситуации важен отчёт Народного комиссариата РКИ Горской АССР уполномоченному наркомата по Юго-Востоку России за четвёртый квартал 1923 г. В нём указывается, что не установлены границы даже между национальными округами Горской АССР, происходили стихийные захваты земли на равнинах безземельными горцами; местные органы власти иногда игнорировали распоряжения Наркомата земледелия¹.

Летом 1925 г. были организованы совместные заседания Президиума Чеченского областного ЦИК Советов и СНК Дагестанской АССР, на которых решались вопросы экономических связей между автономиями, совместной охраны караванов торговцев, охраны административных границ². Согласно докладной записке полпредства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю от 20 июля 1925 г., между чеченским аулом Беной и дагестанским аулом Гогатли происходили серьёзные сражения из-за земельных споров, угона скота и женщин. В боях участвовали хорошо организованные 3 тыс. чел. с пулемётами и гранатами³. В разрешении конфликтов, кроме разведения сторон силами войск, власть применяла маслааты – почётных представителей сторон спора, старейшин и мулл. Во второй половине 1920-х гг. пограничные споры решались уже легче, путём направления на места специальных комиссий ВЦИК и их уполномоченных⁴.

В 1920–1924 гг. существовала Горская АССР в составе ряда автономных округов, напрямую подчинённая федеральной власти. Но уже в 1922 г. в итоге выхода Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии из состава Горской АССР её территория значительно сократилась. Летом 1924 г. республика была ликвидирована и поделена на автономные области, соподчинённые краю. Данный процесс регулировался решением заседания бюро крайкома РКП(б) от 1 июля 1924 г., утвердившим на время до выборов Совет

¹ ГАРО. Ф. Р-1185. Оп. 1. Д. 538. Л. 16.

² ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 300. Л. 169-172.

³ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 300. Л. 175-184.

⁴ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 409. Л. 47.

национальностей с паритетным представительством народов, а также организационные бюро РКП(б) и революционные комитеты в автономных областях¹. Также действовали комиссия по разделению бывшей Горской АССР между автономными образованиями, как и комиссия по определению границ между Северо-Осетинской и Ингушской АО². В объяснительной записке к решениям комиссии Президиума ВЦИК по вопросу разграничения новых автономий от 31 декабря 1924 г. её председатель Ш.З. Элиава пояснял причины безуспешных переговоров: «В своих спорах о границе руководящие работники Ингушетии и Осетии исходят не из соображений простого административного размежевания своих областей, удобства администрирования и советского строительства, а рассматривают свою тяжбу как тяжбу о политических границах между своими народами»³. По мнению председателя комиссии Ш.З. Элиавы, спор не имел экономического значения, в нём господствовал политический аспект.

Иначе сложился статус Дагестана. Его органы управления добились от ВЦИК РСФСР сохранения Дагестанской АССР в прямом подчинении центральной власти⁴. Это вызвало безуспешный протест Юго-Восточного крайкома РКП(б) на заседании 12 июня 1924 г. с мотивацией: «отделение не вызывается интересами развития Дагестана, чревато большими трудностями в работе ввиду общности» республики и края⁵. Край безуспешно пытался также вернуть из состава Дагестана Кизлярский округ с преимущественно русским населением. В итоге решением Политбюро ЦК РКП(б) от 9 октября 1924 г. после заслушивания аргументов сторон Дагестанская АССР была напрямую подчинена РСФСР в партийном и советском отношениях, но сохранила подчинение полномочному представительству ОГПУ по Северо-Кавказскому краю и Северо-Кавказскому военному округу⁶.

¹ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 15. Л. 61.

² ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 139. Л. 9-24, 118-120.

³ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 139. Л. 178-178 об.

⁴ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 15. Л. 86.

⁵ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 15. Л. 21.

⁶ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 21. Л. 23, 73.

Важным аспектом национальной политики 1920-х гг. было решение вопроса о русском населении автономий Северного Кавказа. В целом этот вопрос решался на основе «положительной дискриминации», представлений о необходимости удовлетворить запросы горских народов, что рождало сложные проблемы. Например, при создании Карачаево-Черкесской автономной области председатель Баталпашинского отдельского ревкома А. Леденёв пытался сохранить ст. Баталпашинскую, Урупский и Зеленчукский районы, населённые казаками, в составе Кубано-Черноморской области. Это вызвало негативную реакцию делегатов съезда Советов Карачаево-Черкесской АО от горских народов, и данная автономия включила казачьи местности в свой состав¹.

Как известно, наиболее радикальный характер решения земельных споров данного периода – это депортация сунженских казаков в 1920–начале 1921 гг. (3214 семей, около 16,7 тыс. чел.) вследствие антибольшевистского восстания. Несмотря на осуждение методов депортации, переселенцы не получили права вернуться в свои станицы и после весны 1921 г.² После создания Сунженского округа, напрямую подчинённого Северо-Кавказскому краю, его органы управления подняли вопрос о защите прав русского, в т.ч. казачьего, населения. Упомянем доклад Сунженского окружного комитета РКП(б) от 1 июля 1925 г. о самозахватах и отрезах земель со стороны Чечни и Ингушетии. По мнению его автора, секретаря окружкома В. Сухова, Чеченская АО за 1920–1924 гг. получила от земель сунженских казаков 6700 дес., Ингушская АО – 18 тыс. дес., причём комиссия ВЦИК РСФСР дополнительно отняла у Сунженского округа 1911 дес. земли. Почти все отнятые земли оставались необработанными. Руководитель Сунженского округа просил крайком РКП(б) назначить паритетную комиссию с участием всех заинтересованных сторон, установив границы округа на основе защиты земельных прав трудового населения³. Просьба не была выполнена. Более того, в 1926 г. Чеченский облисполком дополнительно переселил на Сунженскую

¹ ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 1. Д. 12. Л. 15.

² ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 1. Д. 332. Л. 1-23, 36, 51, 97, 105.

³ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 131. Л. 9-10 об.

линию 450 хозяйств под предлогом расселения горцев на равнине, но 75% новосёлов вернулись в автономию, как указывал ответственный секретарь административной комиссии при президиуме крайисполкома И.М. Брюховецкий¹.

Сложные проблемы решались и во взаимоотношениях автономий с Терским округом. Так, в апреле 1925 г. члены бюро крайкома отвергли притязания Кабардино-Балкарской АО на 50% доходов Пятигорского и Прохладненского базаров, а также притязания КБАО вести следственные действия и аресты на территории Терского округа².

Создание Северо-Кавказского края летом – осенью 1924 г. стало важным рубежом усиления центральной власти, смягчения ряда радикальных мер «позитивной дискриминации» предшествующего периода. В том числе, были созданы Казачий район в составе Кабардино-Балкарской АО, Казаче-Петропавловский район в составе Чеченской АО, Притеречный казачий район в Северо-Осетинской АО³. Прямое подчинение краю получили Владикавказ и Грозный в статусе городских округов.

В условиях 1920-х гг. вопросы национальной политики были неотделимы от государственно-конфессиональных взаимодействий. Источники свидетельствуют о борьбе тенденций среди партийных и государственных органов в данном вопросе. Записка Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР от 1 марта 1923 г. за подписью заместителя наркома Г.И. Бройдо цитирует решение Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б): «введение преподавания Корана в школах [является] совершенно недопустимым». Наркомнац занимал более умеренную позицию, разрешив в своём циркуляре от 19 сентября 1922 г. преподавать Ислам на дому и в мечетях, а также содержать религиозные школы для совершеннолетних на добровольные пожертвования⁴. Наибольшее смягчение партийно-государственной линии в данном вопросе

¹ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 300. Л. 114-116 об.

² ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 111. Л. 7-8.

³ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 409. Л. 140.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 602. Л. 15-15 об, 19; цит. по: Ислам и советское государство... Вып. 2. С. 27-28, 36-37.

было отмечено в середине 1920-х гг. Так, секретарь Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б) А.И. Микоян разослал членам Национальной комиссии крайкома РКП(б) записку, предлагая смягчить поимущественно-подходный налог для мулл и эфенди¹.

Конфессиональная политика начала ужесточаться с октября 1926 г., когда в автономии была разослана записка Восточного отдела ОГПУ «О мерах борьбы с мусульманством»². Пленум Национальной комиссии Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) 14–15 июня 1927 г. принял резолюцию по религиозному вопросу в национальных областях. В ней отмечается значительная экономическая база влияния духовенства, массовость вовлечения населения в религиозные институты. Только в Чечне 70-80% взрослого населения состояли мюридами суфийских братств, а в Ингушетии – 30-35%. По мнению авторов резолюции, среди мусульман края доминировало консервативно-реакционное течение, а прогрессивно-реформаторское достигало лишь 1/6 духовенства³.

Зачастую органы ОГПУ, особенно в узкоспециальных вопросах выбора языковой политики (например, предложений о создании единого алфавита народов Северного Кавказа на основе литературного общетюркского языка и латиницы), отношения к различным ответвлениям исламских сообществ, полагались на мнение привлекаемых внешних экспертов (к сожалению, не все их заключения подписаны и датированы).

Например, такова записка «Религиозный вопрос в национальных областях на Северном Кавказе», подписанная инициалами М.К. в середине июня 1927 г.⁴ Она была инициирована во исполнение совершенно секретного постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) «О мерах борьбы с мусульманским религиозным движением среди татаро-башкирского населения РСФСР (Татарии, Башкирии, Крымской республики и отдельных внутренних губерний РСФСР»⁵. В анализируемой записке обстоятельно излагается

¹ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 45. Л. 16

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 171. Л. 39-42; цит. по: Ислам и советское государство... Вып. 2. С. 89-92.

³ ГАРО. Ф. Р-2443. Оп. 2. Д. 199. Л. 27-31.

⁴ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 606. Л. 37–63.

⁵ Там же. Л. 67–71.

история мюридизма, суфийских братств (называемых «религиозными орденами») и мазхабов. Приводится статистика степени влияния ислама в различных автономиях Северного Кавказа: число мюридов, шейхов и муфтиев, мечетей и медресе в сравнении с числом коммунистов. Подробно анализируются земельное обеспечение мусульман и последствия советской земельной реформы, степень тяжести советских налогов в сравнении с дореволюционными, подсчитаны доходы духовенства от сборов закята, уровень распространения грамотности верующих. Автор записки отмечает размежевание внутри исламских общин на «реакционных и прогрессивных мулл», в различной мере враждебных Советской власти. Делается вывод, актуальный и поныне, о необходимости дифференцированного подхода к различным слоям верующих в тех или иных автономных областях Северного Кавказа¹.

Но даже в условиях коллективизации краевые органы власти противились наиболее грубым проявлениям антирелигиозной работы. Например, второй секретарь крайкома ВКП(б) В.И. Иванов в своём докладе на краевом национальном совещании 16 января 1930 г. указывал, что «механическое закрытие мечетей – не решение вопроса... Передать всех мулл в ГПУ – не решение», наоборот, без общественной подготовки и пропаганды это дискредитирует власть².

Поскольку краевая партийная инстанция была реальным центром власти, то в фонде 7 ЦДНИРО отложились также предложения и отчёты органов государственной безопасности. Информационные сводки и обзоры органов государственной безопасности как источник начали оформляться уже в период Гражданской войны. В изучаемом регионе они создавались сотрудниками Особых отделов воинских частей Южного фронта (впоследствии – Северо-Кавказского военного округа) РККА, сотрудниками областных и отдельных (уездных) ЧК. В 1920–1921 гг. состоялось содержательно-жанровое разделение сводок и обзоров, с одной стороны, о политическом состоянии местностей и категорий населения, а с другой стороны, сводок о военно-оперативной ситуации при

¹ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 606. Л. 51.

² ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1096. Л. 5, 13.

подавлении антисоветских выступлений. Первый вид информационных документов накапливался в фонде отдела управления Кубано-Черноморского областного революционного комитета (впоследствии – отдела управления облисполкома Советов)¹, а второй вид – в фондах Управления армиями Кавказского фронта², 9-й Кубанской армии РККА³, Управления войсками Северо-Кавказского военного округа⁴. Сводки о военно-оперативной ситуации также публиковались в виде брошюр ограниченного пользования, регулярно составляемых Разведывательным управлением Штаба СКВО в 1921–1923 гг.⁵

По мере подавления националистических антисоветских выступлений к началу 1925 г. информационные сводки и обзоры приобрели стандартную форму. Они подразделялись на сжатое изложение фактов, выводов и рекомендаций, а также приложение (часто – в табличной форме), в котором подробно характеризовались изложенные факты. Сводки составлялись еженедельно, а в ситуациях острых конфликтов – ежедневно (например, во время подавления Баксанского мятежа в Кабардино-Балкарии в 1928 г.). Обзоры, как правило, означали ежемесячное обобщение событий и процессов. Важно, что сводки и обзоры чётко датированы, зачастую указана должность подписавшего их должностного лица. В фонде 7 (Северо-Кавказский краевой комитет РКП(б)–ВКП(б)) Центра документации новейшей истории Ростовской области сводки и обзоры Полномочного представительства ОГПУ по краю, как правило, размещены по очерёдности рядом с делопроизводственными документами секретариата крайкома РКП(б)–

¹ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 32, 117, 140, 154, 195.

² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 109. Оп. 1. Д. 40; Оп. 3. Д. 116, 214, 216.

³ РГВА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 96, 140; Оп. 3. Д. 584, 775, 778, 945.

⁴ РГВА. Ф. 25896. Оп. 3. Д. 13, 48, 52, 75, 135, 710.

⁵ Краткий периодический обзор повстанческого движения на территории Северо-Кавказского военного округа по данным к 1-му июля 1922 г., за июнь 1922 г. Ростов н/Д, 1922.

ВКП(б)¹. Сохранились сопроводительные записки, которые на обеих сторонах небольшого листка содержали выписку из инструкции по хранению совершенно секретных документов, а также расписки сотрудников крайкома партии в получении документов. Эти источники, как и конверты, в которых хранились направленные из ЦК ВКП(б) в крайком документы, позволяют судить о степени оперативности обработки информации и процедурах делопроизводства, о почтовом адресе органов госбезопасности. Примечательно, что по ряду важных политических вопросов (например, спор в 1926 г. между членами командования СКВО о допустимости выдачи револьверов комсомольцам из числа народностей автономий Кавказа) к обзорам краевого полпредства приложены сводки областных и местных органов ОГПУ (в машинописных копиях).

Диахронный сравнительный анализ сводок и обзоров органов ОГПУ за 1920-е гг. позволяет судить о траектории развития антисоветских вооружённых выступлений как в автономиях Северного Кавказа, так и в областях с доминированием славянского населения.

Период с осени 1920 г. по весну 1921 гг. характерен массовыми мятежами и маневренными действиями повстанческих отрядов, выступавших с сепаратистскими лозунгами против политики военного коммунизма. Так, в октябре – ноябре 1920 г. происходят массовые скоординированные мятежи в Карачае, а также в нагорной Чечне и Дагестане (под руководством имама Н. Гоцинского) с исламскими лозунгами. Наблюдался наивысший подъём казачьего и крестьянского повстанчества «бело-зелёных» в русских областях.

В РГВА представляют интерес документы фондов 6 (Полевой штаб РККА), 192 (Управление 9-й армии), 25896 (Управление войсками Северо-Кавказского военного округа). Документы о «бело-зелёном» движении и мерах его подавления отложились также в фондах ГАКК, в том числе – в делах Кубано-Черноморского областного ревкома (Ф. Р-158) и областного исполкома Советов

¹ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 200, 195, 376.

(Ф. Р-686), областного отдела управления в составе областного ревкома (Ф. Р-102), штаба частей особого назначения Кубано-Черноморской области (Ф. Р-147).

Основное внимание органы управления Кавказского фронта РККА (с 1921 г. – Северо-Кавказского военного округа) уделяли наиболее многочисленным и хорошо оснащённым повстанческим формированиям. С июля по октябрь 1920 г. таковой на Кубани являлась «Армия возрождения России», действовавшая в Лабинском, Баталпашинском и Майкопском отделах.

АВР во главе с генералом М.А. Фостиковым поддерживала Русскую армию П.Н. Врангеля, что создавало непримиримые противоречия с Кубанской казачьей радой, пребывавшей тогда в изгнании в Грузии. Нами выявлены в РГВА и ГАКК документы повстанческих соединений – приказы командующего Армией возрождения России М.А. Фостикова; воззвания армии; листовки отрядов¹. Так, в приказе № 6 от 28 июня 1920 г. и воззвании к жителям южнорусских областей командарм определял цель АВР – уничтожить коммунизм и установить строгий народный порядок посредством созыва Учредительного Собрания. Генерал-майор М.А. Фостиков призывал срывать мобилизацию призывников в Красную армию, продразвёрстку и конфискацию скота. Документ изобилует грубыми антикоммунистическими и антисемитскими оборотами речи, содержит жалобы на отказ многих казаков и караевцев вливаться в ряды повстанцев, на скотокрадство². Близок по содержанию приказ командующего АВР № 7 от 28 июня 1920 г. (составлен в ст. Верхне-Кардоникской), содержащий призыв забыть былую вражду казаков и «иногородних» крестьян, обещающий наделить землёй тех крестьян, которые «не запятнали себя причастностью к большевикам». Характерно, что воззвание командира 2-го Линейного полка Кубанского казачьего войска полковника Дейнеги, также антисемитское, завершалось призывом: «да здравствует угнетённый трудовой народ»³.

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 192. Оп. 2. Д. 431. Л. 7–61; Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-757. Оп. 2. Д. 40. Л. 73-76.

² Там же. Л. 75–76; 10, Л. 73-76.

³ РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 1424. Л. 45.

Важны циркулярные письма М.А. Фостикова атаманам станиц, старшинам селений и аулов Баталпашинского отдела, а также полковнику М.П. Крым-Шамхалову, руководившему антибольшевистским мятежом карачаевцев, с требованиями ускорить мобилизацию. Познавательны оперативные сводки штаба АВР, излагающие ход боевых действий и данные разведки. К ним приложены списки мобилизованных казаков и распоряжения о дисциплинарных взысканиях (по ним можно восстановить возраст и военный опыт повстанцев)¹.

Общие силы АВР составляли в Майкопском, Баталпашинском и Лабинском отделах до 11400 чел. с 55 пулемётами и 6 орудиями на июль 1920 г.² Наивысший подъем движения пришёлся на июль – август 1920 г. После утраты надежд на воссоединение с врангелевскими десантами выступление АВР пошло на спад.

Насколько нам известно, М.А. Фостиков – единственный военачальник крупного повстанческого формирования, оставивший подробные воспоминания. Вероятно, их основой стала вывезенная в белый Крым, а затем – в эмиграцию оперативная документация АВР. Фостиков подробно описывает политическую и военную ситуацию в горной полосе Кубани в 1920 г., перечисляет все созданные регулярные подразделения и места их дислокации³. Фостиков признаёт свою последовательную поддержку Русской армии П.Н. Врангеля, перечисляет факты саботажа снабжения АВР со стороны самостийников – Кубанской казачьей рады и «Комитета спасения Кубани»⁴. Он описывает переход разгромленной АВР через Кавказский хребет в районе горы Псеашхо и временное занятие Адлера, вызвавшее конфликт с эсеровским «Комитетом освобождения Черноморья».

Определённый интерес представляют разведывательные «Сводки сведений о противнике на Кавказском фронте и в закавказских государствах», составившиеся в штабе и Особом отделе

¹ РГВА. Ф. 192. Оп. 2. Д. 431. Л. 7–11, 14, 50; 11, 250.

² РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 584. Л. 25–29.

³ Дневник генерала М.А. Фостикова // Дневники казачьих офицеров. М., 2004. С. 84–87.

⁴ Дневник генерала М.А. Фостикова // Дневники казачьих офицеров. М., 2004. С. 120.

Кавказского фронта РККА на основе донесений агентов регистрационного управления (так именовалась для конспирации военная разведка фронта и 9-й армии в его составе). Они содержат изложение сообщений грузинских и казачьих эмигрантских газет, донесений разведки фронта. Эти источники позволяют судить о взаимоотношениях между фостиковцами, казачьей радой и органами власти Грузии в октябре 1920 г.; о формировании повстанческих отрядов кубанских «самостийников» в Абхазии при поддержке Грузии¹.

Для объяснения причин повстанчества важны доклады членов Казачьей секции Кубано-Черноморского областного ревкома о своей политической работе. Так, в докладе от 24 августа 1920 г. секция отмечала неисполнение решений центральной власти на местах, массовые репрессии и продразвёрстку, незнание местными функционерами психологии населения: «Нас разъединяют, казаков с иногородними». В докладе от 4 сентября 1920 г. о положении в ст. Усть-Лабинской упомянуты массовые признания жителей: «Советская власть очень хороша, если бы только без коммуны»². Член секции Л.З. Федоренко в своём докладе о посещении Горячеключевского района (середина сентября 1920 г.) делает вывод: «Причины зеленоармейства в большинстве случаев везде однородны: неуместный и безосновательный террор со стороны властей, не умеющих подойти к населению, не прекращающиеся незаконные и не оправдываемые какими-либо потребностями реквизиции и конфискации»³.

Аутентичность содержания источников установлена сравнением подлинников и заверенных копий повстанческих текстов с воспоминаниями и пересказами в советской военной документации. Захваченные в ходе боевых действий трофейные документы АВР хранились и анализировались в разведывательном отделении штаба 9-й армии РККА. Военно-оперативная документация обеих сторон конфликта перепроверена нами, так как, будучи изучена

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 167. Л. 65, 138.

² ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 424. Л. 2-3; ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 423. Л. 2 об.

³ ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 424. Л. 6.

изолированно, ведет к односторонним выводам и не дает полных сведений о действиях РККА.

После эвакуации АВР в Крым (октябрь 1920 г.) в повстанческих выступлениях произошло недолгое затишье, сменившееся к декабрю 1920 г. бурным ростом мятежей и маневренных рейдов, новым образованием крупных формирований на основе сплочения местных разнородных отрядов. Основной причиной этого было ужесточение мер «военного коммунизма» – продразвёрстки, расказачивания, мобилизации призывников и конского состава в РККА. На сторону повстанцев в январе 1921 г. перешли руководители Казачьей секции Кубано-Черноморского областного революционного комитета, бывшие эсеры-«самостийники» М.П. Пилук и П.А. Савицкий (другой руководитель секции – Л.З. Федоренко остался на стороне большевиков). Социальная опора и лозунги «бело-зелёных» в это время изменяются. Если в 1920 г. АВР действовала как регулярное воинское соединение, пусть и отделённое от врангелевцев линией фронта, то с конца 1921 г. преобладали более гибкие, «сетевые» структуры повстанческих отрядов, они пополнялись дезертирами и демобилизованными красноармейцами. Преобладать стали лозунги «Власть Советам без коммунистов», в духе эсеровской свободы торговли и общинного землепользования. Но, как и в 1920 г., основная линия конфликта – земельный вопрос, который разделял казаков и «иностранцев».

Объявление перехода к продналогу (март 1921 г.) не вызвало на Кубани немедленного успокоительного действия, поскольку власти продолжали изымать продукты в рамках «единовременного проднаряда» и размеры изъятий у хлеборобов изменились незначительно. В итоге волна мятежей и рейдов крупных повстанческих отрядов достигла пика за февраль – апрель 1921 г.

По размерам выделялись «Народные войска Северного Кавказа» под командованием полковника Серебрякова (Даутокова) в Лабинском и Пятигорском отделах, а также «Кубанская повстанческая армия» И. Захарченко – восставшего 4 марта 1921 г. комбрига 1-й Конной армии. Например, в конце марта 1921 г. при сражении в районе ст. Бжедуховской были захвачены документы И. Захарченко о его службе в РККА и участии в боях против махновцев, а также приказы «командарма» о создании военно-

полевого суда и агитационные листовки к казакам¹. О действиях сил под командованием Серебрякова дают представление приказы, воззвания, переписка между воинскими частями, рапорты есаула А.К. Арканникова и поручика А.А. Джентемирова, есаула В. Беззубова, полковника А.Д. Трубачёва². И Серебряков, и Захарченко разгромлены в мае 1921 г., погибли. Сохранились фотографии Серебрякова и его адъютанта, сделанные сотрудниками разведотдела 9-й армии РККА перед расстрелом взятых в плен.

Идейная ориентация «Кубанской повстанческой армии», которую летом 1921 г. возглавил пожилой генерал М.А. Пржевальский, а её Политический отдел – П.А. Савицкий, раскрывается в листовке «Товарищам красноармейцам от кубанцев-повстанцев» (февраль 1921 г.). Длинный текст изобилует эмоциональными выражениями, противопоставляющими «Центр России, пришельцев» и «вольных кубанцев» (под ними подразумевались и казаки, и «иногородние», и рабочие, и горцы). Авторы листовки выступали против продразверстки и диктатуры большевиков, за «истинное народоправство», свободную торговлю, наделение землёй всех местных трудящихся и создание Кубанской республики. Примечательно, что даже г. Краснодар в листовке демонстративно назван «Кубанском». Авторы листовки выдвигали грубо сепаратистский лозунг: «Кубань для кубанцев»³. Этот же текст приводится в сводке № 7-8 Кубано-Черноморского областного ревкома о политическом состоянии области с 15 апреля по 15 мая 1921 г., будучи сопровождаён детальным анализом развития общественных настроений⁴.

В сентябре – начале октября 1921 г. «Кубанская повстанческая армия» была разгромлена и распалась на несколько разрозненных отрядов. Эсеровская самостоятельная программа также утратила влияние на настроения зажиточных и середняцких слоёв казачества. В дальнейшем «бело-зелёное» движение приобрело форму малых

¹ ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 423. Л. 6; РГВА. Ф. 25896. Оп. 8. Д. 42. Л. 2-28.

² РГВА. Ф. 25896. Оп. 8. Д. 42. Л. 40-81.

³ РГВА. Ф. 25896. Оп. 2. Д. 42. Л. Л. 50; 20, 127.

⁴ ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 138. Л. 59-67.

местных отрядов, совершавших набеги на станицы и во всё большей мере вырождавшихся в форму уголовного бандитизма.

Переход к НЭПу, объявленный в марте 1921 г., далеко не сразу положительно сказался на политических настроениях населения, поскольку на Юге России был объявлен единовременный продовольственный наряд, а методы взимания продналога мало чем отличались до 1923 г. от методов сбора продразвёрстки. Если в казачьих областях повстанчество пошло устойчиво на спад с лета 1922 г. и было ликвидировано к осени 1924 г., то в горских автономиях (особенно – в Чечне, Ингушетии и Дагестане) антисоветские выступления не утихали весь период НЭПа. По сути, в горных местностях существовало двоевластие ревкомов и местных шейхов, а выборы Советов в Чечне в 1923 г. были сорваны налётами банд. Шейх А. Митаев, временно перешедший на сторону советской власти, имел больше вооружённых мюридов, чем воинские части РККА и милиция в Чеченской автономной области¹. В 1924 г. Грозненский отдел ОГПУ ликвидировал организацию шейха А. Митаева, а в Дагестане был арестован и позже казнён имам Н. Гоцинский.

Так, 17 мая 1924 г. члены бюро Юго-Восточного крайкома РКП(б) признали резкий рост активности банд, особенно – уголовных. На автономные области было распространено действие постановления ЦИК СССР от 9 мая 1924 г. Вынесение приговоров о бандитизме проводилось отныне тройками под председательством особоуполномоченного ОГПУ, в составе представителя ОГПУ, обкома РКП(б) и прокурора². 18 июня 1924 г. Адыгея, Кабардино-Балкария и Чечня были признаны на заседании бюро крайкома неблагополучными по бандитизму, вопреки позиции Горского обкома и Чеченского оргбюро РКП(б)³. 5 декабря 1924 г. члены бюро Северо-Кавказского крайкома РКП(б) обсудили отчёт тройки при Полномочном представительстве ОГПУ по Северо-Кавказскому краю и Дагестанской АССР по рассмотрению дел о бандитизме во внесудебном порядке. Они приняли решение ликвидировать

¹ Вайнахи и имперская власть... С. 540–541.

² ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 15. Л. 11.

³ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 15. Л. 32.

тройки в Адыгейской (Черкесской), Кабардино-Балкарской автономных областях и Дагестанской АССР ввиду стабилизации политической обстановки. Сохранившиеся в других автономиях края внесудебные органы были соподчинены краевой тройке при полпредстве ОГПУ¹.

Но документы «особой папки» крайкома РКП(б) свидетельствуют о сложной военно-политической ситуации в Чечне и Дагестане и в более поздний период. Так, 12 июля 1925 г. члены бюро крайкома заслушали сообщение С.Н. Миронова и Е.Г. Евдокимова о положении в Чечне, постановив усилить борьбу с бандитизмом, провести разоружение и изъятие преступных элементов в аулах, используя осенние военные манёвры². Разоружение было проведено во всех автономиях Северо-Кавказского края на протяжении 1925 г., а в Дагестанской АССР – в 1926 г.

Период 1925–1926 гг. отмечен наибольшим умиротворением в горских автономиях как вследствие общесоюзной политики «Лицом к деревне», так и ввиду совместных операций РККА и ОГПУ по разоружению сначала Чечни, а затем – Дагестана и Ингушетии. Судя по докладной записке Северо-Кавказского крайисполкома Советов во ВЦИК об итогах борьбы с бандитизмом в Чечено-Ингушской автономной области от 13 декабря 1927 г., за время разоружения Чечни было арестовано 309 бандитов, изъято у населения 25 299 винтовок, 4 319 револьверов, 7 пулемётов и 1 оружие³.

Представляют интерес информационные сводки и обзоры полпредства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю, фиксирующие общественное мнение различных социальных и этнических групп, верующих. Сводки и обзоры содержат дословное изложение антисоветских песен, листовок, карикатур и надписей.

Период с осени 1927 по 1929 гг., означавший свёртывание НЭПа и переход к форсированной коллективизации, отмечен восстановлением массовых антисоветских выступлений. Теперь они стимулировались раскулачиванием, закрытием культовых

¹ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 25. Л. 3.

² ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 131. Л. 4.

³ Вайнахи и имперская власть... С. 540–541.

сооружений, преследованием религиозных и этнических объединений. Только в Чечне антиколхозные мятежи охватили в ноябре – декабре 1927 г. горные районы. В итоге действий полевых частей ОГПУ у мятежников были отбиты центры движения – аулы Шали и Гойты. Согласно справке штаба СКВО от 30 марта 1930 г., в операции по подавлению мятежа участвовали 1904 бойца, потери составили 43 чел., а со стороны мятежников – до 60 чел.; 450 бандитов были арестованы¹. Антиколхозные мятежи в ещё большем масштабе повторились в марте 1930 г. Информационные сводки и обзоры ОГПУ в сравнении с отчётными и аналитическими докладами командования СКВО позволяют выявить причины бандитизма, проявления слабости партийных и государственных органов власти, особенности лозунгов и психологии мятежников.

Авторы монографии считают, что к концу 1920-х гг. органы местного управления, особенно – в Чечне, оставались весьма слабыми. Это подтверждается стенограммой краевого национального совещания 16 января 1930 г., обсудившего, среди прочих вопросов, уроки антиколхозных мятежей в автономиях. Первый секретарь крайкома ВКП(б) А.А. Андреев констатировал: «Военные пришли в аулы, а там нет ни партиячейки, ни совета. Достаточно какого-то пустякового восстания, и никакого следа от нашей организации не осталось». Выход Андреев видел в том, чтобы дать в Чечню из края побольше «русских товарищей», чтобы они помогли наладить общественную работу². В постановлении партколлегии краевой контрольной комиссии–РКИ об итогах чистки Чеченской областной парторганизации (22 апреля 1930 г.) отмечалась засорённость части местных Советов, вплоть до поддержки бандитизма; «сильно развито среди коммунистов тейповое деление» и на этой почве – конфликты группировок³.

Информация, изложенная в сводках и обзорах органов ОГПУ, перепроверяется по иным видам источников – письмам и обращениям граждан в органы власти и периодическую печать, а также по выступлениям представителей органов госбезопасности на

¹ РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 366. Л. 283-283 об.

² ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1098. Л. 147, 149.

³ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-1185. Оп. 3. Д. 415. Л. 101.

заседаниях секретариатов, бюро и пленумов партийных комитетов, а также исполкомов Советов, которые особенно детально стенографировались в 1925–1928 гг. Большой интерес представляют также протоколы заседаний партколлегии Северо-Кавказской краевой контрольной комиссии–Рабоче-крестьянской инспекции ВКП(б) за 1928–1931 гг., содержащие сведения о слабой вовлечённости представителей народов региона в городскую промышленность, о проявлениях этнической и клановой (тейповой) вражды, но в то же время – об успехах ликвидации неграмотности¹.

Кроме сведений, представлявших основное назначение создания сводок и обзоров, они содержат немало ценной информации об условиях развития межэтнических отношений, экономическом положении местностей, этнических и религиозных традициях населения, влиянии национализма на партийный и государственный аппарат власти.

Таким образом, архивные документы достаточно системно характеризуют цели, ресурсы и организационные формы, идеологический дискурс национальной политики 1920-х гг. Среди важнейших изученных аспектов данной политики можно выделить выбор статуса автономий и их границ, формирование в автономных областях органов управления, подготовку руководящих кадров и их «коренизацию», землеустройство, государственно-конфессиональные отношения.

Ценность представляют протоколы заседаний бюро и секретариата краевого комитета РКП(б)–ВКП(б). Они содержат сведения, не становившиеся открытыми в партийной пропаганде, в том числе – отчётные и аналитические записки органов государственной власти, информационные сводки и отчёты полпредства ОГПУ по краю. Материалы заседаний пленумов крайкома и краевых партийных конференций интересны другим, – они содержат аргументы, приводившиеся партийными и советскими работниками в открытых дискуссиях. Особое внимание следует уделить документам Национальной комиссии Северо-Кавказского крайкома РКП(б)–ВКП(б), в рамках которой готовились решения краевых партийных и советских выборных органов власти.

¹ ГАРО. Ф. Р-1185. Оп. 3. Д. 415. Л. 53-55, 92-93.

Комплекс документов ГАРО полезен благодаря характеристике советского строительства, административно-территориальных реформ, состояния кадровой политики, образования и культуры в автономиях. Интересны периодические отчёты областных исполкомов Советов в крайисполком, содержащие сведения о землеустройстве, партийно-государственном аппарате, итогах местных выборов. Важны материалы краевого Национального совета при крайисполкоме, решавшего задачи борьбы с неграмотностью, реформ в области культуры и образования.

Документы партийных и государственных органов власти 1920-х гг. отражают противоречия идеологического дискурса: элементы доктрины мировой революции, риторика равноправия и дружбы народов, классовый подход причудливо сочетаются в них с прагматичными оценками состояния межэтнических отношений и конфессиональной обстановки.

Информационные сводки и обзоры органов государственной безопасности являются ценным источником по истории реализации партийно-государственной национальной политики в Северо-Кавказском крае 1920-х гг. Их содержание, структура и нормативные правила оформления стандартизировались к середине 1920-х гг. Информационные сводки и обзоры Полномочного представительства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю дают разносторонние и достаточно объективные сведения о масштабах, лозунгах и формах антисоветских вооружённых выступлений, о политических настроениях различных социальных групп и слоёв полиэтничного населения. Кроме сведений, представлявших основное назначение создания сводок и обзоров, они содержат немало ценной информации об условиях развития межэтнических отношений, экономическом положении местностей, этнических и религиозных традициях населения, влиянии национализма на партийный и государственный аппарат власти, межэтнических и межсословных конфликтах. Изученные источники, перепроверяемые по другим видам, раскрывают степень осведомлённости органов государственной безопасности о состоянии этнических проблем и их рекомендации органам партийно-государственной власти в сфере национальной политики.

2. ДОЛГОСРОЧНЫЕ ФАКТОРЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ 1920-х гг. НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И В КРЫМУ

2.1. ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И В КРЫМУ В 1920-х гг.: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

По данным демографов, с 1918 по 1922 г. общая численность населения Советской России значительно сократилась. Это объясняется прежде всего сокращением территории страны за счет вычленения из нее ряда плотно заселенных западных областей. Всего на территории, отошедшей от России (без Финляндии), в 1897 г. жило 21,9 млн чел., т. е. свыше 17% всех жителей страны¹. В границах РСФСР на 1918 г. проживал 141 млн чел., к 1922 г. эта цифра уменьшилась до 133,8 млн. Столь значительное сокращение произошло из-за жертв, понесенных в годы Гражданской войны. По некоторым подсчетам демографов, в 1918–1920 гг. Красная Армия потеряла убитыми и умершими от ран и болезней около 1 млн человек; вероятно, примерно такими же были потери Белой армии². Однако С. Максудов для всей территории СССР определяет военные потери в ходе Гражданской войны в 800 тыс. чел., тогда как повышенная убыль гражданского населения от голода и болезней, по его расчетам, составила еще 10,3 млн жителей³. Несколько миллионов гражданского населения погибло от эпидемии вирусного гриппа («испанки») и сыпного тифа, а также от голода, поразившего в 1921 г. Поволжье и ряд других областей страны. Следует сказать и о том, что около 2 млн чел., главным образом из «бывших» сословий, зажиточных слоев, а также большие группы обманутых солдат белогвардейских армий мигрировали за рубеж. Все эти потери были усугублены повсеместным сокращением

¹ Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. IV. Народность и родной язык населения СССР. М., 1928. С. XXIV–XXVI.

² Козлов В.И. Национальности СССР: Этнодемографический обзор. 2-е изд., доп. и перераб. М., 1982. С. 62.

³ Максудов С. Русские и чеченцы... С. 85.

рождаемости из-за нарушенных семейных связей и ухудшения условий жизни.

1922 год – год создания СССР был, по существу, первым годом после революции, когда по стране в целом был зафиксирован небольшой естественный прирост населения. В последующие годы этот прирост быстро увеличивается как за счет повышения рождаемости (составившей в 1926 г. уже 46 рождений на 1 тыс. жителей), так и за счет сокращения смертности (до 19 смертей на 1 тыс. жителей); последнее произошло благодаря некоторому улучшению условий жизни и начавшемуся развитию советской системы здравоохранения. Естественный прирост населения в это время в абсолютных цифрах достиг уже почти 4 млн человек в год. Перепись населения, проведенная 17 декабря 1926 г. и впервые охватившая всю территорию Советского государства, определила общую численность его жителей в 146,8 млн чел., что почти на 8 млн больше численности на 1913 г. в сопоставимых границах.

С конца 1920-х гг. средний показатель естественного прироста населения СССР начинает сокращаться. Это объясняется главным образом снижением рождаемости из-за широкого вовлечения женщин в общественное производство вне дома (особенно в городах), интенсивными массовыми миграциями из села в город и в промышленные районы и связанным с этим нарушением прежнего быта, а также некоторыми материальными трудностями реконструкционного периода и другими факторами. Продолжает снижаться и смертность, однако уже не столь быстрыми темпами, как в середине 1920-х гг.; в некоторых областях страны она временно даже повышалась¹.

Социально-демографическая ситуация в изучаемом макрорегионе в 1920-е гг. в более значительной степени, чем по всей стране объяснялась последствиями двух войн, унесших и искалечивших огромное количество трудоспособного и детородного населения. По данным П.Г. Чернопицкого, реальные людские потери Северо-Кавказского края составляли 17,4%, в то время как по всей стране в целом – 9,5%. Самые высокие потери понесли мужские возрастные группы наибольшей трудовой активности от

¹ Козлов В.И. Указ. соч. С. 61–63.

17 до 40 лет¹. Только в бывшей Кубанской области, начиная с 1916 г., численность населения стала сокращаться в среднем за год на 3,8% и к 1920 г. составила лишь 79,1% по отношению к 1915 г., что в абсолютных цифрах означает снижение численности населения на 331 тыс. чел.² С. Максудов приводит численность боевых потерь среди чеченцев, ингушей и осетин в 5 тыс. чел., причем чеченцы потеряли 2,7 тыс. чел.³

В целом по Северному Кавказу на декабрь 1926 г. насчитывалось 6043 инвалида двух войн, из них четвертая часть в возрасте 10–29 лет (большая часть которой не принимала участия в боевых действиях), причем около 86% этих молодых людей потеряли конечности⁴. Косвенно урон, нанесенный двумя войнами, можно подсчитать и по количеству овдовевшего населения, хотя это ничтожная доля людских потерь. Так, по Кубани и Черноморью общее число вдовых в возрастном интервале 25–64 года (наиболее активное население, подлежащее мобилизации и принимавшее участие в войнах) составляет 150 тыс. человек, из них овдовевших женщин более 134 тыс., или 88,5%⁵.

Для изучаемого периода характерными являются миграции населения, вызванные как последствиями двух войн, так и другими причинами, в том числе голодом и промышленным кризисом 1920–1921 гг. Миграции были как меж-, так и внутрирегиональными. Показательно, что на Северный Кавказ за 20 дореволюционных лет (1897–1917) переместилось свыше 563 тыс. человек, в то время как за 10 последующих лет (1917–1927) число мигрантов возросло в 2,46 раза и составило около 1388 тыс. человек, причем подавляющее большинство из них переместилось на Кубань и

¹ Чернопицкий П.Г. Деревня Северо-Кавказского края в 1920–1929 гг. Ростов н/Д, 1987. С. 5.

² Население и хозяйство Кубанского округа: статистический сборник за 1924–1926 гг. / под ред. В.И. Смирнского. Т. 2. Краснодар, 1928. С. 10.

³ Максудов С. Русские и чеченцы... С. 85.

⁴ Подсчит. авт. по: ЦСУ СССР. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., Л.: Соцэкгиз, 1930. Т. XXXIX. С. 254.

⁵ Подсчит. авт. по: Там же. С. 50, 53, 54, 59, 61.

Черноморье. Особенно резкий всплеск миграции наблюдался в 1921–1923 гг., что обусловлено голодом¹.

Постоянным фактором общественного развития были широкомасштабные миграции. Исходное состояние потоков переселенцев начала XX в. выявлено в статье Л.И. Бородкина и С.В. Максимова с применением количественных методов анализа. Юг России по численности принятых переселенцев был на третьем месте в стране после Сибири и Казахстана. В основном край принимал мигрантов из Левобережной Украины, Центрального Черноземья России, Дагестана и Закавказья². Войны и революции повысили приток новоселов. Край обогнал Казахстан по размаху переселений. Стали преобладать политические мотивы миграции и нужды выживания. Численность новоселов превысила реальные потребности края в рабочей силе и возможности наделения землей. За 1917–1920 гг. на Юге РСФСР сменили пункт обитания 122 796 крестьян, за 1921–1923 гг. – 204 401, за 1924–1926 гг. – ещё 141 527 крестьян³. С учетом осевших в городах края переселение охватило около 700 тыс. чел., из них более 60% прибыли из-за пределов края⁴. Они расселились прежде всего в бывших казачьих областях⁵. Лица, покинувшие место своего рождения и постоянно проживавшие на момент переписи 1926 г. в крае, составили 2291,6 тыс. чел. (27,4% населения Северо-Кавказского края). Ещё 195,1 тыс. чел. (2,3%) проживали здесь временно⁶.

Крайнее разнообразие природных и хозяйственных условий региона порождало миграционные потоки из одних округов и областей в другие, а также в пределах округов и районов.

¹ Подсчит. авт. по: Там же. С. 122, 130.

² Бородкин Л.И., Максимов В.С. Крестьянские миграции в России/СССР в первой четверти XX века // Отечественная история. 1993. № 5. С. 124–143.

³ Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1930. Т. 40. С. 63, 67; Т. 42. С. 44–45; Т. 39. С. 116–119. Следует учесть возможность повторного подсчета переселенцев.

⁴ Там же. Т. 39. С. 130. Бородкин Л.И., Максимов С.В. Указ. соч. С. 140. Следует учесть возможность повторного подсчета переселенцев.

⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 года... Т. 39. С. 209–217, 196–200.

⁶ Гозулов А.И. Морфология населения. Ростов н/Д, 1929. С. 380, 16.

А.И. Гозулов установил закономерность: отток населения шел из малопродуктивных горских местностей, из зон рискованного земледелия (Сальского, Ставропольского округов), а также из перенаселенных Донецкого и Шахтинско-Донецкого округов. Принимали новоселов Кубань, Нижний Дон, Терек, городские Грозненский и Владикавказский округа¹. М.Ю. Макаренко провела расчеты, по которым большинство неместных уроженцев – поселенцев Кубано-Черноморья прибыло из-за пределов Юга России (от 56,07 до 72,77% в отдельных округах); 15,34–21,60% составляли бывшие жители данной территории; от 10,48 до 27,90% перемещались в пределах округа².

Сравнение причин и мотивов миграций позволяет выделить два основных этапа перемещений населения края. В 1920–1922 гг. преобладали стрессовые миграции, вызванные Гражданской войной и политическим противоборством. Так, А.А. Андреев сообщал в докладе Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Пленуму ЦК в ноябре 1928 г., что «одних только бывших крупных контрреволюционных землевладельцев-кулаков около 300 тысяч ушло в эмиграцию».

Противоположная тенденция господствовала в 1923–1927 гг. Миграции вызывались хозяйственными интересами населения, плановый механический прирост населения края незначителен. Потребовался циркуляр Наркомата земледелия РСФСР от 7 августа 1924 г., запрещающий самовольные переселения на Юг России, но он остался невыполненным. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 17 августа 1925 г. разрешил плановое переселение в Сальский, Ставропольский, Терский, Донской и Черноморский округа сроком на год³. Однако его размеры составляли малую часть стихийного потока мигрантов. За 1924/25 г. в краевой фонд зачислено 7 070 переселенцев, за 1925/26 г. – 32 706. Наделять землей предполагалось прежде всего бедняков. Им предоставили

¹ Гозулов А.И. Морфология населения... С. 404, 405.

² Макаренко М.Ю. Население Кубани в 1920–1926 гг. С. 86–87.

³ Переселенческое дело: Сб. декретов и распоряжений по переселению. М., 1927. С. 135–138, 36.

76,5% выделенных угодий, а середнякам – 17,7%¹. Потребовались жесткие ограничения. В итоге волна стихийных мигрантов пошла на спад. Край принял в 1925/26 г. 10,7% переселенцев страны, а в 1928/29 г. – 0,5%².

В марте 1927 г. состоялось I Всероссийское совещание работников по переселенческому делу. Было решено, что Северо-Кавказский край как обжитой многоземельный регион войдет в число первоочередных территорий освоения. СНК РСФСР предложил признать районами общесоюзного значения Черноморский и Терский округа, куда планировалось направить до 700 тыс. чел. Правительство потребовало от краевых земельных органов выделить в колонизационный фонд 200 тыс. семейных наделов. Переселенческий комитет запретил стихийный переезд в край до тех пор, пока с мест не поступят обоснованные квоты заселения. Как установила Е.А. Зуйкина, эти замыслы были к 1929 г. выполнены лишь на 8% из-за слабого финансирования и снабжения, нецелевого расходования средств, предоставления чаще всего труднодоступных участков³. Возник поток обратного переселения, распались созданные артели.

Наиболее надёжным источником для изучения изменений этнодемографии Юга России в данный период являются результаты Всесоюзной переписи населения 1926 г. Основными переписными документами в 1926 г. являлись личный листок, включающий в себя около 30 вопросов и подвопросов, а также семейная карта, содержащая более 20 вопросов. Материалы переписи были опубликованы со значительной детализацией.

Вместе с тем, политическая конъюнктура, увы, повлияла на методику проведения и подведения итогов переписи. Так, национальность подлежала учёту не на основании самооценки граждан, как это было при предшествующих переписях 1897 и 1920 гг., а в

¹ Сельское хозяйство Северного Кавказа и работа земельных органов... С. 15.

² Зуйкина Е.А. «В наших специфических условиях» // Родина. 1994. № 3–4. С. 138.

³ Зуйкина Е.А. К вопросу о русских... С. 130–134; Она же. Некоторые аспекты переселенческой политики на Северном Кавказе в конце 20-х годов // Новые страницы истории Отечества... С. 108–113.

строгом соответствии с «принадлежностью» родителей и паспортным учётом. Гражданин не мог свободно выбрать свою национальность, как и самоопределиться в качестве обладателя двойного самосознания.

Перечень народностей, который был использован во Всесоюзной переписи населения 1926 г., в целом преемствен имперской номенклатуре. Изменения в номинациях народностей связаны с формирующейся национально-государственной и административно-территориальной композицией страны. Появление Украинской ССР потребовало внесения поправок в устоявшиеся идентификационные нормы по всей стране, в том числе – прочерчивания границ внутри уже сильно интегрированного славянского населения на Кавказе. Служебный циркуляр для переписчиков 1926 г. требовал, в частности, «уточнения записи об украинской, великорусской и белорусской народностях». Для тех местностей, «где словом „русский“ определяют свою народность представители трех этих народностей», от переписываемых лиц требовался однозначный выбор: к какой именно народности из трех они себя причисляют. Другой же циркуляр предписывал противоположную идентификационную операцию: причисление всех картвелоязычных народов (грузины, аджарцы, мегрелы, сваны, лазы) к общей этнической группе грузин.

Особенностью населения Северо-Кавказского края всегда являлся его полиэтничный состав. По результатам Всесоюзной переписи 1926 г., насчитывалось в Армавирском округе – 61, Кубанском – 69, Майкопском – 52, Черноморском – 59, Адыгее-Черкесской АО – 40 народов и народностей. Официально русские составляли в среднем 43,2% населения края, украинцы – 36,4%, остальная часть жителей приходилась на другие народности, среди которых наиболее многочисленными были греки, армяне, молдаване, белорусы, немцы, черкесы и другие¹.

Своеобразие класса крестьянства в Северо-Кавказском крае определялось под сильнейшим воздействием традиций сословности, прежде всего казачества как системообразующей группы.

¹ Подсчит. авт. по: ЦСУ СССР. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., Л., 1930. Т. V. С. 57–59, 71–73, 77–78, 96–97, 106.

Донское, Кубанское и Терское казачьи войска в 1914 г. насчитывали 3 117 тыс. чел. (33% населения края без Черноморской губернии) (см. табл. 4 в приложении).

Мощный поток переселенцев в 1864–1914 гг. быстро сокращал удельный вес казаков в структуре населения, что было неизбежным следствием роста рыночных отношений и обострило социокультурные противоречия. Как явствует из материалов табл. 10, обстановка в каждой области и губернии своеобразна. Слой коренных крестьян-старожилов объективно смягчал противоречия между казаками и иногородними. Поэтому наибольшая острота борьбы наблюдалась на Кубани, где коренных крестьян было сравнительно немного.

Лица невойскового сословия до революции подразделялись на три группы с различным правовым положением. Первая из них – коренное крестьянство (3 142 тыс. чел., т.е. 33,2% населения Юга России) – жила на государственных землях или приобретала участки на правах собственности за пределами казачьих станиц. По степени зажиточности и политическим взглядам коренные крестьяне были близки казакам. Вторая группа – иногородние, имеющие оседлость – обладала правом приобретать в собственность усадьбы в потомственное пользование земель и платила обременительную посаженную плату казачьим общинам. Третью группу составляли иногородние квартиранты – арендаторы войсковых и частновладельческих земель, наиболее маломощные экономически и бесправные политически. Вторую и третью группы невойскового населения, близкие по политическим позициям, часто объединяют под понятием иногородних. В сумме они дают 2 760 тыс. чел., т.е. 29,2% жителей Юга России (1914 г.)¹.

Наиболее достоверным источником по демографии и социальной структуре казачества являются материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. Существуют также выборочные репрезентативные данные 1917, 1920 и 1923 гг. Для понимания специфики населения края в целом и составлявших его местностей крайне важно провести анализ территориального размещения казачества. Нами разработана табл. 5 (приложение), в которой впервые

¹ Козлов А.И. Указ. соч. С. 32.

рассчитана численность казачества в пределах историко-культурных регионов, выяснено соотношение русских и украинцев среди казаков, подсчитаны казаки-горожане. По переписи 1926 г., в пределах Северо-Кавказского края проживали 2 302 тыс. казаков (27,5% всего населения, в том числе 32% сельского и 10,5% городского)¹. Ещё 701,1 тыс. казаков находились в пределах Хопёрского, 2-го Донского и Усть-Медведицкого округов, отторгнутых от Донской области в 1921 г. и переданных Царицынской губернии². Некоторое число казаков, вероятно, небольшое, осталось на землях Донской области, в 1920 г. переданных в состав Украинской ССР. В пределах Дагестанской АССР проживали 21,1 тыс. казаков³. Таким образом, за время мирного восстановления экономики (1923–1926 гг.) была примерно достигнута довоенная численность казачества в крае. Проведенные нами расчеты показывают, что на территории дореволюционной Кубанской области казаков насчитывалось в 1926 г. 1 419,9 из 3 376,6 тыс. (42,05% всего населения), на территории бывшей Терской области – 243,9 из 1 595,1 тыс. чел. (15,29%). А.П. Кожанов пришел к выводу, что донское казачество (включая жителей отторгнутых верхнедонских земель) составило 1 325,2 тыс. чел. (40,96% всего населения области)⁴.

Наибольший удельный вес казачества был зафиксирован в декабре 1926 г. в населении Сунженского (78,8%), Кубанского (50,84%), Шахтинско-Донецкого (46,98%) и Армавирского (41,01%) округов. Среднекраевые показатели характерны для Майкопского (34,25%), Донецкого (33,18%), Терского (26,0%) и Донского (25,73%) округов. Невойсковое население преобладало в Сальском (лишь 18,35% населения – казаки), Грозненском (14,67%), Черноморском (12,08%) округах, а также в г. Владикавказе (7,58%) и автономных областях (от 9,64% в Северной Осетии

¹ Казачество Северо-Кавказского края. С. 28–29.

² Кожанов А.П. О возрождении казачества // Возрождение казачества... Ростов н/Д, 1995. С. 11; Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. 3. С. 454.

³ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 370. Л. 148–153.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. 3. С. 454; Казачество Северо-Кавказского края. С. 28–29, 88–97, 3–10.

до 0,34% в Ингушетии), Ставропольском (1,29%) и Таганрогском (1,22%) округах. В 39 из 153 районов края казаки составляли более 50% станичных жителей, а в 60 районах – более 30%¹.

Тема этносоциальной сущности казачества стала дискуссионной в период постсоветских преобразований. Утрата прежних форм легитимности государства, рост центробежных местнических настроений вызвали к жизни публикацию политизированных, слабо аргументированных работ. Появились априорные утверждения о коренном народе, имеющем право на атаманское правление и земельные льготы в пределах «исторических территорий компактного проживания»². Напротив, некоторые исследователи продолжают видеть в казачестве 1920-х гг. реакционное сословие – пережиток средневековья, оправдывают официальный курс его расслоения и упразднения³.

На наш взгляд, необходимо в данном вопросе соблюдать принципы: исторический подход к анализу казачества 1920-х гг. (недопустимо отождествлять его с дореволюционным либо современным); объективность; предпочтение научных категорий произвольно сконструированным терминам; понимание многоаспектности и неравномерной изученности проблемы. Не претендуя на полноту и категоричность оценки, мы можем указать на бесспорную социокультурную, этническую и сословную специфику казачества внутри сложной структуры русского народа первой трети XX в.

В современной историографии крепнет тенденция объективного, документально обоснованного изучения казачества. Этнографы считают казачество первой трети XX в. субэтносом русской нации, утратившим ряд основных признаков, отмечают русско-украинское двуединство кубанских казаков⁴. А.И. Козлов, В.П. Трут, Е.В. Крицкий резонно подчеркивали, что сословные и

¹ Казачество Северо-Кавказского края. С. 28–29, 88–97, 3–10.

² Молоканов Г.И. Идеология казачества как славянского этноса. Краснодар, 1993.

³ Куценко И.Я. Кубанское казачество. 2-е изд. Краснодар, 1993; Ибрагимбейли Х.-М. Северный Кавказ: геноцид, депортации и ЧП // Независимая газета. 1994. 12 июля.

⁴ Актуальные проблемы казачьего движения // Социс. 1992. № 9. С. 17–29.

этнические черты казачества нельзя противопоставлять друг другу¹. Казачество как устойчивая общность, существующая как минимум с XVI в., обладала своеобразным самосознанием, устойчивыми особенностями культуры и образа жизни. Для казаков характерна двойственность этнической самооценки: как обособленной группы и как части русского народа. Казаки одновременно были военно-служилым сословием и привилегированной частью класса крестьянства. Но нет доказательств существования отдельного «казачьего народа» в первой трети XX в. Именно в русском этническом единстве и единой государственности, а не в самостоятельности – сущность казачества².

Важен вопрос о направленности этнических процессов внутри казачества Юга России в 1920-х гг. До сих пор данный аспект не рассматривался на основе статистических материалов и дифференцированно по местностям³. Вопрос приобретает не только научную, но и политическую актуальность в связи с попытками националистов Украины обосновать территориальные притязания, а также накануне Всероссийской переписи населения 2020 г. Этническая идентичность населения Юга России в 1920-х гг. является остродискуссионной темой. Споры вызывает соотношение сословных и этнических проявлений самосознания жителей региона. Ряд историков распространяет мифы о том, что Украина и Кубань якобы были едины в этнокультурном отношении, а

¹ Крицкий Е.В. Новейшая литература о кубанском казачестве // Новейшие исследования по истории Кубани. Краснодар, 1992. С. 5–12; Козлов А.И. Возрождение казачества: история и современность. Ростов н/Д, 1996; Трут В.П. Кто же они – казаки? Ростов н/Д, 1995.

² См. подробнее: Баранов А.В. Российская государственность и Северный Кавказ: критика идеологии «самостийности» // Кентавр. 1993. № 6. С. 34–41; он же. Роль этнополитических мифов в конструировании идентичности казачества // История и современность. 2014. № 1 (19). С. 69–86.

³ См.: Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986. С. 145–160; Макаренко М.Ю. Указ. соч. С. 130–131; Кабузан В.М. Указ. соч. С. 112–113; Мирук М.В. Кубанское казачество и украинизация Кубани: опыт и уроки (1921–1932 гг.) // Кубанское казачество: три века исторического пути. материалы Междунар. науч.-практ. конф., ст. Полтавская, 23–27 сент. 1996 г. Краснодар, 1996. С. 172–175.

казачество проявляло украинофильскую самостийность (С.В. Кульчицкий¹, Д.Д. Белый²).

Прежде всего, продуктивно применение конструктивистского подхода к этничности. Он подразумевает формирование этнического самосознания и культуры целенаправленными усилиями интеллектуалов и политиков с чётко поставленной целью и по намеченному плану³. Этничность не является в модернизируемом обществе примордиальной, генетически предписанной. Отвергается в рамках конструктивизма и эволюционистская градация всех этнических групп на род, племя, народность и нацию. Индивиды выбирают в течение своей сознательной жизни этническую самооценку, которая может изменяться, быть двойной, переходной либо сложносоставной. При этом субъективно значимый для индивидов набор маркеров этнической принадлежности может быть нелогичным, произвольным с точки зрения рационального мировоззрения.

Идентичность определяется как устойчивое самосознание, в основе которого – чувство принадлежности индивидов и групп к своей общности. Идентификация невозможна без сравнения сторон общения, что позволяет ориентироваться в мире. Идентичность сочетает два комплекса представлений: позитивный и негативный, автостереотипы и стереотипы групп – партнеров коммуникации. Идентичность может быть жесткой или размытой. Группы и индивиды проявляют многие виды идентичности, которые взаимосвязаны и переплетаются (этническая, сословная, профессиональная и др.). Идентичность населения Кубани, как и Юга России в целом, – сложносоставная (по Е.В. Морозовой), в ней неразрывно слиты разнопорядковые идентификационные признаки⁴. В частности, категоричные оценки идентичности

¹ Кульчицкий С.В. Смертельный водоворот. Рождение и гибель украинской Кубани. URL: www.day.kiev.ua/ru/article/istoriya-i-ya/smertelnyy-vodovorot/ (дата обращения: 15.08.2015).

² Білий Д.Д. Українці Кубані в 1792–1921 роках: Еволюція соціальних ідентичностей. Львів; Донецьк, 2009.

³ Тишков В.А. Реквием по этносу. М., 2004.

⁴ Морозова Е.В. Сложносоставная идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности. М., 2012. Т. 1. С. 102–104.

казачества только как сословной или этнической малополезны. Нужно учитывать историзм восприятия. Система идентичностей динамично меняется под воздействием краткосрочных условий.

Подчеркнём несопоставимость итогов переписей 1920 и 1926 гг. В первом случае национальность определялась по личной самооценке опрошенного, во втором – по статусу его родителей. Вследствие этого удельный вес русских в Донской области снизился за 1920–1926 гг. с 92,86 до 45,87%, а в Кубано-Черноморской области – с 79,67 до 33,45%¹. Ни один демографический процесс не мог бы дать подобный итог. Налицо подтасовка статистики с целью уменьшить численность русского народа, расчленив его на новые, преднамеренно конструируемые этнические группы. Более объективны сведения о лицах, считавших русский язык родным. Их удельный вес в крае на 1926 г. (62,88%) резко превышал число русских по происхождению (45,93%). Из 3,1 млн украинцев по происхождению на территории края 1 млн считали русский язык родным².

Территориальный анализ добровольной ассимиляции украинцев, основанный на данных переписи 1926 г. (см. табл. 5 в приложении), позволяет сделать вывод о высокой степени сходства этнических процессов среди казаков и всех жителей края. Так, в Армавирском округе удельный вес украинцев по происхождению составлял 32,9% всего населения и 24,7% казачьего; в Кубанском округе – соответственно 61,5 и 77,4%; в Донском округе – 44 и 48,3%. Средний уровень лиц украинского происхождения, считавших русский язык родным, в 1926 г. составил 32,3% среди всех украинцев Северо-Кавказского края, в том числе 30,7% среди казаков украинского происхождения. По табл. 5 мы выяснили факторы, способствовавшие принятию русского языка: урбанизацию (83,87% обрусевших украинцев – горожан края в сравнении с 28,92% сельских жителей); проживание в неславянской этнической среде (72,59% принявших русский язык в национальных автономиях Северного Кавказа); удаление от территории

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 9. С. 71–73; Народное хозяйство Союза ССР в цифрах: стат. справочник. М., 1925. С. 29.

² Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 9. С. 70, 100, 34–35.

Украинской ССР (8,3% сменивших язык украинцев Донецкого и 16,3% – Кубанского округов в сравнении с 99,0% в Сунженском и 84,6% в Ставропольском округах). Важно отметить добровольность выбора русской этничности в 1920-х гг., поскольку именно в это время РКП(б) проводила курс украинизации всего Северо-Кавказского края и Центрально-Чернозёмной области.

На большей части пространства Юга России носителями региональной социокультурной традиции являлись казаки, а в Ставропольской и Черноморской губерниях – коренные крестьяне-старожилы. Казачья община выступала по отношению к переселенцам как целостный организм, обеспечивавший ценности и стереотипы поведения¹. Мировосприятие казачества определялось прежде всего жизненным укладом. В 1920-е гг. сохранялась земельная община, хотя власть упразднила ее сословную замкнутость и привилегии. Господствовала занятость в сельском хозяйстве. Так, горожане составляли в 1926 г. только 153,6 из 2 302 тыс. (6,7%) казаков Северо-Кавказского края, а среди всех жителей региона – 18%. Сельскохозяйственные занятия оставались основными для 98% казаков бывшей Кубанской области, а среди всего населения территории – 85%².

Быт казаков пронизывали православная вера, идеи патриотизма, традиции уважения к старшим, трудолюбия. Известно, что основой традиционного казачества было неразрывное сочетание профессиональной воинской службы, общинного землепользования и религиозности. Казаки обладали многовековым опытом самоуправления, были грамотнее других групп станичного населения. В частности, в 1913 г. 47,01% кубанских казаков грамотны³. Перепись 1920 г. зафиксировала уровень грамотности всего населения Кубано-Черноморской области 32,7% и сельского населения

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 года... Т. 9. С. 80, 70, 71; Казачество Северо-Кавказского края... С. 7.

² Всесоюзная перепись населения 1926 года... Т. 5. С. 10; Казачество Северо-Кавказского края... С. 10, 3–5, 7–8.

³ Отчёт о состоянии Кубанской области за 1913 г. с 19 таблицами // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1915. Т. 20. С. 100.

– 32,6%¹. К концу 1926 г. на этой территории был достигнут уровень грамотности сельского населения 41,0%².

Большевистская партия недооценивала этнокультурное своеобразие казачества как в силу неизученности проблемы, так и под давлением своей идеологии.

В.И. Ленин даже в работах дореволюционного времени, когда вопрос можно было изучать относительно неполитизированно, видел в казачестве лишь пережиток феодального строя, обреченный на исчезновение³.

И.В. Сталин расценивал войсковые традиции – общинное самоуправление, профессиональную службу, освобождение от прямых налогов и бесплатные социальные услуги как признаки «коллективного, народного помещика» и «исконного орудия русского империализма»⁴. Официальные тексты отмечали только сословные черты казачества, игнорируя его этнокультурные признаки.

Поворот к более реалистичному восприятию казачества состоялся только в 1924–1926 гг. в рамках нового партийного курса «Лицом к деревне».

ЦСУ СССР при подготовке переписи населения 1926 г. сочло казачество «особой разновидностью народности».

Хотя краевые власти и ЦИК СССР отвергли это мнение, принадлежность к казачеству как социальной группе указывалась в скобках после графы «народность» (можно было выбрать варианты ответов «русский, казак»; «украинец, казак»)⁵.

¹ Скворцов С.А. Грамотность на Кубани. Краснодар, 1923. С. 3, 4, 7.

² Статистический справочник по Северо-Кавказскому краю... С. 75. Не учтены данные по Черноморскому округу и районам, отошедшим к Донскому округу и автономиям.

³ Ленин В.И. Аграрная программа русской социал-демократии // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 311.

⁴ Сталин И.В. К военному положению на Юге // Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 286–287.

⁵ Гозулов А.И. Предисловие // Казачество Северо-Кавказского края... С. 3–5.

Работы В.А. Матвеева¹, И.Г. Иванцова², И.Ю. Васильева³ подтверждают навязанность даже для черноморских казаков литературного украинского языка. Местные жители говорили на «суржике» – смеси простонародного русского и украинского языков. Они не понимали насаждаемого извне украинского языка и предпочитали литературный русский как язык городской культуры и власти. Тем более чуждой украинизация была в ареале линейного казачества, для которого она ассоциировалась с иногородними.

Итак, казачье население Юга России в 1920-х гг. обладало сложносоставной этносословной идентичностью, слабо выявленной тогдашними методами анализа. Постепенно набирала силу добровольная ассимиляция малороссов русскими, вопреки курсу властей в 1923–1932 гг. на украинизацию. Обособленность казачества от иногородних и городского русского населения поддерживалась в большей мере на стратификационной, сословной основе, как и в силу исторической памяти о дореволюционном привилегированном положении.

Межэтнические взаимовосприятия и отношения народов Крыма всегда были важнейшим вопросом государственной политики на полуострове. Крымские татары, будучи одним из автономных и весомых по численности и общественному влиянию народов Тавриды, имеют устойчивую этноконфессиональную и языковую идентичность. Сегодня акторы мировой политики стремятся использовать исторические факты о географии проживания крымских татар, их положении и общественном мнении в информационной войне против России. Поэтому возрастает актуальность объективного исследования исторической географии Крыма в раннесоветский период развития. Необходим географический анализ изменений этнических ареалов различных народов Крыма,

¹ Матвеев В.А. Украина от Карпат до Кавказских гор! // Ученые записки Донского юридического института. Ростов н/Д, 2001. Т. 16. С. 225–248.

² Иванцов И.Г. Украинизация Кубани в документах комиссий внутрипартийного контроля ВКП(б), 1920-е – начало 1930-х гг. Краснодар; Ставрополь, 2009.

³ Васильев И.Ю. Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917–1932 гг. Краснодар, 2010.

выяснение влияния пространственных факторов на уровень конфликтности в поликультурном Крыму.

Географические рамки анализа ограничены территорией Республики Крым, так как в г. Севастополе крымскотатарское сообщество не превышало 1% населения. Необходимость анализа этнодемографических процессов на уровне городов и сельских районов вызвана крайней мозаичностью этнического пространства Крыма, локализацией факторов развития народа зачастую именно на местном уровне.

Исследование основано на применении картографического метода, а также региональной парадигмы в исторической географии. Автор использует центр–периферийный подход для выявления ареала крымских татар в соответствии с принципами историзма и экономико-социальной детерминации этнических явлений. Важно, что ареал расселения крымских татар не является изолированным сегментом, а входит в качестве одного из компонентов в единое полиэтничное и поликонфессиональное пространство Крыма. Это обязывает применить системный подход.

Тема уже освещена в ряде теоретических и прикладных исследований, но в выбранном ракурсе и хронологических рамках проблема ещё не решалась. Динамика этнического состава населения Крыма изучена в монографии коллектива историков под руководством В.М. Кабузана¹, в статье В.Г. Чеботарёвой², а также в обобщающих изданиях по истории Крыма советского периода³ и в фундаментальном исследовании по этнографии тюркских народов Тавриды⁴. Опубликованы специальные исследования административно-территориальных реформ в Крымской АССР

¹ Водарский Я.Е. Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков: Численность, размещение, этнический состав / Я.Е. Водарский, О.И. Елисева, В.М. Кабузан. М., 2003.

² Чеботарева В.Г. Социальные противоречия национальной политики в Крымской АССР в 1920-е годы // Вопросы истории. 2006. № 12. С. 23–43.

³ Дюличев В.П. Крым. История в очерках. XX век. Симферополь, 2005. С. 103–142.

⁴ Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки / отв. ред. С.Я. Козлов, Л.В. Чижова. М., 2003.

(С.А. Ефимов)¹, национальной политики «коренизации» 1920-х гг. (Г.Н. Кондратюк)², взаимодействия исламского сообщества Крыма с советской властью (В.Ю. Ганкевич, З.З. Хайрединова)³. Однако историко-географический аспект демографии крымских татар применительно к 1920–1929 гг. исследован слабо. Кратко отражён историко-географический аспект в «Атласе Автономной Республики Крым»⁴, статье Р.Ш. Меметовой⁵.

Но, на наш взгляд, внимание к историко-географическим аспектам этнических процессов в современном Крыму снизилось, по крайней мере, в открытых аналитических изданиях.

Автономная Крымская Социалистическая Советская Республика (её название имело различные варианты, но в итоге – Крымская АССР) была образована постановлением ВЦИК и СНК РСФСР 18 октября 1921 г.

Принципиально важно, что крымская автономия согласно конституции 1921 г. и её новой редакции 1929 г. строилась как полиэтничная, основанная на равноправии всех народов полуострова. Этим опровергаются доводы радикального крыла

¹ Ефимов С.А. Первые опыты крымской государственности. Административно-территориальное деление советских республик конца 10-х – начала 20-х годов XX века // Историческое наследие Крыма. Сб. статей. Симферополь, 2016. Вып. 27. С. 221–235.

² Кондратюк Г.Н. Крымские татары в условиях политики коренизации межвоенного периода (20–30-е годы XX века) // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2011. № 199. С. 30–34.

³ Ганкевич В.Ю., Хайрединова З.З. Органы Духовного управления мусульман советского Крыма (1920-е гг.) // Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов. Симферополь, 2009. С. 272–327.

⁴ Атлас Автономной Республики Крым / редкол.: Н.В. Багров, Л.Г. Руденко. Киев; Симферополь, 2003. С. 45–51.

⁵ Меметова Р.Ш. Формирование мест современного компактного проживания крымскотатарского населения // Проблемы материальной культуры. Симферополь, 2013. С. 105–110. URL: <http://dspace.nbu.gov.ua/bitstream/handle/123456789/91697/28-Memetova.pdf> (дата обращения: 07.07.2021).

крымскотатарского движения о том, что Крымская АССР якобы была формой государственного самоопределения только крымских татар¹.

По переписи 1926 г. в республике (включая г. Севастополь) проживали 713,8 тыс. чел. (в том числе – 25,1% крымских татар, 42,2% русских, 10,9% украинцев, 6,1% немцев, 5,5% евреев, 2,2% греков, 1,6% армян, 1,6% болгар, 0,6% караимов)². Наибольшая концентрация крымских татар была отмечена в Судакском (89,8%), Ялтинском (80,8%), Бахчисарайском (77,9%) и Севастопольском сельских районах (59,9% всего населения), а наименьшая – в Симферопольском (18,8%), Феодосийском (16,4%) и Джанкойском (14,2%) районах. Важно, что крымские татары оставались сельской этнической группой. Их удельный вес в населении г. Ялты не превышал 10,9%, г. Севастополя – 1,6%, г. Симферополя – 12,6%, пос. Судак – 22,0%³. Перепись 1926 г. особенно важна, так как она характеризуется повышенной детальностью данных. Перепись 1926 г. проходила в условиях относительной демократизации советской системы и курса «коренизации» власти – невиданного ранее укрепления участия этнических меньшинств, включая крымских татар, в органах государственной и партийной власти, в системе образования и СМИ, в руководстве экономическими структурами. Удельный вес крымских татар среди государственных служащих Крымской АССР вырос за 1929–1935 гг. с 13,7 до 21,5%, что соответствовало пропорциям этнического состава населения⁴. С 1923 по 1937 гг. в Крыму существовали национальные районы и сельсоветы, в том числе – крымскотатарские и

¹ Евтюшкин И.В. Многонационально-территориальная автономия в Крыму: историко-политологический анализ концепта // Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник. Симферополь, 2012. Вып. 16. С. 5–22.

² Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928–1929. Т. 9. С. 34–51; Т. 10. С. 9–13; Т. 11. С. 8–17; Т. 14. С. 6–16; Т. 15. С. 8–13; Т. 16. С. 8–12; Т. 17. С. 8–25.

³ Там же.

⁴ Киселёва Н.В., Петров В.П., Мальгин А.В., Форманчук А.А. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения. Симферополь, 2015. С. 48–49.

«смешанные». По подсчётам С.А. Ефимова, процент крымскотатарских сельсоветов в республике за 1924–1930 гг. составлял от 33,7 до 42,0%¹. Таким образом, о территориальной дискриминации речь вести не приходится.

Характерно, что репрессии 1928–1930-х гг., обрушившиеся на полиэтничное общество Крыма, как и всего СССР, слабо повлияли на этнодемографические процессы в среде крымских татар. От переписи 1926 г. к переписи 1939 г. численность данного народа в республике выросла с 179,1 до 218,9 тыс. чел. (на 22,2%), хотя удельный вес крымских татар в населении полуострова умеренно снизился – с 25,1 до 19,4%². Преимущественное расселение крымских татар на юге предгорной полосы и на Южном берегу Крыма сохранялось до депортации 1944 г. Но следует учесть (с позиций методологии конструктивизма в этнологии) важное обстоятельство: единый крымскотатарский народ в 1920–30-х гг. только лишь формировался и сохранялась значительная обособленность трех субэтнических групп: степных, предгорных и южнобережных татар. Это признавал видный востоковед Э.С. Кульпин-Губайдуллин³, который в дискуссиях любил говорить о различиях общественных настроений различных поколений и территориальных групп крымских татар. Советская власть стала главным «интегратором» крымских татар, выработав в итоге целенаправленного курса «коренизации» единые нормы их литературного языка и проводя общую политику в отношении ислама, этнических элит, языка, т.е., ключевых маркеров конструирования крымскотатарского сообщества.

¹ Ефимов С.А. Первые опыты крымской государственности. Административно-территориальное деление советских республик конца 10-х – начала 20-х годов XX века // Историческое наследие Крыма. Сб. статей. Симферополь, 2016. Вып. 27. С. 232.

² Этническая история Крыма в таблицах, картосхемах и диаграммах (по данным переписей населения): информ.-справ. пособие / авт.-сост. А.С. Петроградская, под ред. Ю.Н. Лаптева. Симферополь, 2007. С. 10–18.

³ Кульпин-Губайдуллин Э.С. Крымские татары: уникальность трансформации этноса в XX в. // Этничность и власть: коллективная память и технологии конструирования идентичности. Материалы XII междунар. семинара 20–25 мая 2013 г. Севастополь, 2013. С. 185–188.

Подведём итоги. Развитие демографических процессов изучено в системе показателей естественного и механического роста населения. Имея наивысший в России коэффициент естественного прироста к 1917 г., Юг России подвергся особо разрушительной депопуляции из-за затяжных войн и политики военного коммунизма. Превышение смертности над рождаемостью в крае дольше, чем по стране (до 1923 г.), было вызвано массовым голодом. Восстановление довоенных пропорций рождаемости и смертности отмечено в 1923–1928 гг. благодаря росту уровня жизни и стабилизации общественной жизни на основе нэпа.

Изучение тенденций развития демографической структуры Юга России позволяет сделать вывод о постепенном преодолении депопуляции и вынужденных миграций. В условиях нэпа восстановились традиционные черты состава населения – высокий естественный прирост за счет рождаемости в сельской местности, вовлеченность в интенсивные переселенческие потоки крестьян, направленные прежде всего в казачьи области. Государственная демографическая политика 1920-х гг. слабо влияла на общие тенденции народонаселения.

Показатели механического прироста населения выявлены на основе изучения миграций (их размаха, направленности и интенсивности). Юг России относился к числу основных регионов, принимавших переселенцев. Если в 1920–1922 гг. преобладали вынужденные миграции, вызванные рецидивами Гражданской войны, то в 1923–1929 гг. перемещения уже вызывались хозяйственными запросами граждан. Массовый поток мигрантов направлялся в основном в сельские местности казачьих областей. В условиях нэпа восстановились традиционный состав и строение населения края.

Своеобразие земледельческого населения на Юге России воспроизводилось под сильным влиянием традиций сословности. Системообразующей этносословной группой оставалось казачество. Эта многовековая общность обладала самобытным самосознанием, устойчивыми особенностями культуры и образа жизни. Казаки первой трети XX в. – этносословная группа в составе русской нации, постепенно утратившая свои качества ввиду расслоения и государственной политики. Именно занятость в сфере сельского

хозяйства и общинность обусловили совмещение этнического и сословного принципов, способствовали относительной целостности и традиционализму казаков.

Впервые предпринятый анализ языковой ассимиляции украинцев на Юге РСФСР показал высокую степень сходства этнических процессов среди казаков и всего населения края. Выявлены факторы, способствовавшие принятию русского языка казаками украинского происхождения: урбанизация, проживание в неславянской этнической среде, удаленность от территории Украины. Русификация 1920-х гг. носила добровольный характер.

Установлена крайняя неравномерность расселения крымских татар в пределах Крымского полуострова, объяснимая хозяйственной специализацией и преимущественно сельским образом жизни. При этом демографические тенденции развития крымскотатарского сообщества благоприятны, что подтверждается повышением абсолютной численности данной этнической группы. Повысился общественный и политический статус крымских татар, судя по росту их представительства в региональных и местных органах управления.

В целом национальная политика партийно-государственной власти поощряла в 1920-х гг. этническую фрагментацию восточнославянской общности, конструировала украинскую этничность, была благоприятной для автохтонных народов Северного Кавказа и Крыма. Данные тенденции основывались на перераспределении экономических и социальных ресурсов влияния, ключевым из которых в аграрном обществе была земля.

2.2. ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ИХ РЕФОРМЫ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ 1920-Х ГГ.

Взаимоотношения власти и крестьянства являлись основным фактором, определявшим стабильность общественной системы в условиях нэпа (1921–1929 гг.), поскольку земледельцы составляли почти 80% населения СССР, в том числе – 81% жителей Северо-

Кавказского края¹. В традиционном полиэтничном обществе аграрные отношения неизбежно опосредовались нормами и институтами самоорганизации народов, их восприятием смысла власти и её политического курса.

Основная тенденция современных работ о земельных отношениях казачества на Юге России в 1920-х гг. – переход от поверхностных обобщений к специальным исследованиям их исторических детерминант, правовых и фактических форм, направлений развития.

Становление новых методологических подходов к оценке землепользования казаков Юга России в 1920-х гг. проявилось в период перестройки в накоплении информации и пересмотре отдельных оценок прошлого. Так, И.В. Устиновский, давая оценку аграрной политики РКП(б), критиковал попытки создать в 1920–1921 гг. комитеты бедноты, показал особенности системы управления казачьими областями². Ю.И. Верхотуров оценил причины и ход хозяйственных кризисов 1923 и 1925 гг. в регионе³.

Я.А. Перехов обобщил итоги анализа «казачьей политики» РКП(б) на Дону и Кубани⁴. Он акцентировал поиск согласия власти и общества в партийно-государственной политике 1920-х гг. С.А. Кислицын аргументировал наличие скрытого «расказачивания» в политике РКП(б)⁵.

Системное осмысление экономических, социальных и политических процессов в многоукладном обществе Юга России

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. Северо-Кавказский край. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=807 (дата обращения: 04.09.2021).

² Устиновский И.В. Ленинская аграрная программа и ее осуществление на Северном Кавказе (октябрь 1917 – 1927 гг.). Ростов н/Д, 1989.

³ Верхотуров Ю.И. Деятельность партии по развитию экономических связей между городом и деревней в 1921–1927 гг. (на материалах Дона, Кубани и Ставрополья): дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1990.

⁴ Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск согласия (1920–1926 гг.). Ростов н/Д, 1997.

⁵ Кислицын С.А. Государство и расказачивание. 1917–1945 гг. Ростов н/Д, 1996.

1920-х гг. обосновано в монографиях и статьях А.В. Баранова¹. Концепцию фрагментарной модернизации южнороссийского общества предложил В.А. Бондарев². Обобщающее исследование экономических и социально-демографических аспектов жизни донского казачества 1920-х гг. провели А.П. Скорик и Р.Г. Тикиджьян³. Структуру и тенденции развития казачьих и крестьянских хозяйств Юга России исследовали Т.В. Панкова-Козочкина и В.А. Бондарев⁴. Специфика аграрной политики на Кубани раскрыта в работах В.В. Касьянова, Ю.А. Яхутля и др.⁵

Активизировались исследования миграций и этносоциальных проблем Юга России времен нэпа. В работах Н.Ф. Бугая, А.М. Гонова, Е.А. Зуйкиной раскрыты пагубные последствия депортации терских казаков и ущемления прав русского народа⁶.

¹ Баранов А.В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар, 1999; он же. Экономическое и социальное развитие Юга России в условиях новой экономической политики 1920-х гг. Краснодар, 2019; он же. Терское казачество в условиях «расширения» новой экономической политики: изменения этнодемографической структуры и общественного мнения // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 4. С. 114–123.

² Бондарев В.А. Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни: история преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х – начале 50-х годов XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополя. Ростов н/Д, 2005.

³ Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Донцы в 1920-х годах: очерки истории. Ростов н/Д, 2010.

⁴ Панкова-Козочкина Т.В., Бондарев В.А. Казачье-крестьянское хозяйство эпохи нэпа: проблемы модернизации аграрных отношений на Юге России. Новочеркасск, 2012.

⁵ Касьянов В.В., Басте Р.Ю., Яхутль Ю.А. Аграрная политика советской власти на Кубани (1921–1929 гг.). Краснодар, 2019; Яхутль Ю.А. НЭП и крестьянско-казачье хозяйство Советской России (на материалах Дона и Кубани). Краснодар, 2020.

⁶ Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах. М., 1998; Зуйкина Е.А. «В наших специфических условиях» // Родина. 1994. № 3–4. С. 135–140.

Демографические процессы на Юге России 1920-х гг. освещены М.Ю. Макаренко и В.Н. Ракачёвым¹, В.Р. Истягиным².

Своеобразие Юга России ярко проявлялось в структуре земле- владения. Если в Европейской России надельное общинное земле- владение составляло на 1917 г. 33% используемых площадей, то в крае – 75%³. Средний надел хозяйства составлял к 1917 г. в Евро- пейской России 4,7 дес.; на Дону – 6,2 дес.; на Кубани – 9,3 дес. земли⁴. Львиная доля фонда землепользования принадлежала ка- зачьим войскам (80,2% на Дону и 78% на Кубани)⁵. Терское каза- чество располагало около 30% всех земель области и 60% угодий (обрабатываемых земель)⁶. Мы провели расчет процентных соот- ношений форм землепользования, абсолютные значения которых выявил И.И. Ульянов. Данные показывают, что основная часть зе- мель казачьих войск находилась в надельном пользовании станич- ных обществ.

Весь земельный фонд края состоял на 71,8% из надельных зе- мель; на 11,9% – из частновладельческих; на 16,3% – из войсковых и др.⁷ Структура землепользования казачьих войск примерно со- ответствовала общей структуре землепользования региона, что подтверждает земельные преимущества казачества и его системо- образующую роль в региональном сообществе.

¹ Макаренко М.Ю. Юг России накануне и в процессе демографической модернизации (1897–1926 гг.). Краснодар, 2010; Ракачёв В.Н. Население Кубани и Ставрополя в 1930–1950-е гг.: историко-демографическое исследование. Краснодар, 2017.

² Истягин В.Р. Реализация государственной переселенческой политики в период коллективизации (на материалах Дона и Северного Кавказа). Рос- тов н/Д, 2016.

³ Козлов А.И. На историческом повороте. Ростов н/Д, 1977. С. 6.

⁴ Производственный план по сельскому хозяйству Юго-Востока России на 1923–24 г. // Юго-Восток. Ростов н/Д, 1924. № 1–2. С. 51.

⁵ Народное хозяйство Ростовской области за 20 лет. Ростов н/Д, 1940. С. 143; Отчет начальника Кубанской области за 1916 год. Екатеринодар, 1916. С. 25.

⁶ Гугов Р.Х. Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик, 1975. С. 27, 47.

⁷ Гозулов А.И. Экономическая география Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1927. С. 30.

По переписи населения 1926 г., сельскими жителями были 98,0% в автономиях Северо-Кавказского края и 89,2% – в Дагестане¹. Это подтверждает аграрный, традиционалистский характер сообществ. В автономиях сохранялись патриархально-родовые и общинные отношения, регулируемые шариатским правом. Так, аульские сходы обычно распределяли землю и воду после пятничной молитвы, когда мужчины собирались возле мечети. Имамы и предводители суфийских братств накапливали значительные финансовые средства от взимания налогов и подношений, будучи часто более мощными, чем местные Советы². В то же время, общество стало к началу советского периода многоукладным, неформальные статусы и рамки влияния различных народов были закреплены в патрон-клиентарных отношениях. Сложность строения общества усугублялась тем, что жители высокогорных местностей имели право для отгонного скотоводства сезонно спускаться с гор. Так, в Кизлярском округе горцы проходили дважды в год сотни километров со своими отарами. Совершались набеги для выкупа заложников и скота, кровной мести.

Советская система применила на Северном Кавказе доктрину «коренизации», что означало целенаправленное повышение политического статуса и уровня социально-экономического, культурного развития горских народов при «позитивной дискриминации» славянского населения. В 1920–1921 гг. из состава Терской области были выделены Дагестанская и Горская АССР, а из Кубано-Черноморской области в 1922 г. – Адыгейская (Черкесская) автономная область. Летом 1924 г. эти территории, кроме Дагестана, объединены в Северо-Кавказский край, а Горская АССР разделена на автономные области. Статус и границы территориальных единиц напрямую связывался с землепользованием, квотами «титульных» народов на обучение в средней и высшей школе, на занятие должностей партийно-государственного аппарата, весомо влиял

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Окончательные итоги. М.; Л., 1929. Т. 17. С. 2–3.

² Записка Восточного отдела ОГПУ «О мерах борьбы с мусдуховенством». Октябрь 1926 г. // Ислам и советское государство (1917–1936). Сб. документов. М., 2010. С. 89–95.

на землепользование. Однако в данной политике налицо три разных этапа:

- с весны 1920 по лето 1924 гг. (создание крупных автономных республик по надэтническому – территориальному принципу, депортация сунженских казаков в 1920– начале 1921 гг.);

- с лета 1924 по 1927 гг. (упразднение Горской АССР и включение её частей, автономных областей, в состав Северо-Кавказского края, создание русских районов и автономных округов внутри горских автономий, прямое подчинение г. Владикавказа и Грозного краю);

- 1928–1929 гг. (наиболее активная «коренизация» аппарата управления, внедрение местных языков в делопроизводство, передача г. Владикавказа и Грозного, Сунженского округа автономным областям) под предлогом обеспечения «пролетарского влияния».

Таким образом, на первом и третьем этапах проводилась децентрализация, а на втором – обратный, интеграционный процесс. Различия определялись тем, что менялось понимание федерализма правящей большевистской элитой: от утопии мировой революции и глобального государства к обслуживанию задач социалистического строительства в изолированной стране. Поэтому именно в середине 1920-х гг. районирование в Северо-Кавказском крае проводилось на прагматической, а не идеологизированной основе, с учётом хозяйственной убыточности автономных областей и республик. Свёртывание нэпа означало переход к приоритетности индустриализации и коллективизации, к неизбежному уничтожению традиционных общественных институтов и отношений в аграрном обществе Северного Кавказа. Многие в курсе власти оставались утопичным – как требование в короткий срок вырастить массовый слой городских рабочих из представителей горских народов.

Обеспеченность горцев обрабатываемой землёй к началу советского периода была значительно ниже, чем в равнинных, преимущественно русских по населению областях. В высокогорных местностях сохранялся родовой порядок землепользования, а в плоскостных – господствовало общинное землепользование¹.

¹ Овчинникова М.И. Советское крестьянство Северного Кавказа (1921–1929 гг.). Ростов н/Д, 1972. С. 28–30.

Только за 1920–1926 гг. горские общины получили от властей 300–400 тыс. дес. земли, включая непригодные для обработки¹. Эта мера, ущемившая интересы терского казачества, активно пропагандировалась органами власти. Но значительная часть изъятых земель не обрабатывалась (в частности, на Сунженской линии).

Межселённое и внутриселённое землеустройство не было завершено к началу коллективизации. Председатель Северо-Кавказского крайисполкома Советов П.А. Богданов на заседании Национальной комиссии крайкома ВКП(б) 15 марта 1928 г. подверг резкой критике то, что не было выполнено поручение ВЦИК о глубоком экономическом обследовании автономных областей. Внутриселённое землеустройство к началу 1928 г. проведено в автономиях края на 13% подлежащей площади, поскольку требовались государственная помощь в переселении на равнину и наделение землёй по особым нормам в каждой автономной области².

Уровень светской грамотности оставался крайне низким. Жизнь внутри этнических сообществ регулировали традиционные элиты (бывшее дворянство, помещики, муллы). В итоге сложилась система двойной общественной регуляции, при которой официальные институты (партийные комитеты РКП(б), ревкомы, Советы, крестьянские комитеты общественной взаимопомощи, кооперативы и др.) согласовывали интересы и нормы, с одной стороны, партийно-государственные, а с другой – традиционно-исламские. Так, в Карачаево-Черкесской автономной области в 1924 г. произошёл конфликт между партийными работниками «княжеского» и «трудового» происхождения³. В Чечне шейх А. Митаев, перешедший на сторону Советской власти, имел больше хорошо вооружённых мюридов, чем воинские части Красной Армии в этой автономии. Ряд руководителей органов власти (Т.Э. Эльдарханов в Чечне, И.Б. Зязиков в Ингушетии) был обвинён в связях с антисоветским подпольем⁴. Дефицит лояльных и

¹ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 606. Л. 39.

² ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 834. Л. 2.

³ Карпов Ю.Ю. Национальная политика Советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в. СПб., 2017. С. 160–173.

⁴ Галицкий В.П. Организация и проведение операций по разоружению районов Северного Кавказа в 1920–1930 гг. // Тайная стража России: Очерки

квалифицированных кадров побуждал органы власти сделать опору на бедняцкий крестьянский актив и молодёжь.

Тезисы ЦК РКП(б) «О работе на Дону» (сентябрь 1919 г.) и решения I Всероссийского съезда трудовых казаков (февраль 1920 г.) закрепили курс большевистской партии на сохранение паевого землепользования казаков, узаконили раздел только земель из фонда нетрудового пользования. Этот курс был выражен в декретах СНК РСФСР «О строительстве Советской власти в казачьих областях» (25 марта 1920 г.) и «О землепользовании и землеустройстве в бывших казачьих областях» (18 ноября 1920 г.)¹. Предстояло осуществить отмену частной собственности и национализировать землю, обеспечить равенство прав всех национальностей и сословий на пользование наделами, не урезая паи основной массы казачества. Только так можно было умиротворить станицы. Экстремистские предложения части партработников немедленно перераспределить наделы казаков в пользу иногородних, «попридержать землю, чтобы окоммунизировать население» в совхозах на конфискованных частных, церковных и войсковых участках² были отвергнуты.

Поиск решения земельного вопроса на Юге России подробно освещен в монографиях П.Г. Чернопицкого и И.В. Устиновского³, что позволяет ограничиться оценкой дискуссионных аспектов темы. На основании предложений большевиков Юга России после долгого обсуждения ВЦИК и СНК РСФСР приняли 18 ноября 1920 г. декрет «О землепользовании и землеустройстве в бывших казачьих областях». Распространив на эти территории действие

истории отечественных органов госбезопасности. М., 2019. Кн. 3. С. 201-219.

¹ Деятельность ЦК партии в документах // Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 155–164; Постановления и резолюции Первого Всероссийского съезда трудового казачества. М., 1920; Собрание узаконений (СУ РСФСР). 1920. № 91. Ст. 483; 1921. № 24. Ст. 117.

² Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. Л. 162–163; Д. 5. Л. 59, 131–139, 155–156.

³ Чернопицкий П.Г. Деревня Северокавказского края в 1920–1929 гг. Ростов н/Д, 1987. С. 22–30; Устиновский И.В. Ленинская аграрная программа ... С. 65–69.

общероссийских законодательных актов, декрет сохранил землепользование казачьих трудовых хозяйств в размерах обслуживания собственными силами (без применения наемного труда), «хотя бы эти размеры и превосходили норму, принятую в данной местности для наделения при землеустройстве». Безземельные и малоземельные жители должны были обеспечиваться из фонда нетрудового пользования по нормам. Запрещалась аренда и купля-продажа наделов¹. Декрет отложил уравнительный передел всех земель в пользу неимущих и переселенцев, которыми считались прибывшие после февраля 1918 г. Действие декрета продолжалось до введения в действие Земельного кодекса РСФСР (1 февраля 1923 г.).

Конфискация нетрудовых частновладельческих земель охватила 18,7% используемых площадей в крае (3964,3 тыс. дес.). К концу 1922 г. 1975,9 тыс. дес. (49,8% перераспределенного фонда) отошли в пользование индивидуальных хозяйств русских областей. 1303,7 тыс. дес. (32,9%) составили резерв государственных земельных имуществ. На 389,9 тыс. дес. (9,8%) организованы совхозы. 294,7 тыс. дес. (7,5% земель) находились в распоряжении колхозов². Трудовое землепользование индивидуальных хозяйств возросло за 1920–1922 гг. с 78,9 до 89,6% всего фонда, а в абсолютных размерах – с 15214,4 до 17190,4 тыс. дес. (на 13,0%)³. П.Г. Чернопицкий рассчитал количество земли, перешедшей во владение крестьян-горцев (1145,4 тыс. дес.)⁴. Распределение бывших частновладельческих земель было весьма неравномерным, что зависело от площади и степени плодородия угодий, от особенностей политики местных органов управления. Так, в Донской области казаки и крестьяне получили 37,6% площади

¹ СУ РСФСР. 1920. № 91. Ст. 483.

² Черный В.Ф. Политика партии на Кубани в области землеустройства // На аграрном фронте. 1927. № 11–12. С. 160; Арнаутов В.К. К восстановлению сельского хозяйства Юго-Востока // Юго-Восток. Ростов н/Д, 1922. № 2. С. 47. Подсчеты для русских областей края без автономных областей.

³ Арнаутов В.К. Указ. соч.

⁴ Экономическое районирование Юго-Востока России. Ростов н/Д, 1923. Вып. 1. С. 118, 37; Чернопицкий П.Г. Указ. соч. С. 28.

распределенных участков; в Кубано-Черноморской области – 67,9%; в Терской губернии – 56,7%¹.

В итоге политики 1920–1922 гг. было уничтожено землевладение помещиков, офицерства и церкви, эмигрантов. По мнению первого секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А.А. Андреева, 50% безземельных крестьян обзавелись наделами². Но это был только первый шаг на пути к бессловному уравнительному землепользованию. К началу 1923 г. средний надел едока составлял в Донской области 3,74 дес. у казаков и 1,0 – у крестьян; в Кубано-Черноморье – 3,25 и 1,19 дес.; в Терской губернии – 7,39 и 4,36 дес.³ Беднейшие семьи не имели инвентаря и скота, вынуждены по-прежнему арендовать орудия труда и прибегать к сезонным неземледельческим промыслам. Поэтому уравнительный переворот в землепользовании был возможен только за счет трудовых наделов казачества, что политически было невозможным до укрепления партийно-государственной власти.

Возрождение сельского хозяйства осложнялось запутанным порядком землепользования, неурегулированностью отношений между коренными жителями и переселенцами. Земельный кодекс РСФСР, сменивший многочисленные декреты 1917–1922 гг., подтвердил принцип уравнительного распределения земли, но разрешил свободу форм землепользования, включая аренду. В историографии утвердилась безоговорочно положительная оценка землеустройства 1920-х гг.⁴ Бесспорно, агрономические усовершенствования, ликвидация дальнеземелья и разрозненности участков, выделение хуторов и отрубков принесли большую пользу, повысили культуру хозяйствования. Но идея уравнительного

¹ Экономическое районирование Юго-Востока России. Ростов н/Д, 1923. Вып. 1. С. 118, 37; Чернопицкий П.Г. Указ. соч. С. 28.

² Андреев А.А. Пути подъема и социалистического строительства сельского хозяйства на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1929. С. 11.

³ Одинцов С.С. Сельское хозяйство Северо-Кавказского края к десятилетию Октябрьской революции // Известия Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета. Ростов н/Д, 1927. № 11. С. 11.

⁴ Щетнёв В.Е. Кубанская станица до коллективизации сельского хозяйства // Науч. тр. Кубан. гос. ун-та. Краснодар, 1974. Вып. 187. С. 64–79; Чернопицкий П.Г. Указ. соч.; Устиновский И.В. Указ. соч.

землепользования несбыточна. Она была позаимствована большевиками у эсеров¹. Новый передел не мог не обострить классовую и сословную вражду.

В 1923–1924 гг. земельная реформа велась за счет населения и по его заявкам, в основном на землях трудового пользования. Преобладало межселенное устройство (80,2% размежеванных площадей за 1922 г. и 81,0% – за 1923 г.)², при котором интересы казачества еще не ущемлялись. Однако в 1924 г. внутриселенное устройство достигло уже 31,1% по краю, в том числе 34% в казачьих областях³. Многодворная община разделялась на поселки равных размеров (выселки) и части селений, что дало 65% объема распределенных земель. К широкополосице и улучшенным севооборотам перешли на 19% площади. Выход на хутора и отруба составил лишь 5,6% внутриселенных работ⁴. Дробление многодворной общины не только улучшало хозяйственные возможности крестьян, но и облегчало политический контроль государства над ней, готовило почву кооперирования.

К началу 1925 г. была в основном решена проблема безземелья крестьян в казачьих областях. На Дону бывшие иногородние увеличили фонд пользования до 900 тыс. дес. (почти в 2,5 раза); коренные крестьяне – до 1 023 дес. (в 2 раза)⁵. На Кубани иногородние получили 645 тыс. дес. Удельный вес посевов крестьян возрос за 1920–1925 г. с 17,5 до 30,6% площадей⁶. Земельная реформа проводилась в интересах беднейших слоев. Бедняцкие семьи составили 42,3% землеустроенных и получили 51,1%

¹ Чернов В.М. Конструктивный социализм. Прага, 1925. Т. 1. С. 131, 282.

² Перспективный план восстановления и развития сельского и лесного хозяйства Северокавказского края. 1925–1929 гг. Ростов н/Д, 1925. Т. 1. С. 429.

³ Там же; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 102. Д. 481. Л. 314, 316.

⁴ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-1390. Оп. 1. Д. 23. Л. 147.

⁵ Молот. Ростов н/Д, 1925. 8 янв.

⁶ Чёрный В.Ф. Политика партии на Кубани в области землеустройства // На аграрном фронте. 1927. № 11–12. С. 172.

перераспределенных площадей; середняки – соответственно, 41,9 и 40,3%; зажиточные – 15,8 и 8,6%¹.

Земельный вопрос к началу 1925 г. был далек от решения. Межселенное устройство охватило 45% площадей трудового пользования, внутриселенное – 10–12%². По данным край-статбюро, 69,5% хозяйств и 58,3% сельского населения не могли оплатить услуги землеустроителей и нуждались в государственной оплате, что до 1925 г. было невозможно³. Согласимся с мнением И.В. Устиновского: поравнение земель охватило лишь 1/7 запланированной территории, что создало основу социальных и политических конфликтов на Юге России⁴.

Апрельский (1925 г.) Пленум ЦК разрешил сдачу земли в долгосрочную аренду на 12 лет и выделение хозяйств из общины на хутора, облегчил условия найма рабочей силы. Жёстко ограничивалась государственная поддержка колхозов и совхозов, большинство из которых жило в кредит⁵. Эти меры стали пределом уступок хлеборобам, допущенных в 1920-е гг.

Удельный вес хозяйств края, арендовавших землю, вырос за 1925–1927 гг. с 8,4 до 18,4%, а имеющих посевы на арендованной земле – с 5,7 до 12,7%. Стало больше семей, постоянно нанимавших рабочую силу (прирост с 3,5 до 3,9%). Основной силой станиц стали середняцкие хозяйства, составившие 70% арендаторов земли и работодателей⁶.

Одним из важнейших и долгосрочных факторов разжигания политических конфликтов стало землеустройство. В отчете крайкома ВКП(б), направленном в ЦК в октябре 1927 г., отмечалось: «Кампания по землеустройству на протяжении последних трех лет

¹ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 102. Д. 481. Л. 318.

² Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 93. Л. 124, 125, 130, 131.

³ ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 5. Д. 482. Л. 9; Д. 639. Л. 132.

⁴ Устиновский И.В. Указ. соч. С. 89.

⁵ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988) / под общ. ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. 9-е изд., доп и испр. М., 1984. Т. 3. С. 341–348.

⁶ Статистический справочник по Северо-Кавказскому краю. Ростов н/Д, 1930. С. 622–623, 616–617; ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 465. Л. 7.

представляла основное содержание хозяйственной работы нашей организации в деревне»¹. Основной задачей был уравнительный (по едокам) передел земель за счет паевых участков казачества в пользу беднейших крестьян. Поощрялся перевод хозяйства «на новые формы землепользования и севооборота, обеспечивающие его экономический рост и способствующие переходу к обобществлению»². На первом этапе, до 1926 г. преобладало межселенное землеустройство, позволившее ослабить удаленность наделов от станций, раздробить крупную общину на отруба и выселки, сократить количество разрозненных наделов. Данный этап носил прогрессивный характер и не ущемлял интересы казаков и коренных крестьян-старожилов. К 1 октября 1927 г. крупные общины края были раздроблены на 48,6% своей площади, но преобладающей формой землепользования оставалась общинная (97,1%). 0,9% земли принадлежали хуторским и отрубным хозяйствам и 2% – кооперативным объединениям³.

В историографии продолжает господствовать мнение, по которому земельная реформа уничтожала основу сословной розни и готовила предпосылки коллективизации, была полезной для сельского хозяйства⁴. Конечно, казачья войсковая собственность на землю вызывала конфликты. Но следует отметить неприемлемые способы земельного передела, которые порождали неприятие большинства казачества. В борьбе за равенство не учитывалось, что источники доходов казаков были законными и трудовыми по критериям советского законодательства. Согласно выборочным гнездовым обследованиям, в 1927 г. 73–75% казаков считались середняками, 10–12% – батраками и бедняками, 10–12% –

¹ Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). Ф. 5938. Оп. 1. Д. 15. Л. 35; Барышев Н.И. Социалистическое строительство в деревне // На аграрном фронте. 1928. № 4. С. 6–7.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 31. Д. 169. Л. 34.

³ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 456. Л. 6.

⁴ Куценко И.Я. Кубанское казачество. 2-е изд., доп. Краснодар, 1993; Казачество в истории России: тез. докл. Междунар. науч. конф. Краснодар, 1993. С. 121–124.

зажиточными¹. Среди иногородних пропорции качественно иные: соответственно 55; 39,9 и 6,1%². К началу 1926 г. на территории Кубанского, Армавирского, Майкопского, Черноморского, Терского и Сунженского округов только 16 420 казачьих хозяйств использовали наемный труд³.

Землеустройство второй половины 1920-х гг. в казачьих округах (этап внутриселенного передела) нельзя рассматривать изолированно от подготовки коллективизации, от утопических надежд на равенство. За 1926–1927 гг. внутриселенное землеустройство было завершено на 41,6% всей площади земель трудового пользования в крае, т.е. на 96,4% подлежащих переделу участков⁴. Средний надел казачьей семьи в крае сократился с 30–49 га (1917 г.) до 13–16 га (1928 г.) и сравнялся с крестьянским наделом⁵. Изъятые земли были уравнительно (по едокам) переданы 470,5 тыс. семей крестьян и беднейшей части казаков, в том числе 19 376 семей, переселившихся за 1923–1927 гг.⁶

И.В. Устиновский обобщил сведения, которые позволяют судить о территориальных и социальных итогах землеустройства. На Дону выиграли от реформы казаки 1-го и 2-го Донских, Усть-Медведицкого и Донецкого, Хоперского округов. Землепользование казаков Черкасского, Ростовского и Сальского округов

¹ Красное знамя. Краснодар, 1927. 18 ноябр.; Осколков Е.Н. Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1973. С. 58–59.

² Осколков Е.Н. Победа колхозного строя... С. 58–59; Сельское хозяйство СССР. 1925–1928. М., 1929. С. 24–27. Расчет А.В. Баранова по процентным соотношениям.

³ Казачество Северо-Кавказского края: Итоги переписи населения 1926 г. Ростов н/Д, 1928. С. 34–71.

⁴ Статистический справочник по Северо-Кавказскому краю. Ростов н/Д, 1930. С. 290.

⁵ Андреев А.А. По пути подъема и социалистической реконструкции сельского хозяйства. Ростов н/Д, 1928. С. 71.

⁶ Богданов П.А. Десять лет Советской власти на Северном Кавказе и наши ближайшие задачи // Известия Северо-Кавказского крайисполкома. Ростов н/Д, 1927. № 11. С. 3; Одинцов С.С. Указ. соч. С. 11; Сельское хозяйство Северо-Кавказского края и работа земельных органов. Ростов н/Д, 1927. С. 15–16.

сократилось. В Кубанском округе средняя норма душевого надела за 1917–1927 гг. не изменилась (2,3 дес.), выиграли от реформы 74,5% сельского населения за счет многопайных кулацких (казацких и крестьянских) хозяйств¹. Но экономика не стала от этого процветающей. Так, в Кубанском округе 58,6% получивших землю бедняцких семей не имели скота, 74,2% – инвентаря и были вынуждены арендовать их по высокой цене². С учетом аренды земля перераспределялась по степени богатства, становилась объектом нелегальной купли-продажи и залога. В 1927 г. 5% самых зажиточных хозяйств края (с посевом свыше 16 дес.) владели 49,1% сенокосилок, 56,7% сеялок, 66,7% молотилок, от 3 до 4,5 голов рабочего скота³.

Сделаем выводы. Этнический аспект взаимоотношений власти и крестьянства Северного Кавказа в условиях нэпа проявлялся в сохранении традиционных норм и практик землепользования, сильном влиянии национальных и религиозных элит на общественные настроения и активность земледельцев. Уравнительная земельная реформа, отмена общинных отношений, формирование сети лояльных власти общественных организаций развивались в автономиях Северного Кавказа с большим трудом, замедленно в сравнении с русскими округами. Политика «коренизации» парадоксально укрепила традиционные институты, что привело к её кризису и постепенному замещению на курс интеграции Северного Кавказа в общегосударственную систему с 1928 г.

Следовательно, уравнительный передел земли подталкивал власть и иногородних бедняков к конфискации основных средств производства у зажиточных хозяйств, а задача достижения равенства оставалась несбыточной в рамках НЭПа.

Итак, землепользование в 1920–1929 гг. сочетало противоречивые черты: сохранение трудовых земельных наделов и общинного землепользования наряду с принудительным изъятием органами власти «земельных излишков» и началом уравнительного землеустройства. Учитывая нерентабельность колхозов и совхозов

¹ Цит. по: Устиновский И.В. Указ. соч. С. 104–106.

² Сельское хозяйство Кубани и пути его развития. Краснодар, 1928. С. 16–17.

³ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 409. Л. 33.

в 1920-х гг., органы власти, по сути, усиливали землепользование индивидуальных хозяйств иногородних крестьян и горцев за счёт зажиточных слоёв казачества. Внеэкономический, силовой выход из этих противоречий был найден позже, в ходе коллективизации, когда упраздняется земельная община и производится ускоренное создание коллективных хозяйств.

3. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ 1920-х гг. В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ КРАЕ И КРЫМСКОЙ АССР

3.1. ФОРМИРОВАНИЕ СТАТУСА И ТЕРРИТОРИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ АВТОНОМИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И В КРЫМУ

Исторический анализ формирования национальных автономий на Северном Кавказе и в Крыму актуален для понимания предпосылок межэтнического мира и согласия в российском обществе, методов регулирования этнических конфликтов. Формирование национальных автономий в России, в том числе – на Северном Кавказе и в Крыму (1920–1924 гг.) стало одним из результатов революции и Гражданской войны. Актуальность научной проблемы проявляется в том, что административные границы между субъектами Российской Федерации, в том числе – на Северном Кавказе, преемственны от установленных в 1920-е гг. Поэтому важно выявить мотивы и аргументы, которыми руководствовались органы государственной власти, в т. ч., органы ОГПУ при определении границ между русскими округами и автономными образованиями; определить альтернативные позиции, выраженные в ходе выработки советской модели политико-территориального устройства региона. Исследование темы даст возможность опровергнуть ряд националистических трактовок событий, распространённых в нынешней публицистике.

Союз Советских Социалистических Республик, учрежденный 30 декабря 1922 г., стал уникальным явлением с точки зрения государственного устройства, целей и методов национальной политики. Декларируя цели мировой революции и интернационализма, СССР в то же время стал формой сохранения исторической России и её территориального единства, что потребовало коренного изменения межэтнических отношений. Именно в изучаемый период были созданы экономические, организационные и нормативные основы федеративного устройства, предполагавшие равноправие народов и их самоопределение, выравнивание уровней социально-экономического и культурного развития. Процессы национально-

государственного строительства в первой половине 1920-х гг. определили институциональный, правовой и идеологический форматы советского государства на протяжении всего его существования. Наследие советского федерализма: политико-территориальное устройство страны, принципы и нормы взаимодействия общегосударственного уровня власти с региональным, историческая память полиэтничного общества сохраняется по сей день.

При определении хронологических рамок авторы исходили из следующих обстоятельств. Процесс национально-территориального строительства, в том числе, на Северном Кавказе и в Крыму за 1920-х гг. прошел два этапа развития. Первый этап может быть датирован с весны 1920 по лето 1924 гг., когда велась активная работа по созданию национальных автономий, их органов управления и правящих номенклатурных групп, что вызвало также территориальные преобразования («районирование»). Первый этап протекал в условиях шаткого военно-политического контроля власти, хозяйственной разрухи, неопытности партийных и государственных кадров управления. На втором этапе (лето 1924 – 1929 гг.) органы партийно-государственной власти реализовали национальную политику в уже сложившихся институциональных рамках, были созданы институциональные и нормативные правила функционирования системы власти. Экономическая система также вошла в стационарное русло развития. Автономные области были соподчинены Северо-Кавказскому краю с центром в г. Ростове-на-Дону. В 1928 г. были пресечены проявления крымскотатарского национализма, что привело к смене руководства Крымской АССР.

В данной главе и параграфе раскрыты тенденции развития национально-государственного строительства (весна 1920 – лето 1924 гг.) в условиях образования СССР и в контексте межэтнических взаимоотношений.

Научная проблема имеет традицию исследований, начиная с 1920-х гг. Первые работы сочетали черты публицистики и исторического описания (брошюры Я. Раенко-Туранского¹ и У. Алиева²).

¹ Раенко-Туранский Я.Н. Адыге до и после Октября. Ростов н/Д; Краснодар, 1927.

² Алиев У.Д. Карачай (Карачаевская автономная область): историко-этнологический и культурно-экономический очерк. Ростов н/Д, 1927.

В 1930–50-х гг. внимание к теме было утрачено. Работы 1960–80-х гг. характерны расширением источниковой базы выводов при сохранении жёстких идеологических ограничений¹. Историография постсоветского периода уделяет повышенное внимание дискуссиям о выборе статуса и границ автономий². В 1989 г. С.А. Кислицын и Я.А. Перехов впервые привлекли внимание к проблеме депортации сунженских казаков (1920–1921 гг.) в контексте создания Горской АССР³. Н.Ф. Бугай ввёл в оборот ранее не цитировавшиеся источники о рассказывании и депортации⁴. С.К. Ильин сформулировал проблему глубже: каков был статус русских в Горской и Дагестанской АССР и какие действия предпринимали русские жители автономий для защиты своих прав?⁵ Увы, распад СССР породил множество националистических трактовок истории, чреватых оправданием сепаратизма и территориальных претензий (они подвергнуты системной критике А.А. Цуциевым)⁶. Стала обсуждаться проблема развития разделённых народов⁷.

¹ Хоретлев А.О. Адыгея под знаменем ленинизма. Майкоп, 1960; Мекулов Д.Х. Советы Адыгеи в социалистическом строительстве 1922–1937 гг. Майкоп, 1989.

² Хлынина Т.П. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона / Т.П. Хлынина, Е.Ф. Кринко, А.Т. Урушадзе. Ростов н/Д, 2012. С. 72–182; Карпов Ю.Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб., 2017. С. 56–58.

³ Кислицын С.А., Перехов Я.А. Северо-Кавказская партийная организация в борьбе за решение казачьего вопроса на Тереке в первой половине 20-х годов // Изв. Сев.-Кав. науч. центра высш. школы. Обществ. науки. Ростов н/Д, 1989. № 1. С. 104–116.

⁴ Бугай Н.Ф. 20–40-е годы: депортация населения с территории Европейской России // Отечественная история. 1992. № 4. С. 37–49.

⁵ Ильин С.К. Этнические меньшинства в автономных областях и республиках Юга РСФСР, 20-е гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1995.

⁶ Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006.

⁷ Хлынина Т.П. Политика «положительного действия», автономии и разделённые народы на Северном Кавказе // Народы Северного Кавказа в пространстве российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы. Материалы Всерос. науч. конф. 13–15 сент. 2011 г. Ростов н/Д, 2011. С. 190–195; Аджиева З.И. Формирование национальной бюрократии в

Системное исследование политической истории адыгов в 1920-х гг. провела З.А. Емтыль (Калашаова), опубликовавшая важные документы партийных и государственных инстанций, осветившая государственно-исламские отношения¹. Этнодемографию региона и административно-территориальные преобразования исследовали А.А. Куваева и З.Ю. Адзинова². Внимание стало уделяться обстоятельствам создания Шапсугского района³. Но многие аспекты формирования национальных автономий в 1920–1924 гг.: взаимодействие краевых и областных органов управления, общественное мнение, протестные выступления и конфликты остаются на периферии исследований.

Научная новизна монографии проявляется в том, что мы вводим в научный оборот ряд документов Краевого экономического совета Юго-Востока России⁴, Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б)⁵ и Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета Советов⁶. Эти источники дают возможность определить соперничавшие точки зрения о статусе и границах автономий. Впервые проанализированы в региональном аспекте информационные

автономных образованиях РСФСР в первые десятилетия Советской власти (на материалах Карачаево-Черкесии) (1920–1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2008.

¹ Емтыль (Калашаова) З.Я. Жернова истории. Социально-политическая история адыгов конца XIX в. – 20-х гг. XX в. в очерках и документах. Краснодар, 2016.

² Куваева А.А. Административно-территориальные преобразования на Северо-Западном Кавказе в первой четверти XX века / А.А. Куваева, З.Ю. Адзинова // Вестник Майкоп. гос. технол. ун-та. 2015. № 3. С. 20–26.

³ Бугай Н.Ф. Этнические меньшинства «с примитивной культурой и особым языком...»: «шапсугский вопрос» и пути его решения // Нациестроительство на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики. Ростов н/Д, 2012. С. 6-29; Иванцов И.Г. Становление автономии Шапсугского района (1924–1937) // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2013. № 4 (51). С. 80а-84; Сивер А.В. Автономизация адыгейцев Краснодарского края в XX веке // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2014. № 1 (52). С. 85-89.

⁴ ГАРО. Ф. Р-3758. Оп. 1. Д. 309.

⁵ ЦДНИРО. ф. 7, оп. 1, д. 607.

⁶ ГАРО. ф. Р-1485, оп. 1, д. 132, 409.

обзоры и доклады органов ВЧК–ОГПУ¹, раскрывающие состояние общественных настроений, интересы различных групп населения. Применена авторская классификация видов межэтнических отношений по критерию степени конфликтности.

Выбор варианта автономий рассматривается как детерминированный интересами властных субъектов политики всероссийского и регионального уровня. Национальная политика РСФСР на Северном Кавказе осмысливается в качестве неразрывно взаимосвязанной с более широким контекстом внешнеполитического влияния Советского государства на Востоке, укрепления партийно-государственной системы власти, земельной проблемы².

Основным принципом советской этнополитики стало право народов на самоопределение, реализуемое в разнообразных формах: союзной республики, автономной республики, автономной области либо национальных районов (округов). «Декларация прав народов России» (2 ноября 1917 г.) и «Обращение СНК к трудящимся мусульманам России и Востока» (22 ноября 1917 г.) декларировали данный принцип, конкретизированный в Конституции РСФСР 1918 г. и практиках создания советских республик периода Гражданской войны.

В 1920–1921 гг. формируется первая советская композиция северокавказских национальных республик и автономий. Наряду с учетом военных и хозяйственно-экономических приоритетов она включает в себя создание институтов «контролируемого национального самоопределения». Этнические группы, подобно классам, уже в имперский период воспринимались большевиками как коллективные субъекты исторического процесса («объекты угнетения», «субъекты национально-освободительного движения»). В период Гражданской войны и советизации региона происходит институционализация этих групп, которые обретают своё

¹ Советская деревня... 1998. Т. 1. С. 624, 637; 2000. Т. 2. С. 55, 70; «Совершенно секретно»... 2001. Кн. 1, ч. 1. С. 120-128; ЦК РКП(б)... С. 60-63.

² Хлынина Т.П. Современная историография о причинах административно-территориальных преобразований на Северном Кавказе в 1920–1930-е годы // Изв. вузов. Северо-Кавказский регион. Ростов н/Д, 2003. № 4. С. 54–62.

политико-организационное представительство в деятельности советов и ревкомов¹.

Весной 1920 г., после восстановления Советской власти на Северном Кавказе, процессы национально-государственного строительства на Северном Кавказе возобновляются в контексте подготовки к созданию союзного государства, формирования автономий. В феврале 1920 г. на сессии ВЦИК РСФСР была создана комиссия, которая должна была изучить вопросы федеративного устройства РСФСР и разработать предложения по его совершенствованию².

Но, кроме общих теоретических установок, изложенных в работах В.И. Ленина, РКП(б) не создала обоснованной программы национального строительства. Не имели их и традиционные этнические и религиозные элиты Северного Кавказа, кроме лозунгов отделения от РСФСР. Поэтому в ходе национально-государственного строительства проявлялись противоречия между интересами центрального уровня власти и запросами этнических элит по повышению статуса автономий.

До осени 1920 г. на Северном Кавказе существовали Кубанская, Терская и Дагестанская области, унаследованные от имперского периода. В ходе Гражданской войны возникали неустойчивые формы горской государственности, как правило, поощрявшиеся интервентами. Этот опыт стал аргументом при создании в 1920 г. Дагестанской АССР и 20 января 1921 г. Горской АССР. Большевики исходили из этнотерриториального подхода при выборе границ автономий, но стремились также обеспечить лояльное «пролетарское ядро» населения, передавая в состав автономий города с преимущественно русским населением.

Приоритетной задачей на начальном этапе было укрепление власти на Северном Кавказе с учетом продолжения Гражданской войны. 31 марта 1920 г. ВЦИК РСФСР утвердил состав Северо-Кавказского революционного комитета (ревкома) во главе с Г.К. Орджоникидзе. Это означало власть назначаемых

¹ Цуциев А.А. Указ. соч. С. 61.

² Тетуев А.И. Национально-государственное строительство на Северном Кавказе (1917–1941 гг.) // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2005. № 4. С. 137–142.

военизированных органов управления, чья деятельность в 1918 г. уже провоцировала рост политического кризиса на Юге России. В сентябре 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) дважды рассматривало ситуацию на Северном Кавказе и приняло решение о создании автономий горских народов – Дагестанской и Горской АССР в составе РСФСР. Горская АССР, созданная на основании декрета ВЦИК от 20 января 1921 г., объединила местности проживания чеченцев, ингушей, осетин, кабардинцев, балкарцев. Но, как обобщено отмечали А.И. Микоян и А.Г. Кажаров, Горская АССР имела больше внутренних противоречий, чем интегрирующих черт¹. Внутри Горской АССР сразу же проявилась острая борьба между этническими элитами Карачая, Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Ингушетии и Чечни – за распределение земель, источников дохода и должностей. Конфликты привели к выделению из состава Горской АССР Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской автономных областей. В итоге летом 1924 г. Горская АССР была ликвидирована и разделена на автономные области по этническому признаку. Они подчинялись Северо-Кавказскому краю с центром в г. Ростове-на-Дону.

В дореволюционный период отношения между автохтонными народами Кавказа и славянскими народами характеризовались неравенством в землепользовании и сословными привилегиями казачества, значительным миграционным притоком, отсутствием автономии, что вызывало недовольство горцев.

Новая волна миграций была отмечена в годы революции и Гражданской войны. Политика советского правительства поощряла решение земельного дефицита у горских народов за счёт переселений на равнину. Так, подавление восстания терских казаков Сунженской линии (октябрь 1920 г.) привело к депортации ряда станиц и передаче их земель и имущества горцам. В январе – феврале 1921 г. в Горскую АССР и Терскую губернию, которые подлежали разграничению и в состав республики передавались станицы Сунженской казачьей линии, была направлена комиссия

¹ ЦК РКП(б)... Т. 1. С. 84-87; Кажаров А.Г. Формирование Горской АССР и проблемы национального самоопределения Кабарды и Балкарии (1920–1921 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. Ставрополь, 2018. № 1. С. 48–55. С. 50.

ВЦИК во главе с В.И. Невским. Комиссия отметила многочисленные факты чрезмерной жестокости при депортации казаков и расхищение имущества со стороны чеченских переселенцев. Ряд станиц остался разорённым и не заселялся горцами. Выводы комиссии опирались на телеграммы и сводки органов ВЧК. Так, ЧК Горской АССР сообщала в сводках № 1328 и 1517: «Казачество настроено враждебно в отношении Советской власти. Причины: выделение Горреспублики, ставящее у власти горцев..., и неоказание казакам содействия при выселении их из станиц»¹. ВЦИК РСФСР 14 апреля 1921 г. потребовал прекратить выселение, вернуть казачье население обратно, а земельную проблему решить «путем уплотнения казачьих станиц Горской республики». Решение о возвращении, не было выполнено, но выселение приостановилось². В итоге выселенные в Ставропольскую и Терскую губернии сунженцы остались без материальных компенсаций и права возврата в свои станицы, но были амнистированы в 1924 г.

В такой ситуации партийные и советские органы г. Грозного, включённого в состав Горской АССР и Чеченского округа, попытались добиться отделения города и его возвращения в состав Терской губернии, русской по населению. Второй съезд Советов Горской АССР (март 1922 г.) охарактеризовал эти попытки так: «необходимо ликвидировать колонизаторские стремления, вновь и вновь возрождающиеся вокруг лозунга образования Грозненской губернии с выселением из этой губернии чеченцев»³. Опасаясь разжигания конфликта, центральная власть предпочла оставить г. Грозный в составе Чечни и обязать «Грознефть» выплачивать значительную дотацию в пользу автономной области.

В Кубанской области этнические меньшинства (включая армян, немцев, греков и др.) составляли в 1916 г. 4,4% жителей⁴.

¹ Советская деревня... Т. 1. С. 435.

² Максудов С. Русские и чеченцы... С. 83–84.

³ Заключение 2-го съезда Советов Горской республики о политическом и экономическом положении автономной республики в начале 1922 г. // Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.) / авт. кол.: В.А. Козлов (рук.) и др. М., 2011. С. 433.

⁴ Кубанский сборник на 1916 год. Екатеринодар, 1916. Т. 21. С. 12–14.

Адыги составляли 2% населения области, дисперсно проживая в Екатеринодарском (6,3% жителей), Майкопском (5,6%) и Баталпашинском (около 6%) отделах. Также адыги составляли 3,4% населения Черноморской губернии. Карачаевцы были сконцентрированы в Баталпашинском отделе, где они насчитывали 12,5% жителей¹. Даже с учётом изменений границ по переписи 1926 г. этнический состав населения автономий был неоднородным: в Карачаевской автономной области – 81,3% карачаевцев и 6,1% славянских народов, 1,8% адыгов; в Черкесской АО – 40,5% адыгов, 29,7% абазин, 16,8% ногайцев, 7,7% славян; в Адыгейской (Черкесской) АО – 46,1% адыгов, 49,9% славян (поровну – русских и украинцев)². Территории проживания автохтонных народов были экономически убыточными и чисто сельскохозяйственными, не было ни одного города с преобладанием адыгского или карачаевского населения.

Казаки и адыги были лучше обеспечены землей, чем иногородние крестьяне. Это признавалось в сводке № 1(169) Информационного отдела ГПУ за 29 января – 3 февраля 1922 г.: «Русское население земли почти не имеет вовсе или имеет её значительно мало», помощи ему местные исполкомы во главе с муллами и эфенди не оказывали³. В земельной сводке Инфомотдела ГПУ № 27 (195) за 14 и 15 марта 1923 г. указано, что черкесы имели по 1,5 дес. земли на душу, а русские – по 0,2-0,5 дес. Пустовало 75% земли, так как ранее её адыги сдавали в аренду русским, а теперь опасались это делать, боясь конфискации со стороны властей⁴. В приложении к обзору ОГПУ политэкономического состояния СССР за 1924 г. отмечалось стремление адыгов забрать землю, сдаваемую в аренду зажиточными кулаками, что привело к избиению 20-30 чел.⁵ В Карачае земельный вопрос осложнялся отгонной системой скотоводства, требовавшей аренды и чересполосицы

¹ Почешхов Н.А. Гражданская война в Адыгее: причины эскалации (1917–1920 гг.). Майкоп, 1998. С. 20.

² Всесоюзная перепись населения СССР 1926 года: окончательные итоги. М., 1929. Т. IX. С. 34-51.

³ Советская деревня... 2000. Т. 2. С. 58.

⁴ Советская деревня... 2000. Т. 2. С. 83.

⁵ Советская деревня... 2000. Т. 2. С. 256.

земельных угодий. Жители горных местностей, обделённые землей, стремились переселиться на равнину. Это вызывало конфликты, в частности, между карачаевцами и кабардинцами.

Автохтонное население требовало выселения русских и украинцев. Но и славянское население, особенно – его казачья часть, представляло значительную силу, с которой власть должна была считаться. Это противоречие оказало весомое влияние на начальный этап формирования автономий. Особое место занимал земельный вопрос. Переход к уравнительному землепользованию в наибольшей мере затронул казаков. Территориальное размежевание автономий обострило и отношения между автохтонными народами Северного Кавказа: адыгами, карачаевцами, абазинами, ногайцами и др.

Этнополитические процессы на Северном Кавказе во многом отличались от общероссийских. Здесь формирование национальных автономий проходило в крайне сложных условиях. Первые попытки создания автономий были предприняты в Кубанской области и Черноморской губернии ещё в конце 1917 – первой половине 1918 г., но Гражданская война прервала этот процесс. Сложность национально-государственного строительства объяснялось наличием большого числа народностей, их малочисленностью и дисперсным проживанием. Факторами, осложнявшими становление автономий, были неурегулированные земельные отношения, память о Кавказской войне, влияние духовенства, низкий уровень грамотности, слабость партийно-государственного аппарата. Так, даже в 1927 г. Северо-Кавказский крайком ВКП(б) фиксировал уровень грамотности в Адыгее лишь 12%, а в Карачаево-Черкесии – 18,2% взрослого населения¹.

Региональные партийные и советские функционеры подчас выступали против национальной автономии горских народов, обосновывая свою позицию низким уровнем экономического и культурного развития горских местностей, сомнениями в их политической лояльности. Следует учесть, что осенью 1920 г. произошли массовые мятежи под исламскими лозунгами в Карачае, Чечне и Дагестане. До лета 1924 г. в нагорной полосе Северного

¹ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 607. Л. 66.

Кавказа активно действовали повстанческие отряды и казаков, и горцев. Ситуация оставалась нестабильной до разоружения населения в автономиях (1925 г.). Разведывательные органы РККА сообщали о сохранении значительных военных сил белой эмиграции и горской диаспоры в Турции¹. Органы партийно-государственной власти оставались в горских местностях крайне слабыми и плохо информированными, как отмечал полномочный представитель ВЧК по Северному Кавказу К.И. Ландер в докладной записке в ЦК РКП(б) (январь 1922 г.)².

В регионе тесно переплетались долгосрочные и краткосрочные проблемы, усугублявшиеся неумелыми действиями органов управления, представленными неопытными кадрами. В этих условиях советская власть вынуждена была корректировать содержание и формы национальной политики, исходя из ситуации на местах.

Национально-государственное строительство автономий Северного Кавказа в начале 1920-х гг. прошло сложный и противоречивый путь. Организационные формы автономий, уровень их полномочий были неясны и выбирались во многом методом проб и ошибок. В начале 1920-х гг. проявилось противоречие между завышенными ожиданиями части этнической интеллигенции, предлагавшей создать Северо-Кавказскую либо Адыгейскую ССР, а также позицией органов власти Кубано-Черноморской области (отчасти – и Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б)), предполагавшей крайне узкие масштабы автономии.

Весной 1920 г. был образован Кубано-Черноморский областной революционный комитет, чьи полномочия распространялись, в том числе, на местности проживания адыгов и карачаевцев. Не имея представителей в областном ревкоме, часть адыгской интеллигенции обратилась с предложением о создании Мусульманской секции в составе облревкома, но обращение было отвергнуто руководителями области³. Позже Мусульманская секция была создана во главе с большевиком К.А. Мишуриевым, но её

¹ Жупикова Е.Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 гг. М., 2016. С. 138-178.

² ЦК РКП(б)... С. 120-128.

³ ЦДНИКК. Ф. 1, Оп. 1, Д. 8, Л. 8; ГАКК, Ф. Р.-158, Оп. 1, Д. 53, Л. 20.

деятельность постоянно вызывала нарекания, так как проявлялась её неподконтрольность партийно-государственной политике. Секцию распустили и взамен создали на I съезде горцев Кубано-Черноморской области Горскую секцию во главе с абхазским большевиком Н. Лакобой¹. Горская секция тоже оказалась малоуправляемой, поскольку состояла из представителей этнической интеллигенции (например, М. Гатагогу) и духовенства. Во многом это объяснялось неустойчивостью власти в начале 1920-х гг. (массовые антибольшевистские выступления крестьян и казаков, международная изоляция), и в таких условиях этнические элиты сохраняли возможность добиться уступок у власти. Проявлялось требование части адыгской интеллигенции создать национальную республику в границах расселения черкесов до 1800 г. Так, на заседаниях областного съезда горцев Кубани и Черноморья оппозицию возглавил представитель адыгской диаспоры в Турции Ю. Нагуч. Он заявил: «Нужно требовать от соввласти всё то, что принадлежит горцам, в момент, когда РСФСР не признана иностранными государствами»².

Противники такой позиции обосновывали свою позицию отсутствием подготовленных национальных кадров, территориальной разделённостью местностей проживания адыгов, влиянием Турции и исламского духовенства на этнополитические процессы³. 2–8 марта 1921 г. второй съезд трудящихся горцев Кубано-Черноморской области рассмотрел вопрос о создании автономии адыгов. Предложение было отклонено из-за тяжелого экономического положения, в качестве компромисса создавался Горский полком.

В декабре 1921 г. III съезд горцев Кубани и Черноморья принял решение «просить высшие органы РСФСР о выделении трудящихся горцев Кубани и Черноморья и находящееся среди них иногороднее население в автономную Черкесскую область»⁴. Горский

¹ Раенко-Туранский Я. Указ. соч. С. 104, 110; ГАКК. Ф. Р-102, Оп. 1, Д. 25, Л. 249.

² Емтыль (Калашаова) З.Я. Указ. соч. С. 141-142.

³ Государственное учреждение Национальный архив Республики Адыгея (ГУ НАРА). Ф. Р.-466. Оп. 1. Д. 5. Л. 18.

⁴ ГУ НАРА. Ф. Р-328, Оп. 1, Д. 4, Л. 133.

исполком обратился в Наркомат по национальным отношениям РСФСР с просьбой создать автономную область адыгов. Наркомнац принял решение о создании автономии, но запросил мнение Юго-Восточного бюро РКП(б) и Кубано-Черноморского облисполкома. Ответ последних был отрицательным. Тем не менее, положительное решение центральных органов было принято. Первоначально площадь автономии составляла лишь 2,6 тыс. кв. верст. 27 июля 1922 г. была образована Черкесская (Адыгейская) автономная область, в которую вошли волости Краснодарского и Майкопского отделов с компактным проживанием адыгов. Для сравнения, площадь Карачаево-Черкесской автономной области составляла 9,4 тыс. кв. верст¹.

Что касается Черкесии, то она входила в состав Баталпашинского отдела Кубано-Черноморской области, где проживали также карачаевцы, русские, абазинцы, ногайцы. Первый съезд народа Карачая 11 ноября 1920 г. поддержал решение о вхождении в состав Горской АССР. На основании решения ВЦИК от 20 января 1921 г. южная часть Баталпашинского отдела отошла к Горской АССР, а в её составе – Карачаевскому округу. Мнение станиц Урупского и Зеленчукского районов, желавших остаться в составе Кубано-Черноморской области, гарантировать свои земельные и языковые права, не было учтено органами власти².

Катализатором распада Горской АССР стало стремление Кабарды добиться статуса субъекта РСФСР. 1 сентября 1921 г. ВЦИК РСФСР принял постановление о выделении из состава Горской АССР Кабардинской автономной области, а 16 января 1922 г. коллегия Наркомнаца утвердила решение о выделении Кабардино-Балкарской автономной области³. Пример Кабарды дал аргументы Карачаю и Черкесии. Первые шаги к их автономии были сделаны 7–8 ноября 1921 г. на съезде трудящихся абазин, ногайцев и

¹ Куваева А.А. Административно-территориальные преобразования на Северо-Западном Кавказе в первой четверти XX века / А.А. Куваева, З.Ю. Адзинова // Вестник Майкоп. гос. технол. ун-та. 2015. № 3. С. 20-26.

² Очерки истории Карачаево-Черкесии / отв. ред. Р.Х. Джанибекова. Черкесск, 1972. Т. 2. С. 89.

³ Даудов А.Х. Государственное устройство Горской АССР // Вестник С-Петербур. гос. ун-та. Сер. 2. История. 2012. Вып. 1. С. 34.

черкесов Баталпашинского отдела. Съезд трудящихся Карачаевского округа 20 ноября 1921 г. одобрил его выход из состава Горской АССР и создание совместно с карачаевцами и русскими отдельной автономии. Делегация Карачаево-Черкесии во главе с У. Алиевым добилась поддержки В.И. Ленина и И.В. Сталина, аргументируя свою просьбу слабой связью с Горской АССР. 12 января 1922 г. ВЦИК РСФСР выделил из состава Горской АССР Карачаево-Черкесскую автономную область с центром в ст. Баталпашинской¹. В 1922 г. из Горской АССР выделилась и Чеченская автономная область.

В автономиях сказывался дефицит кадров и вопрос выстраивания диалога с руководством Кубано-Черноморской и Терской областей, центральной властью. Вторая проблема была более сложной – формирование органов власти и местного самоуправления, способных решать задачи советского строительства. Поэтому неоднократно проводились реформы административно-территориального деления автономий, призванные приблизить аппарат управления к населению. Эти решения неоднозначны по последствиям, хотя они и привели к сокращению управленческого аппарата. Укрепление автономии требовало кадрового обеспечения. На основании решения пленума Кубано-Черноморского облисполкома в г. Краснодаре были открыты курсы повышения квалификации национальных кадров.

По резолюции XII съезда РКП(б) в 1923 г., существовавшее административно-территориальное деление признавалось не отвечающим новым политическим и экономическим потребностям страны. Одновременно был объявлен курс на «коренизацию» национальной политики². Началась реформа административно-территориального устройства страны («районирование»). Органы власти исходили применительно к создаваемым автономиям из принципов наибольшей этнической однородности и экономической жизнеспособности.

¹ Орешин С.А. Политическая борьба в Карачае и становление национальной государственности карачаевского народа. 1917–1922 гг. // Современные тенденции развития науки и технологий. Белгород, 2016. № 8-3. С. 107–108.

² КПСС в резолюциях... 1984. Т. 3. С. 87-89.

Следующая дискуссия по территориальным вопросам возникла между Госпланом РСФСР, Юго-Восточным краевым плановым управлением, Терским губисполкомом и автономиями в 1923 – середине 1924 гг. Проект Госплана предполагал создание единого экономического региона Северного Кавказа и Закавказья, для чего не было экономических, географических и политических предпосылок. Краевые органы намеревались объединить Дагестан, Горскую АССР, Терскую и Ставропольскую губернии. Терский губисполком категорически возражал против объединения с автономиями, отстаивая интеграцию с Кубано-Черноморской областью и Ставропольской губернией. Автономии требовали передать им Пятигорск, Кисловодск, Моздок, Прохладненский и Майский районы¹.

Интересы геополитической стабильности пограничного и нестабильного региона, каким был Северный Кавказ, перевесили местные амбиции. Следовало учитывать роль региона как плацдарма мировой революции на Востоке и опасения перед панисламистской и пантюркистской экспансией, тем более, что автономии Северного Кавказа не имели «пролетарского ядра» и слабо были интегрированы в состав государства². В итоге была выбрана модель административно-территориального устройства, предполагавшая включение автономных национальных областей в состав Северо-Кавказского края и их финансовое и правовое соподчинение краю. Эта модель закреплялась «Положением о Юго-Востоке России», одобренным Президиумом ВЦИК РСФСР 13 февраля 1924 г.³ Краевой исполком Советов принял в апреле 1924 г. «Положение об организации управления автономными национальными областями Юго-Восточного края», регламентировавшее

¹ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 131. Л. 3–4; Д. 137. Л. 25; Д. 139. Л. 118 об–120, 177–180.

² Христофоров В.С. «Восточные окраины» как объект изучения Восточного отдела ГПУ-ОГПУ (1922–1923). URL: [http://uralhist.uran.ru/pdf/Khristoforov_UIV_2\(63\)2019.pdf](http://uralhist.uran.ru/pdf/Khristoforov_UIV_2(63)2019.pdf) (дата обращения: 30.09.2021).

³ Весь Северный Кавказ (Справочник по вопросам административно-экономического и культурного строительства края) / под ред. А. Овчарова. Ростов н/Д, 1931.

порядок разрешения споров между административными единицами¹. В данных целях создавались комиссии с паритетным представительством краевых инстанций, а также сторон споров по урегулированию взаимных территориальных претензий: края и Дагестанской АССР, автономных областей и округов в составе края, между различными автономиями². Затем была создана комиссия по вопросам взаимоотношений автономий с русскими округами под руководством первого секретаря Северо-Кавказского крайкома РКП(б) А.И. Микояна и председателя крайисполкома Б.П. Позерна. Работала также краевая административная комиссия по районированию при крайисполкоме Советов (образована 4 августа 1924 г.).

Краевое экономическое совещание Юго-Востока России, областные исполнительные комитеты и областные комитеты РКП(б) провели за 1923 – начало 1924 гг. значительную работу по обследованию автономий, обсудив противоречивые варианты реформ, предлагавшиеся с мест³. В итоге Президиум ВЦИК РСФСР 2 июня 1924 г. принял постановление о районировании Юго-Восточной области (вскоре переименованной в Северо-Кавказский край), которое предусматривало в том числе разделение Кубано-Черноморской области на новые административно-территориальные единицы – округа и районы⁴.

Осенью 1924 г. в составе Черноморского округа был образован Шапсугский район с центром в г. Туапсе. Район включал в себя аулы Карповский, Кичмай, Красноалександровский, Псеушко, но его территория не была компактной и не получила выхода к Чёрному морю (см. карту 3 в приложении). Не было удовлетворено и предложение органов власти Адыгейской (Черкесской) АО о присоединении Шапсугского округа к данной автономии. Характерно, что проект Шапсугского района встретил противодействие Кубано-Черноморского обкома РКП(б) и облисполкома Советов. Вопрос неоднократно обсуждался на заседаниях Юго-Восточного

¹ ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 1. Д. 406. Л. 192, 223–223 об.

² ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 137. Л. 24 об; Д. 135. Л. 216, 218.

³ ГАРО. Ф. Р-3758, Оп. 1, Д. 309, Л. 1-3, 13, 19, 27; Р-1485, Оп. 1, Д. 132, Л. 33-66.

⁴ ГАРО. Ф. Р-1485, Оп. 1, Д. 132, Л. 109-110.

бюро ЦК РКП(б), причём докладчиками были руководители полномочного представительства ОГПУ по краю. Высказывавший наиболее радикальные требования представитель адыгской диаспоры, приехавший из Турции, Ю. Нагуч был арестован¹. Согласно докладу Северо-Кавказского краевого земельного управления о землеустройстве национальных меньшинств от 29 апреля 1927 г., в Шапсугском районе лесисто-горные местности, пригодные для использования, составляли 19 809 дес. на 5 473 чел. жителей; хозяйство оставалось убыточным².

Административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в 1924 г. были вызваны необходимостью сократить расходы на аппарат управления, сделать взаимодействия населения с органами управления более удобными и оперативными. Полиэтническая Горская АССР вследствие конфликтов между своими частями была разделена на ряд автономных областей в прямом подчинении Северо-Кавказскому краю. Границы новых автономий были приведены в основном в соответствие с ареалами расселения народов, что проявилось в передаче ст. Баталпашинской, казачьих станиц Урупского и Зеленчукского районов из Карачаево-Черкесской АО в Армавирский округ. В составе Карачаево-Черкесской АО также был создан Казачий район.

Внутри существовавшей с лета 1924 по 1928 гг. территориальной системы не прекращались острые конфликты между русскими округами края и автономиями по следующим вопросам: 1) статус местностей со славянским населением внутри автономий; 2) борьба за прибыльные территории – города Грозный и Владикавказ, составлявшие округа в прямом подчинении краю, а также сельский Кизлярский округ; 3) претензии Карачая на г. Кисловодск и Кабарды – на г. Пятигорск; 4) осетино-ингушский спор за г. Владикавказ; 4) статус этнических меньшинств в русских округах; 5) земельные споры между автономиями и внутри них.

Например, сложный территориальный спор получил название «кизлярского». В конце 1922 – начале 1923 гг. из Терской губернии в Дагестанскую АССР был передан Кизлярский округ в

¹ Бугай Н.Ф. Указ. соч. С. 6-29; Сивер А.А. Указ. соч. С. 85-89.

² ГАРО. Ф. Р-1485, Оп. 1, Д. 409, Л. 142-143.

низовьях р. Терек. Его населяли по переписи 1926 г. 97 152 чел., из них – 57% русских, 33% ногайцев и караногайцев, 10% армян и представителей народов Дагестана. Весной 1924 г. руководители партийных, советских органов и отдела ОГПУ Кизлярского округа подали доклад в краевую комиссию по районированию, предлагая решить спор на местном референдуме¹. Представляет интерес и записка сотрудника местного отдела ОГПУ В. Семенцова в ЦК ВКП(б) (лето 1926 г.). Её автор обосновывал полезность вернуть Кизлярский округ в состав Терского округа либо образовать отдельную автономную единицу. Семенцов приводил не только хозяйственные доводы (тяготение Кизляра к Астрахани и Пятигорску), но и детальную статистику этнического и религиозного состава населения, давности проживания различных народов². Такая позиция нашла поддержку Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) и Терского окружкома ВКП(б). Но Кизлярский округ решением ЦК был оставлен в Дагестанской АССР по мотивам нехватки земельных угодий и полезности переселения горцев на равнину.

Важной особенностью административно-территориального деления Северного Кавказа в 1924-1930 гг. стало создание Грозненского, Владикавказского и Сунженского округов в местах компактного проживания русских и украинцев. Так, во Владикавказском округе славянские народы составляли 57,8% жителей, в Грозненском – 80,2%, в Сунженском – 96,6%³. Округа непосредственно подчинялись краю. Кроме этого, в составе Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АО были созданы казачьи районы. Вопрос о демаркации их границ решала краевая комиссия, созданная на паритетной основе с участием представителей крайисполкома и заинтересованных сторон в августе 1924 г. Нанесение границ на местности и опрос населения организовывали органы ОГПУ и милиция. Краевые решения подтвердил Президиум ВЦИК в постановлении от 12 января 1925 г., но и позже происходили самовольные захваты земли и межэтнические споры в данной местности.

¹ ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 1. Д. 406. Л. 160–160 об, 161, 162 об.

² ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 370. Л. 148–166.

³ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Отдел 1. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. М., 1928. Т. 9. С. 34–51; Т. 10. С. 9–13; Т. 11. С. 8–17; Т. 14. С. 6–16; Т. 15. С. 8–13; Т. 16. С. 8–12; Т. 17. С. 8–25.

Например, конфликты между казаками ст. Ассиновской и Карабулакской и ингушами зафиксированы в сводке № 4 материалов Информационного отдела ОГПУ по землеустройству в национальных восточных республиках и автономных областях на 15 ноября 1925 г.¹ Соседние автономии не выполняли решения краевой комиссии, что неоднократно фиксировалось органами ОГПУ. Летом 1925 г. секретарь Сунженского окружкома РКП(б) В. Сухов представил в краевые инстанции доклад о самовольных захватах земли в юртах (землевладениях) ст. Ассинской, Нестеровской, Слепцовой, Терской, Карабулакской и Вознесенской. Речь шла о 16,7 тыс. десятин земель, причём они не обрабатывались жителями аулов Чечни и Ингушетии, а пустовали. Захваты рассекали территорию Сунженского округа и делали его хозяйство убыточным. Жалобы Сунженского окружкома были оставлены без внимания, а в 1929 г. округ был упразднён, большая часть его территории передана Чечне и Ингушетии².

Регулярно проявлялись требования Чеченской АО передать ей Грозненский округ, а Ингушетия и Северная Осетия соперничали за Владикавказский округ. Эти намерения отмечены в информационных сводках полпредства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю, их связывали с проявлениями местного национализма³. До осени 1928 г. полпредство, как и крайком ВКП(б), не одобряли передачу городов с преимущественно славянским населением автономиям. Так, эта позиция выражена в осуждении лозунга «единого Нахистана» (Чечено-Ингушетии) на заседании бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) 28 ноября 1927 г.⁴ Но в условиях начавшейся индустриализации передача г. Грозного и Владикавказа в состав автономий стала восприниматься иначе – в качестве

¹ Советская деревня... Т. 2. С. 356.

² ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 131. Л. 9–10.

³ Советская деревня... Т. 2. С. 356, 462; ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 595. Л. 326-331.

⁴ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 828. Л. 124.

укрепления «пролетарского ядра» и жеста интернационализма, что и было совершено в 1928 г.¹

Политическая ситуация в спорных местностях (г. Грозный, Сунженский и Кизлярский округа) на протяжении 1921–1928 гг. прошла три этапа развития: формирование Горской и Дагестанской АССР при ограничении ареала русского населения (1921–1922 гг.), дробление Горской АССР (1922 – лето 1924 гг.), соподчинение автономных областей Северо-Кавказскому краю (лето 1924 – 1928 гг.).

Общественное мнение по территориальным вопросам отчётливо было расколото по этнической принадлежности. Если в начале 1920-х гг. русское население региона проявляло неприятие автономий, то вследствие территориальной реформы 1924 г. состоялась его относительная адаптация к советским реалиям. Сотрудники органов ОГПУ инициировали и поддержали проект краевого госплана по районированию Северного Кавказа в 1924 г., выступив тем самым на стороне более централизованного и деэтнизированного варианта федеративного устройства. С другой стороны, руководители партийных и советских органов автономий отстаивали расширение территорий своих областей и республик, повышение их статуса по мотивам разрыва с имперским наследием, обеспечения земельного и в целом экономического равенства регионов. Мотивы выбора решений на уровне Северо-Кавказского края были прагматическими и аргументировались обеспечением стабильности политического строя.

Не всегда владея полной и объективной информацией по существу проблем, Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б) (в 1924 г. преобразованное в Северо-Кавказский краевой комитет РКП(б)) и крайисполком Советов обращались с запросами в Полномочное представительство ОГПУ по Северо-Кавказскому краю, а также в штаб Северо-Кавказского военного округа. Соответствующие записки и доклады, сводки и обзоры использовались затем как аргументы в выработке и принятии решений.

¹ Кокорхоева Д.С. Становление и развитие советских автономий в Чечне и Ингушетии (1920–1934 гг.): дискуссионные аспекты // Общество: философия, история, культура. Краснодар, 2017. № 1. С. 101–106.

Установлены факторы, определившие особенности начального этапа создания автономий Северного Кавказа. Партийно-государственное руководство должно было решать одновременно задачи восстановления территориальной целостности и интеграции пространства бывшей империи, повысить статус автохтонных народов путём предоставления им автономий в рамках этнической модели федерализма и «коренизации» аппарата управления, что было сложной и противоречивой стратегией. Факторами, осложнявшими становление автономий, являлись: неурегулированные земельные отношения, память о Кавказской войне, влияние духовенства, низкий уровень грамотности, слабость партийно-государственного аппарата. Сложности процесса на начальном этапе обусловлены экономической и социальной отсталостью региона, сохранением рецидивов Гражданской войны в форме повстанческих выступлений, земельными противоречиями.

Образование автономий в условиях послевоенной разрухи, низкого уровня грамотности, высокой внутриэтнической фрагментации, малочисленности автохтонных народов способствовало преобладанию экономических мотивов районирования над этнотерриториальным. Но создание автономных областей повысило возможности развивать экономику, расширять хозяйственные связи с другими регионами, формировать управленческий аппарат.

Создание национальных автономий в регионе привело к серьезным территориальным изменениям, положив начало разрушению сложившихся в имперский период административных и этнических границ, что привело к осложнению отношений между системой власти и различными народами Северного Кавказа. Территориальные изменения, будучи попыткой урегулировать конфликты, в свою очередь, породили ряд межэтнических и социальных противоречий.

На начальном этапе нациестроительства особое место занимал «русский вопрос». Славянское население, оставаясь влиятельным фактором на Северном Кавказе и в Крыму, испытывало противоречия в отношениях с автохтонными народами в экономической, политической и религиозной сферах. Создание Горской АССР, Дагестанской АССР и Адыгейской (Черкесской) автономной области

шло при сопротивлении органов власти Терской и Кубано-Черноморской областей по вопросам размежевания территории, землепользования и равного представительства народов в общественной жизни. Партийные и советские органы сдерживали центробежные настроения со стороны ряда представителей этнической интеллигенции и духовенства. Летом 1924 г. органы власти были вынуждены пойти на компромисс с интересами полиэтничного населения в аспектах: уравнительной земельной реформы, соблюдения законности, изъятия оружия, равенства народов, выведения части населенных пунктов с компактным проживанием русских из автономных образований.

Для РКП(б) задачи национально-государственного строительства были подчинены цели укрепления своей власти. Мы установили противоречивость национальной политики 1920-х гг. как средства консолидации лояльных власти групп, создания социальной базы, формирования кадрового потенциала власти. Следствием стало усиление межэтнических конфликтов в регионе по мере перехода к решению задач коллективизации в конце 1920-х гг.

3.2. РЕАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В КРЫМУ В 1920-Е ГГ.

После победы над силами контрреволюции в ноябре 1920 г. в Крыму интенсивно началось становление партийно-советской системы власти, которое проходило в сложных условиях. Крым находился в состоянии глубочайшего экономического кризиса.

В ходе Гражданской войны в Крыму дважды – в 1918 г. (март – апрель) и в 1919 г. (апрель – июнь) создавались «прифронтовые» советские республики, выполнявшие буферную геополитическую роль – Советская Социалистическая Республика Тавриды (в условиях быстрого продвижения по территории страны немцев и украинских гайдамаков) и Крымская Советская Социалистическая

Республика (в условиях противостояния Белым силам Юга России и силам Антанты)¹.

Вместе с тем, ещё в начале 1919 г., по воспоминаниям одного из руководителей будущей Крымской автономии Ю.П. Гавена, идея автономного статуса Крыма была поддержана главой Советского государства В.И. Лениным: «Ваше предложение будет санкционировано. Поговорите с тов. Сталиным в Наркомнаце о вытекающих из него практических вопросах. По всему видно, что в ближайшее время красные части очистят Украину и Крым от белогвардейцев и вы сможете вернуться в Крым для осуществления наших задач. Старайтесь избегать прежних ошибок. Национальный вопрос требует самого вдумчивого и осторожного отношения...»²

Новую систему власти можно именовать диктатурой, так как с самого начала эта модель власти не предполагала никакой альтернативы курсу, задекларированному и реализуемому руководством РКП(б). Этот тезис применим ко всем сферам жизнедеятельности общества, включая национальную политику.

Для проведения в жизнь указаний ЦК РКП(б) и Совета Народных Комиссаров в Крыму был образован Крымский областной комитет РКП(б) (обком). Его состав был утвержден Центральным Комитетом партии большевиков 15 ноября 1920 г. Президиум обкома состоял из пяти членов, работу партийной организации возглавлял секретарь. В Севастополе, Керчи, Симферополе, Ялте, Феодосии, Джанкое, Евпатории были созданы уездные партийные комитеты. Перечисленные структуры должны были направлять деятельность всех органов, утверждавших вооруженным путем «диктатуру пролетариата» на Крымском полуострове. Так, Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) – главный орган борьбы с контрреволюцией – обязана была держать обком в курсе своей работы и строго согласовывать всю деятельность с директивными указаниями ЦК РКП(б).

¹ Ишин А.В. Проблемы государственного строительства в Крыму в 1917–1922 годах. Симферополь, 2012. С. 95–116.

² Крымская АССР (1921–1945). Вопросы – ответы / сост. Ю.И. Горбунов. Симферополь, 1990. Вып. 3. С. 13–14.

В «Кратком обзоре работы Крымского областного комитета РКП с 22-го ноября по 13-е декабря 1920 года», подписанном секретарем обкома Р.С. Самойловой (Землячкой), отмечается, что, «исходя из общего политического положения в Крыму, Областком положил в основу своей работы следующее: 1) решительная борьба с остатками контрреволюции, 2) твердая линия недопущения меньшевиков и «меньшевиствующих» коммунистов к ответственной работе в Крыму, ввиду того разложения, которое вносит меньшевизм в слабо развитые рабочие массы, 3) привлечение рабочих к государственной работе и осторожность по отношению к интеллигенции, сплошь устремившейся в советские учреждения, 4) **широкая работа по коммунистическому просвещению масс с приспособлением ее к потребностям и условиям жизни нескольких наций, живущих в Крыму** (выделено нами – А.И.), 5) осуществление полного контроля партии над всей советской работой»¹.

Партийные организации Крыма в конце 1920 и на протяжении большей половины 1921 г. проводили свою политику через систему уездных, волостных, сельских ревкомов, на вершине которой находился Крымский революционный комитет (Крымревком). Изначально эта структура возглавлялась бывшим наркомом иностранных дел и военных дел Венгерской советской республики (1919 г.) Бела Куном – ярким сторонником политики массового террора (позднее замененным Лидэ и Поляковым). В исторической науке существуют две различные точки зрения в отношении даты образования Крымревкома: 14 ноября и 16 ноября 1920 г.

Наряду с организацией восстановления экономики, основными задачами Крымревкома являлись «установление революционного порядка» и «искоренение очагов контрреволюции». Этот орган состоял из председателя, заместителя председателя и четырех членов.

В состав Крымревкома вошли представители Реввоенсовета Южного фронта и члены областного комитета РКП(б). Приказ № 1 Крымревкома от 16 ноября 1920 г. гласил: «Впредь до избрания

¹ Ишин А.В. Проблемы государственного строительства в Крыму в 1917–1922 годах. Симферополь, 2012. С. 224.

рабочими и крестьянами Крыма Советов вся власть на территории Крыма принадлежит Крымскому революционному комитету».

Одной из важнейших функций ревкомов был полный учет людских и материальных ресурсов полуострова. В частности, ревкомы брали на учет жителей городов и деревень, жилой и земельный фонд, собственность органов самоуправления «белых» политических режимов, материальные ценности, оружие, лошадей, оставленных на полуострове военными Белых сил, имущества бывших помещиков, частные земельные хозяйства, предприятия, запасы топлива, учебные заведения, библиотеки, читальни и книги.

Ревкомы занимались регистрацией иностранно-подданных, семей бывших офицеров и служащих учреждений белых правительств, создавали контрольные комиссии для проверки правильности вступления на службу в советские учреждения¹.

Тем не менее, по справедливому суждению Л.П. Кравцовой, «вопрос о статусе полуострова партийными и советскими органами стал обсуждаться сразу же после окончательного установления Советской власти в Крыму. В условиях многонационального региона решить его было непросто. Единого мнения: быть Крыму областью в составе РСФСР или автономной республикой – не было. 5 апреля 1921 г. недавно сменивший Р.С. Землячку на посту первого секретаря Крымского обкома РКП(б) И.А. Акулов писал обо всех этих сложностях в ЦК РКП(б), высказываясь за статус области. Проходили многочисленные конференции беспартийных и коммунистов разных национальностей, где обсуждались национальные проблемы, пути их разрешения, вносились предложения по статусу полуострова»².

Важно, что уровень этнополитической конфликтности заметно снижался по мере становления и развития – политических институтов Крымской Автономной Социалистической Советской Республики, постановление об образовании которой председатели

¹ Ишин А.В. Проблемы государственного строительства в Крыму в 1917–1922 годах. Симферополь, 2012. С. 227–229.

² Крымская АССР (1921–1945). Вопросы – ответы / сост. Ю.И. Горбунов. Симферополь, 1990. Вып. 3. С. 15.

Совнаркома РСФСР В.И. Ленин и ВЦИК РСФСР М.И. Калинин подписали 18 октября 1921 г.

В итоге в Москве предпочтение было отдано автономистской точке зрения, и в упомянутом выше постановлении об образовании Крымской АССР отмечалось:

«1. Образовать Автономную Крымскую Социалистическую Советскую Республику, как часть РСФСР, в границах Крымского полуострова из существующих округов: Джанкойского, Евпаторийского, Керченского, Севастопольского, Симферопольского, Феодосийского и Ялтинского ...

2. Аппарат государственной власти Автономной Крымской Социал. Советской Республики складывается согласно Конституции РСФСР из местных Советов, Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Кр. ССР.

3. Для управления делами Автономной Кр.С.С.Р учреждаются Народные Комиссариаты: 1. Внутренних дел. 2. Юстиции. 3. Просвещения. 4. Здравоохранения. 5. Социального обеспечения. 6. Земледелия. 7. Продовольствия. 8. Финансов. 9. Труда. 10. Совета народного хозяйства. 11. Рабоче-крестьянской инспекции. 12. Нарсвязи и Управлений коммунального хозяйства и статистики... Для ведения борьбы с контрреволюцией создается при СНК Кр. ССР Крымчека, починенная непосредственно ВЧК, причем ее коллегия формируется Крымским Совнаркомом и утверждается ВЧК...

6. В целях сохранения единства финансовой, хозяйственной политики по всей территории РСФСР: Продовольствия, Финансов, Совета Народного Хозяйства, Труда, Путей сообщения, Нарсвязи, Рабоче-Крестьянской Инспекции и Центрального Статистического Управления являются обязательными для соответствующих Народных комиссариатов Кр. ССР...

10 До созыва Всекрымского Учредительного Съезда Советов и выборов Крымского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров территория Крыма управляется Крымским Революционным Комитетом»¹.

¹ Крымская АССР (1921–1945). Вопросы – ответы / сост. Ю.И. Горбунов. Симферополь, 1990. Вып. 3. С. 254–256.

Становлению Крымской АССР в составе Советской России предшествовала ещё одна важная веха в государственном строительстве в Крыму, которая была связана с созданием постоянных органов власти, пришедших на смену системе революционных комитетов, что способствовало стабилизации политической ситуации.

В июле 1921 г. состоялись выборы в городские, в августе и сентябре – в сельские Советы. В конце октября – начале ноября на уездных съездах Советов были избраны делегаты первого Всекрымского съезда Советов, который проходил с 7 по 11 ноября 1921 г. На съезде 10 ноября была принята Конституция Крымской Социалистической Советской Республики.

«Основные положения» Конституции провозглашали «равенство и право на свободное развитие всех национальностей Крыма», государственными языками автономии объявлялись «русский и татарский».

Наиважнейшее значение имело следующее положение: «Крым ССР заявляет о своей твердой решимости остаться одной из составной части общей федерации великой Российской Республики на началах теснейшего политического и экономического объединения для совместной борьбы за торжество Коммунистической революции»¹.

Был избран Крымский Центральный Исполнительный Комитет (КрымЦИК) – высший законодательный и контролирующий орган власти на полуострове в период между съездами Советов, образованы наркоматы, ставшие исполнительными управленческими структурами.

«Значение создания Крымской АССР заключается в том, что «вся политика советской власти в Крыму должна быть построена на основе учёта особенностей экономической и культурной жизни Крыма, в котором население состоит из отдельных национальностей, из которых каждая имеет свой язык, свой уклад жизни,

¹ Брошеван В.М., Форманчук А.А. Крымская республика: год 1921-й: Краткий исторический очерк. Симферополь, 1992. С. 122.

сложившийся в процессе исторического развития», – отмечала газета «Красный Крым»¹.

Объективные экономические трудности, от которых страдало многонациональное население полуострова (так, исследователь А.П. Мащенко отмечает, что в 1921 г. в Крыму, где в это время проживали представители 59 народов, «большинство населения составляли русские и украинцы, которых было очень сложно отделить друг от друга, – 371 017 чел. (51,5%). Татар (их тогда называли просто татарами, не добавляя прилагательное «крымские») было 186 715 чел. (25,9%), евреев – 49 404 (6,8%), немцев – 42 350 (5,9%), греков – 23 868 (3,3%), армян – 12 051 (1,7%), болгар – 10 572 (1,5%)², были значительно усугублены военно-коммунистическими методами управления.

До 1 июня 1921 г. власти полуострова сохраняли продовольственную разверстку, которая взималась по явно завышенным цифрам (планировалось взимание продовольственного хлеба в размере 2 млн. пудов, кормового зерна 2,4 млн. пудов, объемистого фуража также 2,4 млн. пудов) и объективно стимулировала протестные настроения в деревне, вплоть до вооруженных выступлений против власти. Более того, отрядами особых отделов ВЧК помимо разверстки дополнительно изымалось продовольствие у крестьян.

Серьёзной ошибкой являлась передача 1134 конфискованных помещичьих имений в государственный фонд и создание на их базе совхозов. Большая часть совхозной земли весной 1921 года оказалась необработанной. Следует отметить, что в то время, когда под совхозы передали до 1 млн дес. земли, примерно 40% крестьян в Крыму оставались безземельными.

¹ Мащенко А. Как Крым республикою вольной в федерацию вошёл. 100 лет назад полуостров стал первой автономией в составе РСФСР. // Парламентская газета. Режим доступа: <https://www.pnp.ru/social/kak-krym-respublikoju-volnoy-v-federaciyu-voshyol.html>.

² Мащенко А. Как Крым республикою вольной в федерацию вошёл. 100 лет назад полуостров стал первой автономией в составе РСФСР // Парламентская газета. Режим доступа: <https://www.pnp.ru/social/kak-krym-respublikoju-volnoy-v-federaciyu-voshyol.html>.

Тяжелейшим образом на положении крымского населения сказывался также запрет частной торговли. Помимо этого, власти полуострова в конце 1920–1921 гг. регулярно проводили мероприятия по «изъятию излишков», что не могло не подрывать авторитет большевистского руководства. Положение усугубляли бесчисленные злоупотребления и произвол многих представителей власти. Так, при проведении продрозверстки наблюдались «бесчисленные злоупотребления должностных лиц, хищения и аферы продагентов»¹. «Отдельные красноармейские отряды занимались грабежами, и никто их от этого не мог остановить»².

Важным фактором, серьезно дестабилизировавшим политическую ситуацию, явился беспрецедентный массовый террор, развязанный в Крыму в конце 1920 г.

На основе имеющихся источников можно прийти к выводу, что красный террор в Крыму в конце 1920 – 1921 гг. был вполне закономерен в условиях существовавшего режима. Целью этого террора являлось уничтожение насколько возможно большего числа как явных, так и потенциальных «классовых врагов».

Говоря о динамике террора в Крыму, следует отметить, что всплеск расправ приходился на зиму 1920–1921 гг., затем волна понемногу спадала до конца 1921 г.³ Точное количество погибших вследствие террора не установлено. В.П. Петров полагает, что «общее число погибших превышает 20 тысяч человек, хотя эта цифра не является окончательной»⁴. С.А. Усов считает, что жертв террора было не менее 40 тыс. чел.⁵ Встречается даже цифра 150 тыс.⁶

¹ Ишин А.В. Крым в 1921–1941 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. № S12. С. 13.

² Султан-Галиев М.Х. О положении в Крыму / предисл., подгот. текста и коммент. С.А. Усова // Крымский архив. 1996. № 2. С. 87.

³ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь, 1997. С. 333.

⁴ Петров В.П. К вопросу о красном терроре в Крыму в 1920–1921 годах // Проблемы истории Крыма: Тез. докл. науч. конф. Симферополь, 1991. Вып. 2. С. 91.

⁵ Султан-Галиев М.Х. О положении в Крыму // Крымский архив. 1996. № 2. С. 96.

⁶ Мельгунов С.П. Красный террор в России: 1918–1923. М., 1990. С. 66.

Так или иначе, несмотря на разногласия исследователей, все сходится в одном – террор в Крыму носил значительные размеры.

По словам члена Коллегии Народного комиссариата по делам национальностей М.Х. Султан-Галиева, «...среди расстрелянных попадало очень много рабочих элементов и лиц, оставшихся от Врангеля с искренним и твердым решением честно служить Советской власти...»¹. Данным Султан-Галиева вторят материалы следственного дела № 707/403 о преступлениях членов коллегии Керченской чрезвычайной комиссии: «...из числа расстрелянных 51–52% рабочих тяжелого труда и из числа содержащихся под стражей в комиссии рабочих 77%»².

В своей деятельности партийно-советские органы опирались на систему чрезвычайных и «военно-революционных» органов, важнейшее место среди которых принадлежало органам Всероссийской чрезвычайной комиссии – Государственного политического управления (ВЧК–ГПУ).

На территории Крыма органы ЧК прошли длительную и сложную эволюцию. В конце 1920 г. действовали многочисленные обособленные и независимые от местных властей органы ВЧК – особые отделы (главные проводники красного террора), транспортные ЧК, морские ЧК и т.д. Отсутствие согласованности и крупные «перегибы» в работе обусловили необходимость создания общего руководящего центра подобных органов в пределах Крыма. С этой целью 9 декабря 1920 г. на полуострове создается региональный орган ВЧК – Крымская чрезвычайная комиссия³. Тем не менее, единую централизованную систему органов ВЧК в Крыму окончательно удалось сформировать только в сентябре 1921 г.⁴

6 февраля 1922 г. был издан «Декрет ВЦИК об упразднении ВЧК и о правилах производства обысков, выемок и арестов».

¹ Султан-Галиев М.Х. О положении в Крыму // Крымский архив. 1996. № 2. С. 86.

² Государственный архив Республики Крым. Ф. 1. Оп. 1. Д. 91. Л. 68 об.

³ Видоменко В.А. Всегда на посту // Орлов Г.С. Тревожные будни: Очерки о чекистах. Симферополь, 1987. С. 6.

⁴ Ишин А.В. Становление системы органов ВЧК в Крыму (конец 1920–1921 годы) // Крымский Архив. 2001 № 7. С. 13–23.

В соответствии с этим декретом Всероссийская чрезвычайная комиссия реорганизовывалась в Государственное политическое управление. Отныне все общеуголовные дела должны были передаваться в ревтрибуналы и народные суды по принадлежности. Деятельность ГПУ сосредоточивалась на раскрытии политических и антигосударственных преступлений. Внесудебные репрессии отменялись.

Крымская ЧК была реорганизована в Крымское политическое управление (КПУ) при ЦИК Крымской АССР. Судя по архивным источникам, органы КПУ вновь обрели право во внесудебном порядке выносить смертные приговоры, для чего при ГПУ Крыма была сформирована тройка¹. Рассмотрению во внесудебном порядке подлежали дела о контрреволюционных организациях, о фальшивомонетчиках и сотрудниках ГПУ². Как и ранее органы ЧК, Крымское политическое управление имело специальные места заключения³. Помимо этого, при ГПУ Крыма действовало Особое совещание по административным высылкам⁴.

Анализ деятельности органов ВЧК–ГПУ в Крыму, которые пресекли существование ряда опасных для властей организаций, свидетельствует, что именно на них делалась главная ставка в утверждении на полуострове партийно-советской системы, они полностью соответствовали определению ЧК Центральным Комитетом РКП(б) как «боевого аппарата борьбы с контрреволюцией на внутреннем фронте»⁵.

В отношении этнонационального развития полуострова важно подчеркнуть, что именно на органы ВЧК–ГПУ возлагалась задача по установлению жёсткой монопартийной системы. Деятельность остальных партий (кроме большевистской) пресекалась.

¹ Государственный архив Республики Крым. Ф. Р-1108. Оп. 1. Д. 8. Л. 27.

² Государственный архив Республики Крым. Ф. Р-1108. Оп. 1. Д. 9. Л. 64, 128.

³ Государственный архив Республики Крым. Ф. Р-702. Оп. 1. Д. 8. Л. 16.

⁴ Государственный архив Республики Крым. Ф. Р-702. Оп. 1. Д. 16. Л. 13-13 об.

⁵ Софинов П.Г. Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии (1917–1922 гг.). М., 1960. С. 222.

Естественно, в числе названных партий оказывались и те политические силы, которые в той или иной мере манифестировали решение национальных вопросов.

Так, в отчетном «Докладе о работе Крымской Чрезвычайной Комиссии за время с 1 января по 1 февраля 1922 года» в разделе «Деятельность антисоветских партий», адресованном полномочному представителю ВЧК по Крыму В.Н. Манцеву, в частности, отмечалось:

«Сионисты в настоящее время особенно активны. Группа «Гехэлуд», имеющая сильную ячейку среди студентов Крымского университета им. Фрунзе, держит себя весьма вызывающе по отношению к ком-ячейке. Гехэлуд имеет связь с Центральными городами Украины. В политотделе КЧК имеются подробные агентурные материалы о XII сионистском конгрессе в Карлсбаде. В их среде произошел существенный раскол, заключающийся в том, что по вопросу о Палестине часть оказалась за немедленную эмиграцию в «Эрец-Израэль», а часть против этого. Последнее время в их среде чувствуется сильное волнение по поводу долгого отсутствия из поездки в Харьков их делегата на Съезд. В связи с усиленными попытками сионистов пробраться в Палестину, несмотря на официальное запрещение выезда за границу, Политотделом были произведены аресты, посредством которых удалось установить путь связи их с Палестиной, а именно Севастополь – Поти – Елизаветополь – Тифлис – Батуми – Константинополь.

Татары – «Мили-Фирка», это националистическое течение особенно сильно в Крыму. Деятельность их выразилась последнее время в попытках организации союза татарской молодежи, помимо Комсомола. Характерно то обстоятельство, что на организационном собрании этого союза, носившем весьма бурный характер, происходила ожесточенная борьба между беспартийными вожаками татарской молодежи и представителями ОК.РКСМ по вопросу о слиянии вновь организовавшегося союза молодежи с Комсомолом. Эта попытка организации союза татарской молодежи является сознательной работой милифирковцев, в настоящее время, безусловно, имеющих связь с Константинополем.

Монархисты очень осторожны вообще. Но в последнее время они дают себя знать. Среди интеллигенции профессора

университета им. Фрунзе во время чтения лекций часто бросают по адресу существующей власти весьма недвусмысленные намеки, что, конечно, на интеллигентскую аудиторию действует разлагающим образом, и лекции эти пользуются среди студенчества большой популярностью»¹.

В чрезвычайно тяжелых условиях оказались и религиозные организации. Государством был взят жесткий курс на административное вмешательство в дела конфессий с целью серьезного ограничения их идеологического воздействия на население Крыма. По данным, приводимым Р.Н. Белоглазовым, к 31 декабря 1923 г. на территории полуострова было закрыто 51 молитвенное помещение, а значительное число священнослужителей расстреляно². Согласно сообщению газеты «Красный Крым», к марту 1925 г. число ликвидированных храмов составило уже 107, причем 26 из них были разобраны на строительный материал³.

Узкоклассовая политика большевистского руководства, временами сопровождавшаяся беззакониями и произволом, не могла не нанести определённый вред гармонизации межэтнических отношений.

В качестве примера приведем содержание «Акта установления злоупотреблений, нанесенных гражданам села Улу – Узень (ныне с. Генеральское в Алуштинском районе) отрядом Особотдела Черназморей по борьбе с бандитизмом в Крыму». Согласно показаниям секретаря Улу–Узеньского сельского ревкома, «1921 года 3 апреля к нам прибыл отряд Черназморей по борьбе с бандитизмом в Крыму. По приезде в село командир Чернобровый приказал собраться на митинг, и когда жители собрались, он, ругая площадной бранью, приказал стоять собравшимся смирно, митинг был окружен вооруженным отрядом и было выставлено 2 пулемета, и когда один из граждан заявил, что такое собрание недопустимо по отношению к гражданам, то тов. Чернобровый начал ругать

¹ Ишин А.В. Проблемы государственного строительства в Крыму в 1917–1922 годах. Симферополь, 2012. С. 258–260.

² Белоглазов Р.Н. Осуществление декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в Крыму (1921–1923 гг.) // Крымский Архив. 1999. № 5. С. 122–133.

³ Красный Крым. 1925. 3 марта.

граждан площадной бранью, а также и Магометом, когда же ему были заданы вопросы, он, не желая их выслушивать, продолжал ругаться площадной бранью. Митинг закончился тем, что из среды собравшихся было выделено 40 человек, из которых уведено в качестве заложников 28 человек. У пяти граждан села были произведены обыски... У Биляла забрано все имущество и скот: 2 вола, 3 лошади и две линейки и 25 пудов ячменя и все сено, у [Куртасана] Аджи Мурат забрана половина имущества, у Аджали Мурат забрано $\frac{3}{4}$ имущества. При заборе имущества... списки имущества составлялись, но копии их не оставлены в сельревкоме... В настоящее время 6 заложников возвратилось, а остальные отправлены неизвестно куда»¹.

Враждебность значительной части населения к властям вылилась в повстанческое движение, которое документы партийных, советских и чрезвычайных органов именуют «политическим бандитизмом» или «движением «бело-зеленых», в котором ощутимо присутствовал этнонациональный фактор.

Под «бандами с политической окраской», «зелеными», или «бело-зелеными», которые представляли «одну из самых серьезных опасностей и угроз» для власти большевиков, подразумевались вооруженные формирования, создаваемые в крымских горах и лесах из избежавших смерти военнотружущих армии Врангеля, махновцев, недовольных политикой Советской власти крестьян, жителей городов. Нередко к этим группам присоединялись чисто уголовные элементы. Зачастую группы «зеленых» возглавлялись белыми офицерами.

Национальный контингент этих групп составляли представители русских, украинцев, крымских татар, чеченцев и других национальностей. Существовали и отряды, целиком состоявшие из крымских татар. К таковым относились отряды Апаса и Мустафы-Курбы.

В докладе подотдела по борьбе с бандитизмом Крымской областной чрезвычайной комиссии (КОЧК) отмечается, что

¹ Государственный архив Республики Крым. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 57.

«несмотря на зимние стужи, они бежали в лес, где стали собираться из одиночных людей в мелкие группы...»¹

Формирования «зеленых» развернули активную деятельность уже с начала декабря 1920 г.² В это время их общая численность составляла приблизительно 8–10 тыс. чел.³ «Зелеными» был убит ряд сотрудников Крымской чрезвычайной комиссии, председатель Алуштинского ревкома Шилов, член Евпаторийского ревкома Лабренцис и ряд других видных представителей Советской власти. Ими также неоднократно совершались диверсии на строительстве железной дороги от станции Сюрень до Бешуйских угольных копей⁴. Наиболее угрожающая для большевиков обстановка сложилась в Симферопольском, Севастопольском и Ялтинском уездах.

В конце февраля – марте 1921 г. экспедиционным отрядам по борьбе с бандитизмом ВЧК удалось провести несколько успешных операций против повстанческих групп. Некоторые из них были раскрыты, в частности, отряд «Спасение России», Топловский отряд⁵ (очевидно, отряд получил название от селения Топлы – ныне с. Тополевка в Белогорском районе – А.И.).

Среди арестованных активных участников этих организаций были бывший помощник полицмейстера города Екатеринослава Веселовский, поручик Вильдер (по прозвищу «Дикий»), главный организатор Топловской группы служащий Топловского совхоза Бычковский. В качестве укрывателей и проводников белых офицеров для организаций «бело-зеленых» были арестованы сестра

¹ Государственный архив Республики Крым. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 96.

² Петров В.Л. Борьба за зміцнення Радянської влади в Криму в 1920–1921 рр. // Український історичний журнал. 1970. № 11. С. 129.

³ Петров В.Л. Борьба за зміцнення Радянської влади в Криму в 1920–1921 рр. // Український історичний журнал. 1970. № 11. С. 132; Колонтаев К.В. Создание и деятельность органов государственной власти в Крыму (ноябрь 1920 г. – октябрь 1921 г.) // Революция и Гражданская война 1917–1920 годов: новое осмысление. Крым. Ялта. 10–18 ноября 1995: Материалы. Симферополь, 1995. С. 62.

⁴ Красный Крым. 1927. 18 декабря. Приложение.

⁵ Государственный архив Республики Крым. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 19, 30.

милосердия Лосиевская, княгиня Волконская, благочинная Казанского подворья в г. Феодосии монахиня Арепсимия.

Уже в этот период чётко обозначились две тенденции, характерные для развития движения «бело-зеленых».

Первая тенденция состояла в широкой опоре повстанческих отрядов на крестьянство, причем поддержка этой наиболее значительной группы населения Крымского полуострова заключалась не только в укрывательстве повстанцев и снабжении их продуктами, но и в непосредственном участии крестьян в антибольшевистском вооруженном движении. Наряду с тяжелой экономической ситуацией и военно-коммунистической политикой властей, развитию этой тенденции в немалой степени способствовала умело поставленная агитация со стороны активистов повстанческих групп. Примером могут служить находившиеся в районе г. Феодосии селения Ай-Серез (ныне с. Междуречье) и Ворон (прежнее название сохранилось), жители которых были убеждены в скором переходе власти в руки «бело-зеленых»¹.

Вторая тенденция заключалась в стремлении руководства отрядов «зеленых» к установлению тесных связей с антибольшевистским подпольем в городах. Так, органами ВЧК было установлено, что Топловская группа имеет связи со Старым Крымом, Феодосией, Карасубазаром (ныне г. Белогорск) и Симферополем².

В середине апреля 1921 г. стал наблюдаться усиленный рост групп «бело-зеленых». В это время они сгруппировались преимущественно в районе Алушты и Красноармейска (ныне г. Ялта).

В докладе КОЧК отмечается, что «политический бандитизм» «постепенно со сходом снега и с появлением зелени увеличивался... Таким образом, из мелких групп бандитов образовались более значительные банды, у каковых хотя в то время не было связи между собой, но почти каждая в отдельности банда имела в городах и селах свои подпольные организации, являвшиеся для бандитов главным источником пополнения живой силы, оружия, продовольствия, подачи сведений военного характера»³. По

¹ Государственный архив Республики Крым. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 21, 27.

² Государственный архив Республики Крым. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 30.

³ Государственный архив Республики Крым. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 96.

воспоминаниям одного из руководителей советского Крыма В. Ибраимова, в крымских горах в то время действовали десятки групп¹. Численность каждой из них в среднем колебалась от 20 до 70 чел. Постепенно они распространились по всей территории полуострова.

К наиболее активным формированиям следует отнести следующие. В Красноармейском (Ялтинском) районе действовали отряды бывшего пристава Алушты Кочубарова в количестве 120 чел., полковника Станишевского (прозвище Безрукий), который в оперативных материалах ВЧК именуется «атаманом Улу-Узеньской группы «бело-зеленых», численностью 60 чел., полковника Мамуладзе в числе 50 бойцов, мелкого торговца, жителя г. Ялты, социалиста Апаса численностью 50 чел., Поликарпова (он же Грозный) – 32 чел., ротмистра Абадзе – 30, чернорабочего Муштафы-Курбы численностью 30 чел., полковника Жоржа в количестве 7 чел. В Бахчисарайском районе действовало формирование полковника Мотицирова, в которое входило около 300 бойцов. В Карасубазарском (Белогорском) районе проявляли активность отряды ротмистра Глазаря (25 чел.) и поручика Алешина (он же Фролов) – также 25 чел. В Симферопольском районе действовали группы капитана Спаи – 32 бойца и атамана Захарченко – 25 конников. В Севастопольском районе дислоцировался отряд под командованием капитана Васильева в количестве 17 белогвардейцев².

Численный состав отмеченных формирований был далеко не постоянным. В определенные моменты он мог как существенно увеличиваться, так и уменьшаться.

На вооружении «зеленых» находились пулеметы, винтовки, револьверы, бомбы.

В борьбе с большевистской моделью Советской власти ряд антибольшевистских организаций рассматриваемого периода делали ставку на «крымско-татарский», «русский» и другие виды этнического национализма, свойственные периоду широкомасштабной

¹ Красный Крым. 1926. 19 декабря.

² Государственный архив Республики Крым. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 57, 60, 66, 67, 96 об.

гражданской войны. Приведем показательную выдержку из оперативной сводки Крымской областной чрезвычайной комиссии от 21 июня 1921 г. по Красноармейскому району: «10 июня вблизи гор. Алушты на мусульманский праздник сошлись из ближайших деревень татары для общего празднования. Туда же прибыла банда в составе около 150 человек конных при двух пулеметах. Банда имела намерение воздействовать на мусульман и совместно с ними занять гор. Алушту. Для этой цели бандиты отпустили на праздник одного быка и 25 пудов хлеба, разбрасывали воззвание национально-религиозного характера, призывая татар соединиться для защиты веры и активно выступить (выделено нами. – А.И.) против ... власти». Воззвание подписано штабом Южной Крымской Повстанческой армии ... Татарское население, безусловно, симпатизирует бандам, но, боясь репрессий с нашей стороны, активно выступить не решается. Упомянутая банда вела себя гордо, стараясь показать перед мусульманским населением свою неустрашимость и силу, но едва бандиты услышали шум броневика, высланного нами из Алушты, они тотчас же скрылись в лес, толпа же быстро стала расходиться. Броневик дошел до 9 версты по шоссе ... и банды нигде не обнаружил»¹.

Борьба с повстанческими отрядами продолжалась в Крыму до 1923 г., но особую остроту она приобрела весной, в начале лета и осенью 1921 г.

Для идеологии «бело-зеленых» весьма характерны лозунги, манифестируемые одной из ведущих подпольных антибольшевистских структур Крыма, возглавляемых Михаилом Дионисьевым (он же белогвардейский полковник Боженко). Дионисьев провозгласил себя Временным Правителем России и издал свою программу под названием «Наказ № 1» в форме листовки.

В программе провозглашался тезис о необходимости отмены смертной казни для всех политических противников, кроме Ленина, Троцкого, высокопоставленных «лжесоветских комиссаров», а также лиц, подписывавших смертные приговоры. Рядовых коммунистов, которые по национальности являлись русскими,

¹ Государственный архив Республики Крым. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 67–67 об.

предполагалось не подвергать ни суду, ни каким-либо иным преследованиям. Коммунистов же еврейской национальности, согласно решению Дионисьева, планировалось судить и высылать за пределы России. В листовке провозглашалась свобода выборов и в будущем – созыв Учредительного собрания. Земельный вопрос должны были рассматривать делегаты от хлебопашцев совместно с Временным Народным Правительством и при обязательном участии 50 процентов от крестьян-бедняков. Рабочие промышленных предприятий провозглашались «акционерами труда», имевшими право принимать участие в установлении размера заработной платы, при этом владельцы предприятий (кроме евреев) сохраняли за собой право собственности на них¹.

Таким образом, в «Наказе» можно найти элементы программ меньшевиков, эсеров, анархистов, кадетов, а также некоторых крайне правых дореволюционных партий. По нашему мнению, этот документ представлял определенную опасность для ещё нестойкой власти большевиков, так как привлекал симпатии самых широких, по-разному настроенных слоев населения.

В марте 1921 г. на Первой Симферопольской уездной конференции РКП(б) выступил заведующий отделом Крымревкома по делам национальностей М. Султан-Галиев с докладом «Очередные задачи партии в национальном вопросе». В числе этих задач, в частности, упоминалось «организованное массовое вовлечение широких пролетарских слоев трудящегося коренного населения автономных областей и окраин Советской России в хозяйственное строительство путем массового вовлечения их через профсоюзы в хозяйственно-экономические органы»².

По сути, уже в этом тезисе очевиден пролог к политике «коренизации», официальным началом которой принято считать XII съезд РКП(б), состоявшийся в 1923 г., хотя де-факто в Крыму эта политика ощутимо проводилась уже в 1921 г.

Вместе с тем, на потенциальную ограниченность и даже двойственность указанной политики указывала ещё одна партийная

¹ Ишин А.В. Части особого назначения Крымской АССР (1921–1924 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2021. № 10 (90). С. 32.

² Брошеван В.М., Форманчук А.А. Крымская республика: год 1921-й: Краткий исторический очерк. Симферополь, 1992. С. 34.

задача, озвученная М. Султан-Галиевым: «Углубление классовой дифференциации и классового расслоения среди городского населения и крестьянства нацменьшинств окраин»¹.

Работа среди «нацменьшинств» была для партийно-советских органов в Крыму одной из приоритетных. Уже с конца ноября 1920 г. обком РКП(б) и уездные партийные комитеты повели активную работу по созданию в своих структурах национальных секций. В частности, при обкоме образуются Мусульманская (с 8 января 1921 г. Татарская), Немецкая, Еврейская, Армянская секции. Структура секций предполагала наличие бюро, ряда отделов, пункта юридической помощи. Для координации работы национальных секций в ноябре 1920 г. при отделе агитации и пропаганды обкома был образован подотдел национальных меньшинств, который возглавил присланный из Москвы инструктор подотдела нацменьшинств при отделе агитации и пропаганды ЦК РКП(б) О.И. Пальги².

Органы власти Крымской АССР, наряду с отмечавшимися шагами социокультурной направленности в формате политики «коренизации», значительное внимание уделили преодолению последствий голода 1921–1923 гг. Для борьбы с голодом и болезнями предпринимались чрезвычайные меры: создавались специальные органы, осуществлялся сбор продовольствия у трудящихся более благополучных районов, создавалась сеть детских домов, мобилизовывался медицинский персонал, задействовалась помощь международных рабочих организаций, филантропических фондов, закупка продовольствия за рубежом. В Крыму была создана Центральная комиссия помощи голодающим во главе с председателем Крым ЦИК Ю.П. Гавеном. Это был правильный, хотя и запоздалый управленческий шаг. Отметим такие меры комиссии, как организация общественных работ, на которые с февраля 1922 по май 1923 гг. было выделено 971206 пудов хлебопродуктов, развертывание сети пунктов питания, продажа хлеба по низким ценам.

¹ Там же. С. 35.

² Брошеван В.М., Форманчук А.А. Крымская республика: год 1921-й: Краткий исторический очерк. Симферополь, 1992. С. 41.

В июле 1922 г. Центральная комиссия кормила уже 51% голодающих¹.

Вместе с тем, эффективной помощи пострадавшим со стороны международных организаций препятствовала излишняя политизация. Так, крымские органы ГПУ содействовали закрытию Немецкого союза помощи колонистам-немцам «Bundestreue», заподозрив эту структуру в использовании голода на полуострове для пропаганды «буржуазных ценностей»².

С 10 по 14 декабря 1923 г. Всекрымский съезд Советов рассмотрел в качестве основного вопрос о татаризации, с докладом по которому выступил председатель Крым ЦИК Ю.П. Гавен. На практике это означало увеличение кадров в управленческом аппарате Крымской АССР из числа: крымских татар – на 10,5%, немцев – 1,6%, других национальностей – на 0,6%. Соответственно, следовало уменьшить долю русских – на 11,9%, украинцев – на 1,7%. В административно-территориальном отношении политика «коренизации» сопровождалась учреждением 6 татарских, немецкого, украинского и еврейского нацменрайонов.

Административно-территориальные преобразования – своеобразный лейтмотив политики крымских властей в предвоенный период. В ноябре 1923 г. произошел отказ от системы деления на округа и принята система районов, число которых к началу Великой Отечественной войны составило уже 26³.

Согласно «Справке информационного подотдела Крымского обкома ВКП(б) о национальном строительстве в Крыму в 1924–1926 гг.», «наличный состав членов КрымЦИКа по национальности располагается следующим образом: татар – 32 человека, русских – 29, немцев – 3, евреев – 1, латышей – 1, эстонцев – 1, украинцев – 7 и белорусов – 1 человек.

В числе членов РИКов (районные исполнительные комитеты – А.И.) созыва 1924–1925 гг. числится: русских – 140 человек,

¹ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь, 1997. С. 335–336; 339–341.

² Ишин А.В. Проблемы государственного строительства в Крыму в 1917–1922 годах. Симферополь, 2012. С. 301.

³ Ишин А.В. Крым в 1921–1941 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. № S12. С. 13.

татар – 42, прочих национальностей – 21 человек (в т. ч. немцев – 5, евреев – 6, армян – 2, болгар – 1, эстонцев – 2, белорусов – 2, караимов – 1, венгров – 1, поляков – 1).

Значительно увеличилось представительство национальностей в Советах после выборной кампании 1925–1926 г. В горсоветы вошло: русских – 987 человек, в 1924–1925 гг. – 315; татар – 280, в 1924–1925 гг. – 79; прочих национальностей – 566, в 1924–1925 гг. – 88 человек»¹.

При этом число представителей различных национальностей в сельских советах в 1925–1926 гг. было следующим: русских – 1552 (в 1924–1925 это число составляло всего 556), татар – 1439 (в 1924–1925 это число составляло 806), немцев – 383, украинцев – 147, болгар – 93, армян – 14, прочих – 170.

Председатели сельских советов по национальному составу распределялись следующим образом: русские – 112, татары – 159, прочие – 73 (соответственно, в 1924–1925 гг. эти показатели составляли: русские – 69, татары – 54, прочие – 19)².

Национальные секции (а их перечень на уровне уездных партийных комитетов был ещё шире) сыграли важную роль в издании и распространении печатных средств массовой информации на языках национальных групп полуострова, в ликвидации неграмотности, в подготовке национальных кадров.

Так, согласно «Справке информационного сектора Крымского обкома ВКП(б) об издании литературы на национальных языках» 1930 г., «Крымгосиздатом в течение 1929–1930 гг. на татарском языке издано различных названий 168 книг, за 1927–1928 гг. всего было издано 43 книги, таким образом, за последний год имеется увеличение почти в 4 раза.

На немецком языке за 1929–1930 гг. издано 4 названия, на крымчакском 4 названия и на греческом – 1 название. На языках других национальностей никакой литературы издано не было.

С периодикой (газеты и журналы) дело обстоит следующим образом. Всего по Крыму издаются шесть газет и журналов на

¹ Крымская АССР (1921–1945). Вопросы – ответы / сост. Ю.И. Горбунов. Симферополь, 1990. Вып. 3. С. 271–272.

² Крымская АССР (1921–1945). Вопросы – ответы / сост. Ю.И. Горбунов. Симферополь, 1990. Вып. 3. С. 272.

татарском языке...» (имелись в виду издания: газета Ени Дунья» («Новый мир»), газета «Яш-Куввет» («Юная сила»), журнал «Иллери» («Вперед»), журнал «Коз-Айдын» («С приветом»), журнал «Пролетар-Медениети» («Пролетарская культура»), газета «Ильк-Адым» («Первый шаг»)¹.

А.П. Мащенко справедливо отмечает, что «принцип равноправия национальностей в сфере образования нашёл воплощение в создании школ и детских дошкольных учреждений с обучением на национальных языках. В 1930 году после введения всеобщего начального обучения в Крыму работали 343 русские школы 1-й ступени, 304 – татарские и 349 школ для детей других национальностей. В начале 30-х годов в начальных классах на родном языке обучались 94 тысячи учащихся, в том числе: 53 809 – русских, 25 782 – татар, 5387 – немцев, 2430 – украинцев, 3052 – еврея, 1527 – греков, 1204 – болгарина, 1070 – армян»².

В целом политика «коренизации» в Крыму дала весьма противоречивые результаты по двум основным причинам. Во-первых, ставка делалась на сугубо административные меры ее осуществления. Во-вторых, в первые годы формирования большевистской диктатуры де-факто была подорвана сама основа жизни этнических общин полуострова, вследствие репрессивного характера политики Советской власти³.

Последнее обстоятельство также отнюдь не способствовало подлинной гармонизации межэтнических отношений. В последующие годы эта политика постепенно стала сворачиваться. Определенную роль сыграли репрессивные меры в отношении ряда руководителей Крымской АССР. В 1928 г. в Крыму состоялся

¹ Крымская АССР (1921–1945). Вопросы – ответы / сост. Ю.И. Горбунов. Симферополь, 1990. Вып. 3. С.171–172.

² Мащенко А. Как Крым республикою вольной в федерацию вошёл. 100 лет назад полуостров стал первой автономией в составе РСФСР // Парламентская газета. Режим доступа: <https://www.pnp.ru/social/kak-krym-respublikoju-volnoy-v-federaciyu-voshyol.html>.

³ Григор'янц В.Є. Вірмени Криму: минуле і сьогодення (Проблеми соціо-культурного та етнополітичного розвитку). Сімферополь, 2005. С. 40; Ишин А.В. Крым в 1921–1941 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. № S12. С. 13.

судебный процесс над бывшим Председателем Крым ЦИК В. Ибраимовым и 15 другими подсудимыми, обвиненными в «антисоветской контрреволюционной деятельности» и «татарском буржуазном национализме». В. Ибраимов был расстрелян, остальные получили длительные сроки заключения. Подлинные причины этого процесса не до конца исследованы историками, но они знаменовали определенный перелом в политике Советской власти, связанный с отказом от принципов новой экономической политики, корректировкой курса в национальном вопросе, усилением репрессивных начал в преддверии кардинальных реконструкций народнохозяйственного комплекса¹.

Одной из мер, предпринятых Советским правительством для увеличения сельского населения и развития хозяйства Крыма в годы осуществления НЭПа, стало переселение еврейского населения из Гомельской и Смоленской губерний в районы центрального и северного Крыма. Эта акция была организована как на средства государственного бюджета, так и на деньги американской организации «Агро-Джойнт» и Французского еврейского общества. Если в 1923 г. в Крыму проживало почти 40 тыс. евреев, то к 1926 г. — уже 46 тыс.²

По данным Всесоюзной переписи населения в конце 1926 г. в Крыму насчитывалось 94285 сельских дворов. По этническому признаку они распределялись следующим образом: русские (30525 чел.), украинцы (11740), татары (34702), немцы (8237), болгары (2548), греки (2230), армяне (997), евреи (1246), прочие (2060 чел.)³.

Как отмечал историк Н.В. Николаенко, «VI Всекрымский съезд Советов, состоявшийся в середине 1929 г., отметил исключительную роль кустарной промышленности и поручил правительству Крымской АССР оказывать всемерное содействие ее развитию, уделяя при этом особое внимание усилению кустарной

¹ Ишин А.В. Крым в 1921–1941 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. № S12. С. 13.

² Ишин А.В. Крым в 1921–1941 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. № S12. С. 13.

³ Крымская АССР (1921–1945). Вопросы – ответы / сост. Ю.И. Горбунов. Симферополь, 1990. Вып. 3. С. 91.

промышленности в национальных районах и промыслов, работающих на недефицитном сырье»¹.

По данным ЦСУ, на 1 апреля 1930 г. число членов артелей составляло 10855 чел., число кустарей-одиночек – 3915 чел. В кустарной промышленности были заняты: русские – 4796 чел. (44,7%), татары – 1260 (11,8%), евреи – 2527 (23,6%), греки – 435 (4,06%), армяне – 379 (3,5%), украинцы – 369 (3,4%), крымчаки – 339 (3,1%), немцы – 170 (1,6%), поляки – 89 (0,8%), караимы – 67 (0,6%), болгары – 37 (0,3%), турки – 22 (0,2%), кустари других национальностей – 225 чел. (2,1%)².

В этой связи большое воздействие на население (особенно на мусульманское) имела религиозная агитация, носившая нередко политический оттенок. Так, в одной из сводок ГПУ отмечалось, что в дер. Мовлюш (Керченский район) «несколько мулл говорили собравшимся: «Мы видим, что вы веруете в Бога и поэтому с гордостью можем сказать, что ни один из вас не будет коммунистом и комсомольцем, как нет и до сих пор» (Муллы хорошо развиты и имеют огромное влияние на татарское население)». В той же сводке говорилось, что в ряде населенных пунктов Керченского района «благодаря усиленной подписке на религиозные журналы подписка на местную газету «Красная Керчь» ... совершенно прекратилась»³. В другой сводке не без тревоги сообщалось, что «в Барыньском сельсовете Джанкойского района среди мулл с большим интересом обсуждаются газетные сообщения и предположения о скором падении Соввласти»⁴. Мулла дер. Камышлы (Севастопольский район) распространял «слухи о том, что в Константинополе полтора месяца назад был духовный съезд мусульман, где в числе делегатов присутствовал представитель от Крыма ... Представитель ... будто бы сказал, что Соввласть побуждает насильственным путем крестьян-татар брать землю у помещиков, что

¹ Крымская АССР (1921–1945). Вопросы – ответы / сост. Ю.И. Горбунов. Симферополь, 1990. Вып. 3. С. 100.

² Крымская АССР (1921–1945). Вопросы – ответы / сост. Ю.И. Горбунов. Симферополь, 1990. Вып. 3. С. 100.

³ Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. Р-1108. Оп. 1. Д. 8. Л. 56.

⁴ ГАРК. Ф. Р-1108. Оп. 1. Д. 8. Л. 73.

запрещено мусульманским законом, и что в связи с этим крестьяне Соввластью крайне недовольны»¹. Согласно данным ГПУ Крыма, «среди русских религиозность сравнительно слабее, но все же наблюдаются местами случаи поддержки крестьянами церквей и духовенства. Например, в дер. Александровка (Шунукский сельсовет (ныне пос. Гвардейское – А.И.) Симферопольского района) попу удалось добиться того, что крестьяне собрали средства для ремонта церкви ... В эту деревню в конце мая (1925 г. – А.И.) приезжал архиерей и в проповеди призывал верующих «не слушать смутьянов-коммунистов, так как за это накажет Бог» и т.п. Проповедь архиерея сыграла довольно большую роль в смысле усиления религиозности граждан деревни»². По всем случаям антибольшевистской агитации органами ГПУ Крыма велась «детальная» или «особая разработка».

11 февраля 1929 г. Президиум ВЦИК и СНК РСФСР утвердили «Положение о земельной реформе и сплошном обязательном землеустройстве в Крымской АССР». Согласно этому положению, в Крыму упразднились повышенные нормы землевладения, а земельные «излишки» изымались у зажиточных крестьян, теперь именуемых «кулаками», и передавались бедноте и батрачеству. Следующим шагом стало осуществление «сплошной» коллективизации, проводившейся в соответствии с решениями XV съезда ВКП(б) (декабрь 1927 г.).

Важно подчеркнуть, что Крымская АССР была образована именно как территориальная автономная республика в составе РСФСР. Учитывая то обстоятельство, что в период Первой мировой войны, Гражданской войны и интервенции на территорию Крымского полуострова последовательно претендовали Турция, Германия, «Украинская держава» П. Скоропадского, а Франция и Англия пытались реализовывать здесь собственные политические проекты, образование Крымской АССР в составе Советской России, осуществлённое с соблюдением всех необходимых

¹ ГАРК. Ф. Р-1108. Оп. 1. Д. 8. Л. 74.

² Государственный архив Республики Крым. Ф. Р-1108 Оп. 1. Д. 8. Л. 57.

демократических процедур, приобретало не только важнейшее политико-административное, но и международно-правовое значение.

Политические и правовые основания образования Крымской АССР в 1921 г. позволяют отнести её к редкому в РСФСР полиэтничному типу. Коренизация партийно-государственного аппарата, системы образования и СМИ в Крыму также имела специфику, связанную с необходимостью учесть интересы крымскотатарской общности ввиду влияния Турции. Национальная политика в Крыму реализовалась с учётом особенностей этнического состава населения на районном уровне.

3.3. УКРАИНИЗАЦИЯ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ КРАЕ РСФСР (1923–1932 ГГ.): ЗАМЫСЛЫ, РЕАКЦИЯ СООБЩЕСТВА, РЕЗУЛЬТАТЫ

Этнополитика «позитивной дискриминации» («коренизации»), проводившаяся РКП(б) в 1923–1932 гг., в том числе, предусматривала повышение статуса и формирование идентичности этнических меньшинств, «перекодирование» полиэтничных сообществ. Одним из вариантов такой стратегии, наряду с «белорусизацией», «татаризацией» и т.д., была «украинизация» в Северо-Кавказском и Нижне-Волжском краях, Центрально-Чернозёмной области. В современных условиях превратно толкуемые исторические факты используются органами власти Украины для распространения мифа об «украинстве» ряда регионов России. Вопросы языковой, исторической, музейной, символической политики в регионах русско-украинских социокультурных контактов актуальны для укрепления единства российской нации.

Цель данного параграфа – определить замыслы украинизации в Северо-Кавказском крае РСФСР, реакцию полиэтничного сообщества макрорегиона на реформы и результаты данного курса.

Территориальные рамки охватывают собой Северо-Кавказский край, с лета 1924 по начало 1934 гг. включавший в себя территорию дореволюционных Донской, Кубанской и Терской областей, Ставропольской и Черноморской губерний, – пространство русско-украинского социокультурного синтеза. Поскольку

автохтонные этнические группы Северного Кавказа составляли небольшую долю населения края, мы используем понятия «Северо-Кавказский край» и «Юг России» как синонимы.

Исследование выполнено в рамках конструктивистской парадигмы этноисторических исследований, обоснованной Ф. Бартом¹, Э. Хобсбаумом², Р. Брубейкером³ и др. Конструктивизм даёт возможность переосмыслить проявления этничности в исторических феноменах в качестве целенаправленно формируемого властными элитами коллективного самосознания, структурирования сложного по строению общества на основе однозначных, категоричных представлений о «национальностях». Конструктивизм позволяет определить, на основе каких совместных форм деятельности и маркеров идентичности люди вырабатывают представления о своей этничности, соотносят себя с этническими группами. Особенно полезен конструктивизм для осмысления этнических процессов в контактных ареалах, полиэтничных региональных сообществах, к которым относился в 1920-х – начале 1930-х гг. Северо-Кавказский край.

Источниковую основу составили документы, хранящиеся в Центре документации новейшей истории Краснодарского края, Государственном архиве Ростовской области, а также материалы Всесоюзных переписей населения 1926 и 1939 гг. Представляют интерес резолюции руководящих партийных органов РКП(б)–ВКП(б), перспективные планы украинизации, протоколы заседаний украинских коммунистических секций при партийных комитетах окружного и краевого уровней, стенограмма конференции по вопросам советского строительства среди национальных меньшинств края, материалы обследований хода украинизации на местах и отчёты партийных и советских служащих о проверке местной работы, доклады органов ОГПУ. Обозначенная совокупность источников даёт возможность достаточно полно

¹ Barth F. Introduction // Barth F. (ed.). *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Cultural Difference*. Long Grove, 1969. P. 9-38.

² Hobsbaum E. *Nations and Nationalism Since 1780*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. <https://doi.org/10.1017/CCOL0521439612>

³ Brubaker R. *Ethnicity Without Groups*. Harvard, 2006.

реконструировать цели и ход выполнения украинизации на региональном и местном уровнях.

Степень научной разработанности проблемы следующая. Основные специальные работы об украинизации в Северо-Кавказском крае созданы, начиная с середины 1990-х гг., когда отпали идеологические ограничения. Первые исследователи темы (М.В. Мирук¹, О.В. Бершадская², В.А. Матвеев³, А.В. Баранов⁴ издали краткие обобщающие статьи. Системное исследование украинизации в СССР провела Е.Ю. Борисёнок, но в её монографии реформы в Северо-Кавказском крае упоминаются бегло⁵. Значительное внимание демографическим процессам среди украинцев на Кубани уделили В.Н. Ракачёв и Я.В. Ракачёва⁶, Ф.Д. Климчук⁷. Украинизация школьного образования исследована в диссертации О.В. Алдакимовой⁸. Видный литературовед В.К. Чумаченко осветил историю создания и деятельности Северо-Кавказского украинского

¹ Мирук М.В. Кубанское казачество и украинизация Кубани: опыт и уроки (1921–1932 гг.) // Кубанское казачество: три века исторического пути: материалы междунар. науч.-практ. конф. (23–27 сент. 1996 г., ст. Полтавская). Краснодар, 1996. С. 172–175.

² Бершадская О.В. Осуществление политики украинизации на Кубани в период 1925–1932 гг. // Вторые Кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2000. С. 121–124.

³ Матвеев В.А. От Карпат до Кавказских гор? // Родина. 2001. № 8. С. 20–23.

⁴ Баранов А.В. География расселения казачества на Юге России в 1920-х гг. // Учёные записки Донск. юрид. ин-та. Ростов н/Д, 2001. Т. 16. С. 123–134.

⁵ Борисёнок Е.Ю. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М., 2006.

⁶ Ракачёв В.Н., Ракачёва Я.В. Народонаселение Кубани в XX веке: историко-демографическое исследование: в 4 т. Т. 1: 1900–1920-е гг. Краснодар, 2005.

⁷ Климчук Ф.Д. Расселение этнических украинцев на юге и юго-западе России (по материалам переписи 1926 г.) // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2008. Вып. 3. С. 257–285.

⁸ Алдакимова О.В. Украинизация школьного образования на Кубани в период с 1921 по 1932 гг.: дис. ... канд. пед. наук. Сочи, 2004.

научно-исследовательского института¹. Для историографии до 2014 г. характерны исследования темы преимущественно на материалах Кубано-Черноморья. Исключением стали концептуально ёмкие статьи Т.П. Хлыниной², а также А.П. Скорика и В.А. Бондарева³. Качественное расширение источниковой базы исследований обеспечил И.Г. Иванцов, изучивший документы комиссий партийного контроля РКП(б)–ВКП(б)⁴. С.Я. Суций установил тенденции демографических изменений украинского сообщества на Юге России, но его работа строится только на статистических данных без учёта кардинальной ломки этнической идентичности в 1917–1932 гг.⁵ В.З. Акопян сосредоточил внимание на малоизученных аспектах: сравнении причин украинизации Юга России и УССР⁶, создании украинской национальной секции при Северо-Кавказском крайкоме РКП(б)⁷, украинизации как проекте, направленном против казачьей сословности⁸.

¹ Чумаченко В.К. К истории Северо-Кавказского украинского научно-исследовательского института в Краснодаре // История регионального научного сообщества: проблемы изучения. Краснодар, 2007. С. 87-89.

² Хлынина Т.П. Украинизация Северо-Кавказского края: замыслы и воплощение // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар; Киев, 2006. Вып. 1. С. 39-49.

³ Скорик А.П., Бондарев В.А. Украинизация на Юге России как национально-политическая кампания: осуществление и ликвидация (1920-е – начало 1930-х гг.) // История в подробностях. 2013. № 10 (40). С. 62-71.

⁴ Иванцов И.Г. Украинизация Кубани в документах комиссий внутрипартийного контроля ВКП(б). 1920-е – начало 1930-х гг. Краснодар, 2009.

⁵ Суций С.Я. Украинцы Юга России: демографическая история одного регионального сообщества. Ростов н/Д, 2013.

⁶ Акопян В.З. Общее и особенное в причинах украинизации на Юге России и Украине // Украинцы Юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития: материалы междунар. науч. конф. (г. Ростов н/Д, 3–4 октября 2013 г.). Ростов н/Д, 2013. С. 167-173.

⁷ Акопян В.З. К истории создания национальных украинских секций при Северо-Кавказском краевом комитете ВКП(б) // Клио. СПб., 2013. № 6 (78). С. 68–73.

⁸ Акопян В.З. Украинизация как способ преодоления казачьей сословности на Кубани в 20–30-е годы XX века // Вестник Пятигорск. гос. лингвист. ун-та. 2013. № 1. С. 271–275.

Новый этап развития историографии проблемы начался в 2014 г. Приход к власти на Украине радикальных антироссийских элит привёл к политизации темы, вызвал повышенный интерес к исследованиям и рост в них полемической компоненты. Характерны в этом контексте работы Е.Ю. Борисёнок о формировании концепта «украинизация»¹ и попытках сконструировать в 1920-х гг. «кубанский язык»². К.С. Дроздов выяснил влияние украинизации в РСФСР на изменения самосознания украинцев³. Т.П. Хлынина, А.В. Баранов и И.Ю. Васильев провели системный анализ украинизации на Кубани⁴. Внимание привлекает сравнительный анализ украинизации в различных регионах (статьи К.С. Дроздова⁵ и А.В. Аверьянова⁶). Повысился интерес к вопросам

¹ Борисёнок Е.Ю. Украинизация: возникновение и распространение понятия (первая четверть XX в.) // Славянский альманах. 2020. № 1–2. С. 228–248.

² Борисёнок Е.Ю. А.В. Луначарский и «кубанский язык»: интриги советской украинизации 1920-х годов // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 3-4. С. 37-52.

³ Дроздов К.С. Политика украинизации в РСФСР в 1922–1932 гг. и развитие национального самосознания украинцев России // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI междунар. науч. конф. (г. Киев, 10-12 октября 2013 г.). М., 2014. С. 86-95.

⁴ Хлынина Т.П., Васильев И.Ю. Украинизация на Кубани: замыслы, воплощение, итоги // Белоруссия и Украина: история и культура. Сб. статей. М., 2015. Вып. 5. С. 373-384; Васильев И.Ю. Украинский национализм, украинизация и украинское культурное движение на Кубани (вторая половина XIX – начало XXI века). М., 2014; Баранов А.В., Васильев И.Ю. Причины провала украинизации на Кубани в годы Гражданской войны и нэпа // Клио. СПб., 2015. № 6. С. 61-67.

⁵ Дроздов К.С. Советская украинизация 1920–1930-х гг. на Кубани и в Центральном Черноземье: общее и особенное // Украинцы Юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития: материалы международной научной конференции (г. Ростов н/Д, 3–4 октября 2013 г.). Ростов н/Д, 2013. С. 202-208.

⁶ Аверьянов А.В. Политика украинизации на Юге России в 1920-е – начале 1930-х годов: некоторые сравнительные аспекты // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Обществ. науки. Ростов н/Д, 2020. № 2 (206). С. 13-21.

языковой политики, классификации говоров и диалектов (К.С. Дроздов¹).

Зарубежные историки также уделяют внимание украинизации регионов РСФСР 1920-х – начала 1930-х гг. Значительное место украинизация занимает в концепции «империи положительного действия» Т. Мартина², который отмечает важное значение украинизации для внешней и федеративной политики СССР, её противоречивые последствия. Словацкий историк И. Залевский даёт оценку украинизации в ракурсе языковых процессов и утраты кубанским казачеством качеств субэтноса³.

В украинской историографии можно выделить работы Д.Д. Белого⁴, С.В. Кульчицкого⁵, В.С. Майстренко и О.В. Корнева⁶, Н. Горишной⁷, Ю.С. Готковой⁸. Для них характерны искажения фактов на основе доктрины «советского империализма», рассуждения о принудительной русификации Северо-Кавказского края и Центрального Черноземья. Эти черты исследований усилились с 2014 г. под давлением государственной политики и публицистики.

¹ Дроздов К.С. Украинский язык и особенности его преподавания в школах РСФСР в период проведения политики украинизации в 1920–1930-е гг. // Славянский альманах. 2017. № 3-4. С. 294-314.

² Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.

³ Zalewski J. Опыт категоризации говора кубанских казаков: постановка проблемы // Humanum. Międzynarodowe Studia Społeczno-Humanistyczne. Warszawa, 2013. № 11 (2). С. 285-294.

⁴ Білий Д.Д. Малиновий клин (Нариси з історії українського населення Кубані). Київ, 1994.

⁵ Кульчицкий С.В. Курс – украинизация // Родина. 1999. № 8. С. 108–110.

⁶ Майстренко В.С., Корнев О.В. Антиукраїнський терор після декларованої «українізації»: чому? [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravoslavyya.sumy.ua/readarticle.php?article_id=54 (дата обращения: 31.08.2021).

⁷ Горишна Н. Большевистский эксперимент общественной модернизации – политика «украинизации» сельского и городского социума // Схід. Маріуполь, 2014. № 3 (129). С. 16-21.

⁸ Готкова Ю.С. Украинизация государственно-административного аппарата в Северо-Кавказском крае (1923–1932 гг.) // Гилея: научный вестник. Киев, 2015. № 97. С. 45-50.

Итак, сложились научные традиции исследования украинизации 1923–1932 гг. в РСФСР, развиваются такие направления, как анализ целей партийно-государственного курса, украинизации аппарата власти, образовательной и языковой политики, сравнительного анализа процессов в округах Северо-Кавказского края. Но тема становится всё более политизированной, ряд выводов (о наличии целостной и прочной украинской идентичности части населения Юга России, о негативном и насильственном характере прекращения реформ), на наш взгляд, не обоснован и требует проверки.

Новизна исследования – во введении в научный оборот документов национальных секций при окружных и краевом комитетах РКП(б), материалов конференции по вопросам работы по советскому строительству среди национальных меньшинств Северо-Кавказского края 21 декабря 1928 г.

Следует учесть, что украинизация как целенаправленная политика проводилась небольшевицкими правительствами на Украине, а также Кубанской краевой Радой в 1918 – начале 1920 гг.¹ Поэтому большевистской партии следовало противопоставить «петлюровской», буржуазно-националистической программе нацистроительства свою стратегию преодоления имперского, «шовинистического» наследия, строительства социалистической Украины на основе признания украинцев отдельной от русских нацией со своей идентичностью, историей, языком. Это означало, как признаёт Т. Мартин, неизбежную дискриминацию русских, категоричное разделение великороссов и украинцев². СССР должна была стать плацдармом мировой революции на границах Польши, её следовало сделать индустриализированной и создать политически лояльный аппарат управления, что требовало уступок в пользу украинской интеллигенции. Украинизация регионов РСФСР с полиэтничным населением соответствовала логике «империи навыворот», повышавшей статус этнических меньшинств

¹ Сивков С.М. К вопросу об украинизации на Кубани в период с 1917 по 1922 гг. // Украинцы Юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития: материалы междунар. науч. конф. (г. Ростов н/Д, 3–4 окт. 2013 г.). Ростов н/Д, 2013. С. 246-250.

² Мартин Т. Указ. соч. С. 42.

ради их лояльности властям и проводившей «положительную дискриминацию» русских. Данная стратегия обоснована в резолюции XII съезда РКП(б) «По национальному вопросу» (апрель 1923 г.)¹, усмотревшей главную угрозу в «великодержавном шовинизме».

К.С. Дроздов обратил внимание на важный документ, подготовивший введение украинизации, – докладную записку украинского центрального бюро (УЦБ) Совета по просвещению нацменьшинств Наркомпроса РСФСР «О необходимости организации и усиления партработы среди украинского населения России» в Агитационно-пропагандистский отдел ЦК РКП(б) от 5 февраля 1923 г.² Автор записки – заведующий УЦБ В.А. Гадзинский предлагал создать при областных партийных комитетах украинские секции, руководящие партийной и просветительной работой; качественно увеличить число партийных газет и брошюр для украинского населения РСФСР; направлять на работу в местности проживания украинцев партийных, советских и хозяйственных работников со знанием украинского языка. Его инициативы нашли поддержку ЦК³. Для правящей партии было важно обеспечить идеологический контроль над стихийно начавшейся усилиями местной интеллигенции украинизацией. Осенью 1924 г. принимается курс «Лицом к деревне», и поскольку украинцы на Юге России на 88,6% были сельскими жителями⁴, поощрение их интересов помогало укрепить союз рабочего класса с трудовым крестьянством.

¹ По национальному вопросу: резолюция XII съезда РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., испр. и доп. М., 1984. Т. 3. С. 79-88.

² Дроздов К.С. Украинизация в РСФСР и концепция империи «положительной деятельности» Терри Мартина (К вопросу осуществления советской национальной политики на русско-украинском пограничье в 1923–1933 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Т. 3. Вып. 7(15). URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000188-5-2/> (дата обращения: 31.08.2021).

³ Там же.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. Северо-Кавказский край. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=807 (дата обращения: 31.08.2021).

Несмотря на наличие с весны 1923 г. директив ЦК РКП(б), мы встречаем в тезисах «Итоги работы по украинскому просветительному делу в Кубанском округе» (1927 г.) признание: работа началась осенью 1923 г., в особенности – со времени районирования (создания Северо-Кавказского края и входивших в его состав округов) летом 1924 г.¹ Украинские секции при подотделах национальных меньшинств Агитационно-пропагандистских отделов (АПО) окружных и районных комитетов РКП(б) начали создаваться в январе 1925 г., а секция при Северо-Кавказском крайкоме РКП(б) была организована лишь 6 апреля 1925 г.² Её председателем стал Чапала, заместителем председателя – Коморник; избран состав бюро краевой секции – 4 чел. и определена периодичность заседаний – 2 раза в месяц. В г. Краснодаре 4 апреля 1925 г. было проведено I краевое совещание секретарей украинских секций окружкомов РКП(б). Руководил его работой заведующий подотделом национальных меньшинств АПО Северо-Кавказского крайкома РКП(б) Блехер³.

План работы Украинской секции при крайкоме РКП(б) на апрель – август 1925 г. предусматривал организационные и агитационно-пропагандистские меры. В том числе: ввести в штат райкомов партии штатных инструкторов-украинцев либо русских, знающих украинский язык; выделить места для представительства украинцев в станичных Советах; наладить регулярное взаимодействие краевой секции с окружными и районными; разгрузить секретарей украинских секций от других партийных обязанностей; провести статистический учёт всего украинского населения, а также партийных и советских работников-украинцев; организовать при хатах-читальнях кружки украиноведения; образовать украинские секции при окружных и городских клубах национальных меньшинств; создать украинские отделения и уголки при библиотеках; обеспечить снабжение библиотек и хат-читален коммунистической литературой через Ростовское отделение

¹ Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 8. Оп. 1. Д. 410. Л. 13.

² Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 12. Оп. 1. Д. 56. Л. 1.

³ Там же. Л. 5-6, 85.

Укргосиздата; наладить сеть пунктов ликвидации неграмотности на украинском языке. Подчёркивалось, что изучение истории Украины должно вестись «в духе революционной борьбы», противопоставляться петлюровскому национал-шовинистическому движению¹. Сохранилась программа занятий членов Армавирской секции окружного комитета РКП(б) по украиноведению за 1925 г. Она достаточно грамотно составлена, включая в себя занятия: 1) об истории революционного движения на Украине, современном политическом и экономическом положении УССР; 2) об истории населения, административном делении, экономике Кубани (включая Армавирский округ); 3) о нормах Конституции СССР по национальному вопросу. Предполагалось заслушивать доклады подотдела национальных меньшинств крайОНО, совета профсоюзов, клуба «Нацмен», направлять представителей украинских партсекций в станицы для лекций и бесед². Летом 1925 г. открыты Украинское отделение советско-партийной школы в г. Краснодаре и такое же отделение Краснодарского педагогического техникума.

Северо-Кавказский крайком ВКП(б) в декабре 1928 г. принял план украинизации партийного и советского аппарата управления в 37 сельских районах, требовавший обеспечить переподготовку местных советских работников и милиционеров, перевод делопроизводства на украинский язык³. Был создан Полтавский украинский национальный район и ряд станичных Советов. Успешно развивалась и реформа образования. Согласно справке Северо-Кавказского крайОНО для Наркомпроса РСФСР, к лету 1932 г. на украинский язык перешли 1609 школ 1-й ступени и 259 школ 2-й ступени в крае. Соответственно, в школах 1-й ступени учились 221 453 чел., 2-й ступени – 42 148 чел; преподавали – 558 и 1 552 чел.⁴

Многие местные партийные и советские руководители недопонимали смысл украинизации и не проявляли усилий по её

¹ Там же. Л. 25–42.

² Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 12. Оп. 1. Д. 56. Л. 2–3.

³ Дроздов К.С. Политика украинизации в РСФСР... С. 89.

⁴ Алдакимова О.В. Украинизация школьного образования на Кубани в период с 1921 по 1932 гг.: дис. ... канд. пед. наук. Сочи, 2004. С. 161.

развитию. Так, АПО Майкопского окружкома РКП(б) в справке Майкопскому окружному отделу ОГПУ (1925 г.) не указывал украинцев в числе национальных меньшинств¹, а Черноморское окружное земельное управление рассчитало в 1928 г. сведения о землепользовании русских и украинцев в качестве единой учётной категории². Посещаемость заседаний украинских партсекций слаба. Секретарь Армавирской окружной секции А.А. Лысогор докладывал на краевом совещании 3 апреля 1925 г., что иногда партработники смотрят на украинскую культуру как «отмирающее явление», заявляют, что «наши украинцы уже обрусели... Ещё есть украинское население, которое в своей массе считает свой язык некультурным, свидетельствующим о невежестве»³. Заведующий Украинским педагогическим техникумом Миненко жаловался на недружелюбие, препятствия работе на украинском языке со стороны властей Кубанского округа⁴. На заседании бюро Армавирской окружной секции 9 октября 1925 г. Пинчук заявил: «некоторые члены партии смотрят на национальную работу с шовинистической точки зрения и иногда враждебно относятся к украинизации, говоря, что она не нужна, несмотря на то, что некоторые [так считающие, – А.Б.] по национальности украинцы»⁵. Краевая украинская секция потребовала от местных секций уделить особое внимание притеснениям украинцев государственным аппаратом и национальному антагонизму, «если таковой возникнет»⁶.

Состояние статистики этнического состава населения подтверждает эти противоречия. Так, на краевом совещании 4 апреля 1925 г. Блехер назвал численность украинцев в Северо-Кавказском крае – до 1,5 млн чел. (18% всего населения)⁷. Но Всесоюзная

¹ Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 130. Л. 1–2.

² Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 9. Оп. 1. Д. 878. Л. 1–2.

³ Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 12. Оп. 1. Д. 56. Л. 77.

⁴ Там же. Л. 89 об.

⁵ Там же. Л. 29–29 об.

⁶ Там же. Л. 71.

⁷ Там же. Л. 89.

перепись населения (декабрь 1926 г.) дала число украинцев края 3106,9 тыс. чел. (37,1%)¹. Такие различия объяснимы тем, что критерии определения «национальности» резко изменились. Сначала Центральное статистическое управление СССР брало за основу самооценку граждан, а при переписи – национальную принадлежность родителей индивида. Двойная, переходная самооценка при переписи не учитывалась. То есть, конструктивистская оценка этничности заменена на примордиальную. Не получила официального одобрения и идея наркомпроса СССР А.В. Луначарского о поддержке «кубанского языка» (наречия), предпочтительного для местного населения в сравнении с украинским литературным языком². Мнение Луначарского разделяли председатели Кубанской и Армавирской окружных украинских партсекций: «надо приспособиться к кубанскому говору, к понятной речи», а галичанские книги могут только повредить³.

По итогам переписи 1926 г., украинцы составили 71,5% населения Таганрогского округа, 55,1% – Донецкого, 44,0% – Донского, 43,9% – Сальского и 13,1% – Шахтинско-Донецкого округа (в среднем по донским округам – 42,1%); 61,5% жителей Кубанского, 35,7% – Черноморского, 32,9% – Армавирского и 28,6% – Майкопского округа (в среднем по кубанским округам – 46,7%); 33,8% населения Ставропольского и 30,2% – Терского округа, 8,0% – г. Грозного и 5,1% – г. Владикавказа (в среднем по русским местностям Терека – 29,2%)⁴. Итак, наибольший удельный вес украинцев наблюдался в местностях, пространственно близких к УССР и наиболее аграрных.

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. Северо-Кавказский край. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=807 (дата обращения: 31.08.2021).

² Борисёнок Е.Ю. А.В. Луначарский и «кубанский язык»: интриги советской украинизации 1920-х годов... С. 37-52; По национальному вопросу: резолюция XII съезда РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., испр. и доп. М., 1984. Т. 3. С. 79-88.

³ Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 8. Оп. 1. Д. 410. Л. 13-16; Ф. 12. Оп. 1. Д. 56. Л. 77-78.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 года...

Для значительной части (32% жителей Северо-Кавказского края) их самооценка в качестве казаков важнее, чем этническая. Казачья идентичность имела более прочные основания, чем украинская. На Дону и Тереке, в ареале линейного казачества Кубани украинство воспринималось как признак «иногородних», и только в Кубанском и Черноморском округах оно не противоречило казачьему самосознанию.

Население края реагировало на украинизацию противоречиво. В мае 1925 г. председатель украинской секции Армавирского окружкома РКП(б) выявил «антагонизм между украинским и русским учительством» в с. Отрадо-Ольгинском, что отражалось на мнении родительских собраний¹. Казаки и крестьяне рассуждали так: если учить ребенка на украинском языке, он не поступит в среднюю школу, «не сможет быть в русском обществе, он смешон»; мнение учителей: «надо ли украинский язык применять для нашего полуобрусевшего украинца»². В 1927 г. Кубанский окружной отдел народного образования провёл анкетный опрос украинцев в 5 станицах и 1 хуторе (786 чел.). Мнение разделилось поровну: 351 чел. за образование на украинском языке, 350 – на русском, 44 – за изучение обоих языков, 41 чел. не определился. В большей мере поддержали украинское образование казаки, зажиточные слои опрошенных, жители отдалённых от г. Краснодара станиц³.

Местные партийные органы более осторожно подходили к украинизации, чем краевые. Председатель Кубанской окружной украинской партсекции А.А. Лысогор составил в 1927 г. тезисы к совещанию секретарей секций. Он отмечал перегибы как в сторону русского, так украинского шовинизма; категорически не стоит вопрос – заставить русских партработников отказаться от русского языка и культуры, а нужно знание обоих языков;

¹ Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 12. Оп. 1. Д. 56. Л. 15.

² Там же. Л. 77.

³ Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 8. Оп. 1. Д. 410. Л. 34–34 об.

решительно отказаться от навязывания украинского языка, не решать вопрос о языке школьного образования голосованием¹.

Характерна дискуссия на краевой конференции о советском строительстве среди национальных меньшинств Северо-Кавказского края 21 декабря 1928 г. Видные филологи В.Ф. Чистяков и А.В. Миртов подчеркнули диалектное многообразие украинских говоров на Кубани, наличие переходных говоров. Они тяготеют к русскому языку как признаку наиболее сильной культуры. Естественно тяготение молодёжи на Кубани к русскому языку, сложилось двуязычие². Напротив, партийный функционер Пилипенко заклеил термин «общерусский язык» как буржуазный, внушающий «триединую русскую нацию» и русский империализм. Русский язык не выше украинского по развитию. Нет «кубанского языка», а есть разные диалекты украинского языка. Пилипенко задал вопрос: для чего вести украинизацию? По его мнению, получатся украинские районы, затем – область, «а ещё дальше присоединение Кубанской области к Украине. ... Но даже если бы такая аннексия случилась, то в современных условиях никакого несчастья не произошло бы»³.

В условиях коллективизации и роста угрозы войны украинизация оценивалась центральными органами власти всё более сдержанно. Доклад Секретного отдела ОГПУ «Антисоветское движение в деревне» за подписью начальника отдела Т.Д. Дерибаса и начальника 3-го отдела СО ОГПУ Р.И. Аустрина (октябрь 1928 г.) содержал указание: на Кубани есть «тяготение антисоветских элементов на установление связи с антисоветскими элементами Украины и шовинистические лозунги последней прививаются также и кубанскому антисоветскому движению»⁴.

Сделаем выводы. Украинизация в 1923–1932 гг. была составной частью этнополитики «позитивной дискриминации» («коренизации»), принятой РКП(б) в 1923 г. Украинизация ставила целью нациестроительство, повышение этнического и

¹ Там же. Л. 15, 19-22.

² Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 8. Оп. 1. Д. 410. Л. 22-26, 44.

³ Там же. Л. 183, 56-60, 62.

⁴ Советская деревня... Т. 2. С. 817.

политического статуса «украинцев» Юга России, на самом деле бывших в 1920-х гг. рядом сообществ с переходной, русско-украинской идентичностью (самоназвания: «хохлы», «перевертни», «кубанцы» и др.). Украинизация включала в себя задачи распространения в Северо-Кавказском крае, Центрально-Чернозёмной области РСФСР и других макрорегионах украинского литературного языка и его применения в государственном делопроизводстве, формирования украинской идентичности, обеспечения представительства украинцев в партийных и государственных органах власти, общественных организациях.

В Северо-Кавказском крае украинизация реально началась в конце 1924 г. и была распространена постепенно на все округа с преобладанием славянского населения. Население, не возражая против общекультурной работы (ликвидация неграмотности, среднее образование, библиотеки, театр), противилось навязыванию украинского языка как единственного официального, обязательного для делопроизводства и занятия партийных и государственных должностей. Недовольство выражалось внедрением украинского литературного языка («галичанского наречия»), предпочтение жителей оказывалось местным диалектам («кубанскому языку», «балачке»). Реформы встретили сопротивление местных чиновников и населения, были оправданно прекращены в декабре 1932 г. в условиях коллективизации, голода и нараставших социально-экономических проблем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Национальная политика трактуется авторами в качестве целостной совокупности принципов, цели, направлений и мер деятельности органов партийно-государственной власти по управлению этнической сферой общества.

Проявлениями преемственности между этнополитикой поздней Российской империи и Советского государства 1920-х гг. на Юге страны, по нашему мнению, были:

- императив сохранения суверенитета и территориальной целостности государства, преодоления сепаратизма и разобщённости этнических ареалов;

- необходимость преодоления кланово-родовых, патриархальных отношений на периферии региона (в нагорных сообществах) и модернизации;

- объективно сложившиеся экономические взаимосвязи областей и местностей Юга России, делавшие неизбежным их скоординированное развитие в качестве единого общественного организма;

- проецирование геополитических интересов России на Кавказе, Ближнем Востоке и Балканах, для чего Юг России является во все времена естественным плацдармом.

В наибольшей степени данная преемственность проявилась на этапе развития с осени 1924 по 1926 гг., когда СССР отчасти отказался от утопии самоопределения народов, продвигаемой в устройство государства с октября 1917 г. и этнические автономии Северного Кавказа были поставлены под более плотный контроль всесоюзной и региональной власти.

Одновременно проявлялись черты противоположности между Российской империей и Советским государством в курсе этнополитики 1920-х гг., обусловленные различием идеологий и интересов правящих элит:

- приоритет идеологием православной самодержавной монархии в дореволюционной России и космополитичного проекта мировой революции в ранней РСФСР;

- контрастный социальный состав правящих элит и каналы их рекрутирования;

– переход от унитаризма, основанного на компромиссе имперских и местных традиционных элит, к этнизированному федерализму;

– модель «империи навыворот» в Советском государстве 1920-х гг., при которой этническое русское большинство подвергалось «позитивной дискриминации», а этнические меньшинства периферии получали преференции за свою «революционность»;

– курс «коренизации» в автономиях Северного Кавказа и местностях проживания дисперсных этнических групп, предусматривавший квоты этнических меньшинств в партийных, государственных и хозяйственных органах, а также внедрение местных языков в делопроизводство и социокультурное пространство в роли приоритетных средств общения;

– форсированные темпы экономического, социального и культурного развития этнической периферии в сравнении с ядром государства;

– перечисленные параметры раннесоветской этнополитики приводили к параллельному, конкурентному нациестроительству в каждой территориально демаркированной автономии, причём партийно-советские органы стремились соблюсти принцип совмещения этнических границ с административными.

Осмысление реформ состава СССР и РСФСР за 1920-е гг. важно для анализа политико-территориальных процессов в неустойчивой политической системе, а также позволяет выявить истоки нынешних конфликтов. Курс на выравнивание уровней развития и «коренизацию» проявился в создании новых союзных и автономных республик, причём юридическое оформление субъектов федерации предшествовало реальному складыванию этнических групп современного типа. «Коренизация» – это курс политики СССР в 1921–1932 гг. с целью увеличить удельный вес местных народов в органах власти субъектов федерации. Также предпочтение в занятии постов отдавалось лицам, знающим местные языки и традиции. Смена курса на диаметрально противоположный стала частью поворота режима от космополитизма к русской державности (1933–1938 гг.).

Реальная этнополитика большевистского режима на Юге России была, с одной стороны, проекцией идеологической доктрины

(принципы пролетарского интернационализма, экспорта революции, самоопределения и равноправия народов), а с другой стороны, этнополитика была бесконечным лавированием в малоизвестных для новой власти и слабо предсказуемых условиях региона. Региональные руководители большевиков применяли «классовый подход» к оценке экономических и социальных структур Северного Кавказа, но постоянно сталкивались с «неудобными» для марксистского понимания явлениями: кланово-родственными, конфессиональными, патриархальными и т.п. В результате советская система власти решала на Северном Кавказе и в русских областях Юга РСФСР одновременно задачи ранней модернизации и социалистического переустройства.

Этнонационалистические проявления наблюдались как в автономиях, так и в округах с преимущественно русским населением (Дон, Кубань, Терек, Ставрополье). В русском ареале ситуация осложнялась внутриэтническим конфликтом между казачеством и иногородними крестьянами, между сторонниками и противниками украинизации. Партийные и советские органы Северо-Кавказского края постоянно разбирали и улаживали споры между округами и автономиями по вопросам разграничения, землепользования, статуса диаспор, представительства в органах власти, пропорционального финансирования местных бюджетов.

Как показала практика 1920-х гг., такая модель этнополитики поощряла децентрализацию и этнизацию власти на Северном Кавказе. Учитывая острый дефицит финансовых ресурсов, полную аграрность сообществ в автономиях, низкий уровень подготовки кадров управления и грамотности, «коренизация» вела к закреплению у власти формально лояльных в отношении центральной власти, но потенциально националистических региональных элит. В условиях коллективизации и неизбежного приближения Второй мировой войны общегосударственная власть сделала неизбежный выбор (1932–1933 гг.) в пользу централизации и деэтнизации федеративной системы.

Вместе с тем, идеологическое, правовое и организационное наследие этнополитики 1920-х гг. остаётся актуальным, в том числе – на Юге России. Наше полиэтничное общество до сих пор во многом остаётся в плену тех примордиальных,

«коренизаторских» представлений об этнополитике, которые были сформированы большевистской партией именно в 1920-х гг. С другой стороны, востребован опыт статистических и социологических исследований межэтнических отношений, деполитизации (кантонизации) форм местного самоуправления.

Современное состояние исторических исследований проблемы характеризуется преимущественным вниманием к нормативному и институциональному аспектам национальной политики. Сравнительный синхронный анализ этнополитики в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР ещё не проводился. Взаимоотношения органов партийно-государственной власти с полиэтничным населением исследованы фрагментарно, на описательном уровне, без необходимой концептуализации.

Национальная политика партийно-государственной власти в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР на протяжении 1920-х гг. была направлена на конструирование асимметричной этнической федерации, предполагавшей создание автономных образований с широким спектром полномочий и предметов ведения. При этом проводился курс «позитивной дискриминации» в отношении русского этнического большинства, в том числе – коренизация аппарата управления, что было обосновано в резолюциях X и XII съездов РКП(б). Специфика политики в отношении различных этнических групп определялась, прежде всего, позиционированием политически активных слоёв внутри народов во время Гражданской войны, упрощённым делением на «революционеров» и «контрреволюционеров».

В то же время, подавление антисоветских выступлений и стабилизация общества в середине 1920-х гг. потребовали провести реформы административно-территориального устройства, поставившие автономии Северного Кавказа под более плотный и стандартизированный контроль со стороны Северо-Кавказского края (исключением осталась Дагестанская АССР, напрямую подчинённая РСФСР). Вектор централизации власти стал особенно ощутимым в период коллективизации.

Архивные документы достаточно системно характеризуют цели, ресурсы и организационные формы, идеологический курс национальной политики 1920-х гг. Среди важнейших

изученных аспектов данной политики можно выделить выбор статуса автономий и их границ, формирование в автономных областях органов управления, подготовку руководящих кадров и их «коренизацию», землеустройство, государственно-конфессиональные отношения.

Ценность представляют протоколы заседаний бюро и секретариата краевого комитета РКП(б)–ВКП(б). Они содержат сведения, не становившиеся открытыми в партийной пропаганде, в том числе – отчётные и аналитические записки органов государственной власти, информационные сводки и отчёты полпредства ОГПУ по краю. Материалы заседаний пленумов крайкома и краевых партийных конференций интересны другим, – они содержат аргументы, приводившиеся партийными и советскими работниками в открытых дискуссиях. Особое внимание следует уделить документам Национальной комиссии Северо-Кавказского крайкома РКП(б)–ВКП(б), в рамках которой готовились решения краевых партийных и советских выборных органов власти.

Комплекс документов ГАРО полезен благодаря характеристике советского строительства, административно-территориальных реформ, состояния кадровой политики, образования и культуры в автономиях. Интересны периодические отчёты областных исполкомов Советов в крайисполком, содержащие сведения о землеустройстве, партийно-государственном аппарате, итогах местных выборов. Важны материалы краевого Национального совета при крайисполкоме, решавшего задачи борьбы с неграмотностью, реформ в области культуры и образования.

Документы партийных и государственных органов власти 1920-х гг. отражают противоречия идеологического дискурса: элементы доктрины мировой революции, риторика равноправия и дружбы народов, классовый подход причудливо сочетаются в них с прагматичными оценками состояния межэтнических отношений и конфессиональной обстановки.

Информационные сводки и обзоры органов государственной безопасности являются ценным источником по истории реализации партийно-государственной национальной политики в Северо-Кавказском крае 1920-х гг. Их содержание, структура и нормативные правила оформления стандартизировались к середине

1920-х гг. Информационные сводки и обзоры Полномочного представительства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю дают разносторонние и достаточно объективные сведения о масштабах, лозунгах и формах антисоветских вооружённых выступлений, о политических настроениях различных социальных групп и слоёв полиэтнического населения. Кроме сведений, представлявших основное назначение создания сводок и обзоров, они содержат немало ценной информации об условиях развития межэтнических отношений, экономическом положении местностей, этнических и религиозных традициях населения, влиянии национализма на партийный и государственный аппарат власти, межэтнических и межсословных конфликтах. Изученные источники, перепроверяемые по другим видам, раскрывают степень осведомлённости органов государственной безопасности о состоянии этнических проблем и их рекомендации органам партийно-государственной власти в сфере национальной политики.

Развитие демографических процессов изучено в системе показателей естественного и механического роста населения. Имея наивысший в России коэффициент естественного прироста к 1917 г., Юг России подвергся особо разрушительной депопуляции из-за затяжных войн и политики военного коммунизма. Превышение смертности над рождаемостью в крае дольше, чем по стране (до 1923 г.), было вызвано массовым голодом. Восстановление довоенных пропорций рождаемости и смертности отмечено в 1923–1928 гг. благодаря росту уровня жизни и стабилизации общественной жизни на основе нэпа.

Изучение тенденций развития демографической структуры Юга России позволяет сделать вывод о постепенном преодолении депопуляции и вынужденных миграций. В условиях нэпа восстановились традиционные черты состава населения – высокий естественный прирост за счет рождаемости в сельской местности, вовлеченность в интенсивные переселенческие потоки крестьян, направленные прежде всего в казачьи области. Государственная демографическая политика 1920-х гг. слабо влияла на общие тенденции народонаселения.

Показатели механического прироста населения выявлены на основе изучения миграций (их размаха, направленности и

интенсивности). Юг России относился к числу основных регионов, принимавших переселенцев. Если в 1920–1922 гг. преобладали вынужденные миграции, вызванные рецидивами Гражданской войны, то в 1923–1929 гг. перемещения уже вызывались хозяйственными запросами граждан. Массовый поток мигрантов направлялся в основном в сельские местности казачьих областей. В условиях нэпа восстановились традиционный состав и строение населения края.

Своеобразие земледельческого населения на Юге России воспроизводилось под сильным влиянием традиций сословности. Системообразующей этносословной группой оставалось казачество. Эта многовековая общность обладала самобытным самосознанием, устойчивыми особенностями культуры и образа жизни. Казаки первой трети XX в. – этносословная группа в составе русской нации, постепенно утратившая свои качества ввиду расслоения и государственной политики. Именно занятость в сфере сельского хозяйства и общинность обусловили совмещение этнического и сословного принципов, способствовали относительной целостности и традиционализму казаков.

Впервые предпринятый анализ языковой ассимиляции украинцев на Юге РСФСР показал высокую степень сходства этнических процессов среди казаков и всего населения края. Выявлены факторы, способствовавшие принятию русского языка казаками украинского происхождения: урбанизация, проживание в неславянской этнической среде, удаленность от территории Украины. Русификация 1920-х гг. носила добровольный характер.

Установлена крайняя неравномерность расселения крымских татар в пределах Крымского полуострова, объяснимая хозяйственной специализацией и преимущественно сельским образом жизни. При этом демографические тенденции развития крымскотатарского сообщества благоприятны, что подтверждается повышением абсолютной численности данной этнической группы. Повысился общественный и политический статус крымских татар, судя по росту их представительства в региональных и местных органах управления.

В целом национальная политика партийно-государственной власти поощряла в 1920-х гг. этническую фрагментацию

восточнославянской общности, конструировала украинскую этничность, была благоприятной для автохтонных народов Северного Кавказа и Крыма. Данные тенденции основывались на перераспределении экономических и социальных ресурсов влияния, ключевым из которых в аграрном обществе была земля.

Этнический аспект взаимоотношений власти и крестьянства Северного Кавказа в условиях нэпа проявлялся в сохранении традиционных норм и практик землепользования, сильном влиянии национальных и религиозных элит на общественные настроения и активность земледельцев. Уравнительная земельная реформа, отмена общинных отношений, формирование сети лояльных власти общественных организаций развивались в автономиях Северного Кавказа с большим трудом, замедленно в сравнении с русскими округами. Политика «коренизации» парадоксально укрепила традиционные институты, что привело к её кризису и постепенному замещению на курс интеграции Северного Кавказа в общегосударственную систему с 1928 г.

Следовательно, уравнительный передел земли подталкивал власть и иногородних бедняков к конфискации основных средств производства у зажиточных хозяйств, а задача достижения равенства оставалась несбыточной в рамках НЭПа.

Итак, землепользование в 1920–1929 гг. сочетало противоречивые черты: сохранение трудовых земельных наделов и общинного землепользования наряду с принудительным изъятием органами власти «земельных излишков» и началом уравнительного землеустройства. Учитывая нерентабельность колхозов и совхозов в 1920-х гг., органы власти, по сути, усиливали землепользование индивидуальных хозяйств иногородних крестьян и горцев за счёт зажиточных слоёв казачества. Внеэкономический, силовой выход из этих противоречий был найден позже, в ходе коллективизации, когда упраздняется земельная община и производится ускоренное создание коллективных хозяйств.

Установлены факторы, определившие особенности начального этапа создания автономий Северного Кавказа. Партийно-государственное руководство должно было решать одновременно задачи восстановления территориальной целостности и интеграции пространства бывшей империи, повысить статус автохтонных

народов путём предоставления им автономий в рамках этнической модели федерализма и «коренизации» аппарата управления, что было сложной и противоречивой стратегией. Факторами, осложнявшими становление автономий, являлись: неурегулированные земельные отношения, память о Кавказской войне, влияние духовенства, низкий уровень грамотности, слабость партийно-государственного аппарата. Сложности процесса на начальном этапе обусловлены экономической и социальной отсталостью региона, сохранением рецидивов Гражданской войны в форме повстанческих выступлений, земельными противоречиями.

Образование автономий в условиях послевоенной разрухи, низкого уровня грамотности, высокой внутриэтнической фрагментации, малочисленности автохтонных народов способствовало преобладанию экономических мотивов районирования над этнотерриториальным. Но создание автономных областей повысило возможности развивать экономику, расширять хозяйственные связи с другими регионами, формировать управленческий аппарат.

Создание национальных автономий в регионе привело к серьезным территориальным изменениям, положив начало разрушению сложившихся в имперский период административных и этнических границ, что привело к осложнению отношений между системой власти и различными народами Северного Кавказа. Территориальные изменения, будучи попыткой урегулировать конфликты, в свою очередь, порождали ряд межэтнических и социальных противоречий.

На начальном этапе нацистроительства особое место занимал «русский вопрос». Славянское население, оставаясь влиятельным фактором на Северном Кавказе и в Крыму, испытывало противоречия в отношениях с автохтонными народами в экономической, политической и религиозной сферах. Создание Горской АССР, Дагестанской АССР и Адыгейской (Черкесской) автономной области шло при сопротивлении органов власти Терской и Кубано-Черноморской областей по вопросам размежевания территории, землепользования и равного представительства народов в общественной жизни. Партийные и советские органы сдерживали центробежные настроения со стороны ряда представителей этнической

интеллигенции и духовенства. Летом 1924 г. органы власти были вынуждены пойти на компромисс с интересами полиэтничного населения в аспектах: уравнительной земельной реформы, соблюдения законности, изъятия оружия, равенства народов, выведения части населенных пунктов с компактным проживанием русских из автономных образований.

Для РКП(б) задачи национально-государственного строительства были подчинены цели укрепления своей власти. Мы установили противоречивость национальной политики 1920-х гг. как средства консолидации лояльных власти групп, создания социальной базы, формирования кадрового потенциала власти. Следствием стало усиление межэтнических конфликтов в регионе по мере перехода к решению задач коллективизации в конце 1920-х гг.

Крымская АССР была образована именно как территориальная автономная республика в составе РСФСР. Учитывая то обстоятельство, что в период Первой мировой войны, Гражданской войны и интервенции на территорию Крымского полуострова последовательно претендовали Турция, Германия, «Украинская держава» П. Скоропадского, а Франция и Англия пытались реализовать здесь собственные политические проекты, образование Крымской АССР в составе Советской России, осуществлённое с соблюдением всех необходимых демократических процедур, приобрело не только важнейшее политико-административное, но и международно-правовое значение. Политические и правовые основания образования Крымской АССР в 1921 г. позволяют отнести её к редкому в РСФСР полиэтничному типу. Коренизация партийно-государственного аппарата, системы образования и СМИ в Крыму также имела специфику, связанную с необходимостью учесть интересы крымскотатарской общности ввиду влияния Турции. Национальная политика в Крыму реализовалась с учётом особенностей этнического состава населения на районном уровне.

Украинизация в 1923–1932 гг. была составной частью этнополитики «позитивной дискриминации» («коренизации»), принятой РКП(б) в 1923 г. Украинизация ставила целью нациестроительство, повышение этнического и политического статуса «украинцев» Юга России, на самом деле бывших в 1920-х гг. рядом

сообществ с переходной, русско-украинской идентичностью (самоназвания: «хохлы», «перевертни», «кубанцы» и др.). Украинизация включала в себя задачи распространения в Северо-Кавказском крае, Центрально-Чернозёмной области РСФСР и других макрорегионах украинского литературного языка и его применения в государственном делопроизводстве, формирования украинской идентичности, обеспечения представительства украинцев в партийных и государственных органах власти, общественных организациях.

В Северо-Кавказском крае украинизация реально началась в конце 1924 г. и была распространена постепенно на все округа с преобладанием славянского населения. Население, не возражая против общекультурной работы (ликвидация неграмотности, среднее образование, библиотеки, театр), противилось навязыванию украинского языка как единственного официального, обязательного для делопроизводства и занятия партийных и государственных должностей. Недовольство выражалось внедрением украинского литературного языка («галичанского наречия»), предпочтение жителей оказывалось местным диалектам («кубанскому языку», «балачке»). Реформы встретили сопротивление местных чиновников и населения, были оправданно прекращены в декабре 1932 г. в условиях коллективизации и военной угрозы.

Таким образом, исследование истории национальной политики 1920-х гг. в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР подтверждает принадлежность данной политики к децентрализаторскому, примордиальному, классово-детерминированному типу. Её основными аспектами были: формирование национально-территориальных автономий, определение их границ (районирование), создание этнической идентичности советско-лояльного типа посредством образовательной политики, агитации и пропаганды. По мере изменения приоритетов партийно-государственной стратегии строительства социализма данная национальная политика утрачивала свою результативность и в 1932–1933 гг. была постепенно заменена на курс рецентрализации власти и дозированное укрепление русского социокультурного ядра СССР.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Архивные материалы

Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО).

Ф. 7. Юго-Восточный (с 1924 г. – Северо-Кавказский) краевой комитет РКП(б) – ВКП(б). Оп. 1. Д. 4, 5, 7, 14, 15, 17, 19, 21, 25, 27, 45, 81а, 93, 95, 100, 104, 109, 110, 111, 113, 114, 131, 137, 142, 150, 153, 184, 188, 196, 200, 208, 228, 235, 242, 243, 244, 246, 248, 262, 264, 277, 280, 281, 289, 313, 323, 324, 334, 340, 370, 378, 385, 389, 393, 399, 401, 403, 405, 407, 413, 433, 434, 436, 440, 458, 460, 466, 467, 468, 475, 479, 491, 498, 504, 505, 510, 512, 551, 552, 559, 560, 564, 565, 593, 595, 604, 605, 606, 607, 621, 622, 630, 635, 645, 657, 658, 659, 661, 670, 677, 680, 681, 682, 685, 687, 689, 690, 692, 693, 695, 696, 697, 699, 701, 702, 703, 707, 708, 710, 713, 715, 716, 717, 719, 720, 722, 723, 724, 725, 729, 730, 731, 732, 735, 736, 737, 738, 740, 741, 745, 746, 747, 751, 752, 758, 760, 769, 770, 771, 779, 781, 784, 785, 787, 790, 791, 801, 805, 807, 820, 828, 830, 831, 832, 834, 835, 836, 837, 839, 840, 842, 843, 854, 858, 860, 864, 866, 867, 869, 870, 874, 881, 882, 883, 888, 892, 896, 897, 904, 906, 907, 912, 919, 922, 925, 927, 928, 931, 934, 940, 949, 970а.

Ф. 12. А.И. Микоян. Оп. 5. Д. 171.

Государственный архив Ростовской области (ГАРО).

Ф. Р-1181. Уполномоченный Народного комиссариата труда РСФСР на Юго-Востоке России. Оп. 1. Д. 335; Оп. 4. Д. 499.

Ф. Р-1185. Управление уполномоченного Народного комиссариата Рабоче-Крестьянской инспекции на Юго-Востоке России (с 1924 г. – Северо-Кавказская краевая Рабоче-Крестьянская инспекция). Оп. 1. Д. 46, 327, 536, 537, 538, 710, 712; Оп. 2. Д. 498, 830.

Ф. Р-1390. Северо-Кавказское краевое земельное управление. Оп. 1. Д. 12, 30, 60, 76, 79, 122, 126, 196, 301, 306, 321, 328, 329, 330, 332, 406, 407, 408, 410, 495, 499, 500, 501, 502; Оп. 5. Д. 19, 630; Оп. 6. Д. 243, 520, 656, 1086.

Ф. Р-1485. Краевой исполнительный комитет Советов Юго-Востока России (с 1924 г. – Северо-Кавказский краевой исполнительный комитет Советов). Оп. 1. Д. 1, 23, 25, 26, 47, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 145, 164, 172, 195, 197, 226, 227, 228, 229, 246, 247, 248, 250, 300, 317, 333, 336, 347, 350, 351, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 396, 397, 398, 399, 400, 406, 409, 412, 413, 414, 416, 532, 533, 534, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 591, 604, 619а.

Ф. Р-1681. Горный отдел Северо-Кавказского краевого совета народного хозяйства. Оп. 1. Д. 16.

Ф. Р-1748. Донской окружной исполнительный комитет Советов. Оп. 1. Д. 334.

Ф. Р-2287. Северо-Кавказский краевой совет профессиональных союзов. Оп. 1. Д. 632, 1034, 2602.

Ф. Р-2443. Северо-Кавказская краевая плановая комиссия. Оп. 1. Д. 374, 1032; Оп. 2. Д. 199; Оп. 2. Т. 1. Д. 105, 517; Оп. 2. Т. 2. Д. 1333.

Ф. Р-3758. Совет Кавказской армии труда (с 1921 г. – Революционный совет армии труда Юго-Востока России, с 1922 г. – Краевой экономический совет Юго-Востока России). Оп. 1. Д. 20, 53, 54, 68, 164, 172, 309, 353, 381, 453, 471, 507, 613; Оп. 2. Д. 8, 53, 55, 56.

Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК)

Ф. 1. Кубано-Черноморский областной комитет РКП(б). Оп. 1. Д. 170, 314, 315, 354а, 356.

Ф. 8. Кубанский окружной комитет РКП(б). Оп. 1. Д. 3, 68, 82, 303, 309, 405, 407, 410, 414.

Ф. 9. Черноморский окружной комитет РКП(б). Оп. 1. Д. 817, 875, 878, 923.

Ф. 12. Армавирский окружной комитет РКП(б). Оп. 1. Д. 5, 27, 54, 56.

Ф. 2816. Майкопский окружной комитет РКП(б). Оп. 1. Д. 130, 382.

Государственный архив Краснодарского края (ГАКК)

Ф. Р-102. Кубано-Черноморский областной отдел управления. Оп. 1. Д. 25, 330, 342.

Государственный архив Республики Крым (ГАРК)

Ф. 1. Крымский обком РКП(б). Оп. 1. Д. 23, 59, 60, 69, 91, 135, 253, 312, 382.

Ф. Р-702. Помощник прокурора республики по наблюдению за органами Крымского политического управления и местами заключения Крымской АССР. Оп. 1. Д. 8, 16.

Ф. Р-1024. Керченский уездный революционный комитет. Оп. 1. Д. 10.

Ф. Р-1108. Верховный суд Крымской АССР. Оп. 1. Д. 7, 8, 9, 10.

Ф. Р-1188. Крымский революционный комитет. Оп. 2. Д. 1; Оп. 3. Д. 65, 70, 72, 93, 217, 218, 224, 230.

Р-1202. Ялтинский уездный революционный комитет. Оп. 2. Д. 8.

Ф. Р-1881. Симферопольская городская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и преступлениями по должности. Оп. 1. Д. 1.

Ф. Р-3285. Части особого назначения Крымской АССР. Оп. 1. Д. 105, 229, 383, 394, 507, 623, 663, 667; Оп. 2. Д. 6, 8, 9, 24, 71а, 91.

Законодательные и делопроизводственные акты, отчёты органов государственной власти

Декреты Советской власти: Сб. документов и материалов / редкол.: Д.И. Антонюк, Ю.А. Ахапкин, И.В. Загоскина. М.: Политиздат, 1983. Т. 11. XII, 467 с.; 1986. Т. 12. XVIII, 428 с.; 1989. Т. 13. XVIII, 572, 1 с.; 1997. Т. XIV. 414 с.; 1999. Т. XV. 432 с.; 2004. Т. 16. 592 с.; 2006. Т. 17. 512 с.; 2009. Т. 18.

Директивы командования фронтов Красной Армии. 1917–1922. В 4 т. Т. 3 (апрель 1920 г.–1922 г.). М.: Воениздат, 1974. 770 с. 1978. Т. 4. 728 с.

Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года. URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/> (дата обращения: 12.10.2021).

Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г.) (с изменениями и дополнениями). URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/red_1925/185477/ (дата обращения: 12.06.2021).

Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена резолюцией II-го Съезда Советов Союза ССР от 31 января 1924 г.). URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1924/> (дата обращения: 12.06.2021).

Конституции Республики Дагестан: советский и постсоветский периоды: Хрестоматия / сост. Д.Ш. Пирбудагова. Махачкала: Изд-во ДГУ, 2017.

Материалы к вопросу о районировании Кавказа. Краснодар: Кубано-Черномор. обл. экон. совещание, 1923. Вып. 1. 82 с.

Отчёт 3-й сессии Центрального исполнительного комитета Горской Социалистической Советской Республики 2-3 октября 1923 г. Владикавказ: ГЦИК, 1923. 15 с.

Протоколы руководящих органов Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР, 1918–1924 гг.: Каталог документов / ред. В.П. Козлов; отв. сост. И.А. Зюзина. М.: РОССПЭН, 2001. 295 с.

Районированный Дагестан (административно-хозяйственное деление ДССР по новому районированию 1929 г.). Махачкала: Орготдел ЦИК ДССР, 1930. 56, XXIV, 114 с.

Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР, издаваемое Народным комиссариатом юстиции. М., 1920–1936.

Собрание узаконений СССР. М., 1923–1939.

Советская политика за 10 лет по национальному вопросу в РСФСР. Систематический сборник действующих актов правительств Союза ССР и РСФСР по делам национальностей РСФСР

(октябрь 1917 – ноябрь 1927 г.) / с предисл. А.С. Киселёва; под общ. ред. Г.К. Клейнера. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. XXXVI, 499 с.

Совещание уполномоченных по работе среди национальных меньшинств при ЦИК'ах автономных республик, областных, краевых и губернских исполнительных комитетов. 1928 г. Стеногр. отчёт. М.: ВЦИК, 1928. 521 с.

Стенографический отчёт 2-й краевой конференции по вопросам культуры и просвещения горских народов Северного Кавказа. От 16 по 23 июня 1925 г. Ростов н/Д: Крайоно, 1926. 306 с.

Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных Советских Социалистических Республик: Сборник документов. 1917–1936 гг.: В 3 т. / ред. кол.: М.П. Георгадзе (гл. ред.) и др.; Ин-т права Акад. наук СССР. М.: Госюриздат, 1959. Т. 1. XXXI, 836 с.; 1960. Т. 2. 615 с.; 1960. Т. 3. 399 с.

Шесть лет национальной политики Советской власти и Наркомнац (вместо отчёта). М.: Отд. печати и информ. НКН, 1924. 228, 1 с.

Документы Коммунистической партии

Двенадцатый съезд РКП(б) (17–22 апреля 1923 г.). Стенографический отчёт. М.: Политиздат, 1968. XXII, 904 с.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. М.: Политиздат, 1983. Т. 2. 1917–1922. 606 с.; 1984. Т. 3. 1922–1925. 494 с.; Т. 4. 1926–1929. 575 с.; Т. 5: 1929–1932. 446 с.

Советское руководство: Переписка: 1928–1941 гг. / сост. А.В. Квашонкин и др. М.: РОССПЭН, 1999. 519 с.

Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б), 1923–1938 гг.: В 3 т. / редкол.: К.М. Андерсон, А.Ю. Ватлин и др. М.: РОССПЭН, 2007. Т. 1. 1923–1926 гг. 958 с.; Т. 2. 1926–1927 гг. 670 с.; Т. 3. 1928–1938 гг. 814 с.

Тайны национальной политики. Четвёртое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9–12 июня 1923 г. Стеногр. отчёт / вступ. ст. Б.Ф. Султанбекова. М.: НПО «ИНСАН», 1992. 293 с.

Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года: Стенографический отчёт. М.: Госполитиздат, 1963. XXIV, 884 с.

ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос: сб. документов / сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2005. Кн. 1. 1918–1933 гг. 782 с.; 2009. Кн. 2. 1933–1945 гг. 1094 с.

Выступления и статьи руководителей Коммунистической партии и государства

Калинин М.И. За эти годы. Л.: Госиздат, 1926. Кн. 1. 379, 14 с.; Кн. 2. 432, 12 с.; 1929. Кн. 3. 456, 9 с.

Калинин М.И. Избранные произведения в 4 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. 1917–1925 гг. 514 с.

Киров С.М. Избранные статьи и речи 1911–1934 гг.). М.: Госполитиздат, 1957. 718 с.

Ленин В.И. К вопросу о национальной политике // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 25. С. 64–72.

Ленин В.И. К вопросу о национальностях, или об «автономизации» // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1964. Т. 45. С. 356–362.

Ленин В.И. К товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 198–199.

Ленин В.И. О Доне и Северном Кавказе: статьи, выступления, резолюции, телеграммы, записки и другие документы / введ. Л.И. Берза, Л.А. Этенко; Парт. архив Рост. обкома КПСС. 2-е доп. изд. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1969. 507 с., 10 л.

Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 25. С. 255–320.

Ленин В.И. Проект постановления о задачах РКП (б) в местностях, населённых восточными народностями // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1963. Т. 41. С. 342–343.

Ленин В.И. Телеграмма Г.К. Орджоникидзе и записка Л.Д. Троцкому // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 175.

Ленин, Советское многонациональное государство, Дагестан / науч. ред. А.Г. Агаев. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1974. 221 с.

Луначарский А.В. Проблемы образования в автономных республиках и областях // Жизнь национальностей. 1924. № 1 (6).

Луначарский А.В. Латинизация русской письменности // Культура и письменность Востока. Баку, 1930. Кн. 6.

Орджоникидзе Г.К. Статьи и речи. В 2 т. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 1. 516 с.

Сталин И.В. Доклад о советской автономии Терской области: выступление на Съезде народов Терской области 17 ноября 1920 г. // Сталин И.В. Соч. М.: ОГИЗ, 1947. Т. 4. С. 399–406.

Сталин И.В. Историческая идеология в СССР в 1920–1950-х гг.: Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений: Сб. документов и материалов. СПб.: Наука-Питер, 2006. Ч. 1. 1920–1930-е гг. 494 с.

Сталин И.В. К постановке национального вопроса // Сталин И.В. Соч. М.: ОГИЗ, 1947. Т. 5. С. 52–59.

Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Сталин И.В. Соч. М.: ОГИЗ, 1946. Т. 2. С. 290–367.

Сталин И.В. Октябрьский переворот и национальный вопрос // Сталин И.В. Соч. М.: ОГИЗ, 1946. Т. 4. С. 155–167.

Сталин И.В. Организация Российской федеративной республики. Беседа с сотрудниками газеты «Правда» // Сталин И.В. Соч. М.: ОГИЗ, 1946. Т. 4. С. 66–73.

Работы местных партийно-советских работников и публицистов

Алиев У. Достижения Соввласти на Северном Кавказе в области национальной политики к 10-летию Октября. Ростов н/Д: Севкавказдат, 1927. 19 с.

Алиев У. Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае: Итоги и перспективы. К предстоящему съезду горских народов. Ростов н/Д: Севкавказкнига; Крайнациздат, 1926. 128 с.

Бройдо Г.И. Наша национальная политика и очередные задачи наркомнаца // Жизнь национальностей. 1923. № 1.

Диманштейн С.М. Проблемы национальной культуры и культурного строительства в национальных республиках // Вестник Коммунистической академии. 1929. Кн. 3.

Ибраимов В. Пять лет Советской власти в Крыму // Весь Крым, 1920–1925 (За пять лет): Юбилейный сборник. Симферополь: Изд-во Крым ЦИКа, 1926. С. I–XIX.

Калмыков Б.Э. Статьи и речи / под ред. и с предисл. Б.Х. Цавкилова. Нальчик: Кабардино-Балкар. кн. изд-во, 1961. 150 с.

М.С. Бюджет Горреспублики // Юго-Восток. Ростов н/Д, 1924. № 3.

Навширанов З. Почему мы стремимся перейти к латинскому алфавиту // Жизнь национальностей. 1924. № 1 (6).

Островский З.Г. Проблема украинизации и белорусизации в РСФСР. Москва: Изд-во «Власть советов» при Президиуме ВЦИК, 1931. 83 с.

Полетаев, Д. На боевом участке национально-культурного строительства: подготовка национальных кадров в Крыму / Д. Полетаев. Симферополь: Крымское гос. изд-во, 1931. 63, 1 с.

Самурский (Эфендиев) Н. Дагестан. М.; Л.: ГИЗ, 1925. 174 с.

Самурский (Эфендиев) Н. Итоги и перспективы Советской власти в Дагестане. К X-й годовщине Октябрьской революции. Махачкала: Отд. печати ДК ВКП (б), 1927. 56 с.

Султан-Галиев М.Х. О положении в Крыму / предисл., подгот. текста и коммент. С.А. Усова // Крымский архив. Симферополь, 1996. № 2. С. 83–97.

Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. 2-е изд. Махачкала: Дагестан. науч.-исслед. ин-т, 1927. 236 с., 16 л.

Траинин И. О племенной автономии // Жизнь национальностей. 1923. № 2.

Хронин В.Н. Административное устройство и план проведения районирования Юго-Востока // Юго-Восток. Ростов н/Д, 1924. № 4.

Статистические материалы

Всесоюзная перепись населения СССР 1926 года: окончательные итоги. М.: Изд-во ЦСУ СССР, 1929. Т. IX. VI, 228 с.; Т. XVII. VI, 111 с.

Дагестан. Факты и цифры о ДАССР / сост. Г. Исакзон, А. Назаревич; под общ. ред. И. Грушина. Махачкала: Газ. «Красный Дагестан», 1929. 218, 3 с.

Национальная политика ВКП(б) в цифрах / Коммунистическая академия; комиссия по изучению национального вопроса. Москва: Изд-во Коммунистической академии, 1930. 328 с.

По автономным областям Северо-Кавказского края и городу Владикавказу: деловой справочник / под общ. ред. И.Е. Аншелес. Владикавказ: Изд-во Общества «Долой неграмотность» и «Компома», 1927. 80, 54 с.

Северный Кавказ после районирования. Итоги и выводы. Ростов н/Д: Изд-во Сев.-Кав. краев. исполн. комитета, 1925. Т. 1. XX, 541 с.

Список народностей Союза Советских Социалистических Республик / сост. под ред. И.И. Зарубина. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1927. 50 с.

Статистический ежегодник 1921 г. М.: Изд-во ЦСУ РСФСР, 1922. Вып. 1. XIX, 372 с.

Статистический справочник по Северо-Кавказскому краю / РСФСР; Северо-Кавказ. краевое стат. упр. Ростов н/Д: Гос. типография Донполиграфбума, 1925. 3, 486 с.

Труды Центрального Статистического Управления. Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. М.: Типогр. моск. СНХ, 1920. Т. 1. Вып. 1. 25 с.; 1921. Вып. 2. 23 с.; 1921. Вып. 3. 19 с.

Сборники документов

Аграрный вопрос и переселение горцев Дагестана на равнину (1920–1995 гг.). Документы и материалы / под ред. А.И. Османова. В 2 т. Махачкала, 2006. Т. 1. 344 с.

Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане. 1917–1921 гг.: Сб. документов и материалов / под ред. Г.-А.Д. Даниялова. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 539 с.

Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.) / сост. и авт. коммент. И.А. Зюзина и др. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 1094 с., 8 л.

Власть и мусульманская религия в Дагестане (ноябрь 1917 – декабрь 1991 г.): Документы и материалы / сост. Г.И. Какагасанов, М.Д. Бутаев, М.М. Амирханов. Махачкала: Ин-т археол. и этнол. Дагест. науч. центра РАН, 2007. 276 с.

Внутренние войска Советской Республики. 1917–1922 гг.: Документы и материалы / ред. комис.: И.К. Яковлев (пред.) и др. М.: Юрид. лит., 1972. 707 с.

Возникновение и укрепление Кабардино-Балкарской областной партийной организации в 1917–1922 гг. (сб. документов и материалов) / под ред. Х.Г. Берикетова. Нальчик: Кабардино-Балкар. кн. изд-во, 1963. 324 с.

Восстановительный период в Северной Осетии 1921–1925 гг.: сб. документов / сост. А.К. Джанаев и др. Орджоникидзе: Сев.-Осетин. кн. изд-во, 1965. 370 с.

Дагестан. К 15-й годовщине Октября. Сб. Махачкала: Даггосиздат, 1932. 94 с.

Документы по истории борьбы за Советскую власть и образование автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922 гг.) / сост. Р.Х. Гугов и др. Нальчик: Эльбрус, 1983. 800 с.

«К очередным задачам Горской республики» / публ. Л.С. Гагаевой // История народов России в исследованиях и документах. М.: ИРИ РАН, 2007. Вып. 2.

Коллективизация и антиколхозные выступления в Дагестане (1927–1940 гг.). Документы и материалы / сост. Г.И. Какагасанов. Махачкала: Юпитер, 2007. 267 с.

Краткий периодический обзор повстанческого движения на территории Северо-Кавказского военного округа по данным к 1-му июля 1922 г., за июнь 1922 г. Ростов н/Д: Штаб Сев.-Кав. Воен. округа, 1922. 24 с.

Краткий периодический обзор повстанческого движения на территории Северо-Кавказского военного округа по данным к 1-му декабря 1922 г.: За ноябрь 1922 г. Ростов н/Д: Штаб Сев.-Кав. Воен. округа, 1922. 12 с.

Культурное строительство в СССР. 1917–1927 гг. Разработка единой государственной политики в области культуры. Документы и материалы / под ред. А.П. Ненарокова. М.: Наука, 1989. 381 с.

Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 года / под ред. А.Н. Яковлева. М.: Междунар. фонд «Демократия», 2003. 912 с.

Мусульманское право на Северном Кавказе в XIX – первой трети XX в.: сборник документов: хрестоматия / сост. В.В. Момотов, Л.Г. Свечникова. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2008. 193 с.

Национальный вопрос на перекрестке мнений, 20-е гг.: Документы и материалы / сост. В.А. Горный и др. М.: Наука, 1992. 268 с.

От вековой отсталости – к социализму. Осуществление ленинской национальной политики в Чечено-Ингушетии (1917–1941 гг.): Сб. документов и материалов / сост. Е.А. Варавина и др. Грозный: Изд-во Чечено-Ингуш. гос. ун-та, 1977. 203 с.

Обычное право, мусульманское право и акты Российского государства на Северном Кавказе (вторая половина XVIII – первая треть XX вв.): хрестоматия / Д.Ю. Шапсугов, Л.Г. Свечникова, М.А. Исмаилов. Ростов н/Д: Изд-во Сев.-Кав. акад. гос. службы, 2008. 495 с.

Органы государственной безопасности и общество: Кабардино-Балкария, 1920–1992: Сб. документов и материалов / сост. и авт. коммент. А.В. Казаков; Федер. служба безопасности России, упр. по КБР, Ин-т гуманитар. исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик Эль-Фа, 2007. 375 с.

Почему горцы Северного Кавказа призываются в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. Ростов н/Д: Изд-во ПУ СКВО, 1927. 16 с.

Политические репрессии в Кабардино-Балкарии в 1918–1930-х годах: (статьи и документы) / гл. ред. В. Хатажуков; науч.

ред. О. Жаиситов. В 6 вып. Нальчик: Кабардино-Балкар. республ. правозащит. центр, 2008. Вып. 2. 39 с.; 2009. Вып. 3. 43 с.; 2010. Вып. 4. 43 с.

Ревкомы Крыма: Сборник документов и материалов / отв. ред. Л.Д. Солодовник. Симферополь: Крым, 1968. 244 с.

Революционные комитеты Терской области в борьбе за восстановление и упрочение Советской власти (октябрь 1919 г. – август 1920 г.): сб. документов и материалов / сост. О.А. Кобахидзе. Сухуми: Алашара, 1971. XL, 431 с.

Революция и национальный вопрос: Документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX веке / под ред. С.М. Диманштейна. М.: Изд-во Ком. Академии, 1930. Т. 3. XXXIX, 467 с.

Реформа в Красной Армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг. / сост. Н.С. Тархова, П.М. Шабардин. В 2 кн. М.; СПб.: Летний сад, 2006. Кн. 1. 720 с.; Кн. 2. 525 с.

Роль Красной Армии в хозяйственном и культурном строительстве на Северном Кавказе и в Дагестане в 1920–1922 гг. Сб. документов и воспоминаний / сост. А.С. Амирханова-Кулиш. Махачкала: Дагест. фил. АН СССР, 1968. 380 с.

«Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): в 10 т. / редкол.: Ю.Л. Дьяков (отв. ред.) и др. М.: ИРИ РАН, 2001. Т. 1. Ч. 1. 490 с.; Т. 1. Ч. 2. 613 с.; Т. 2. 511 с.; Т. 4. Ч. 1. 704 с.; Т. 4. Ч. 2. 487 с.; 2003. Т. 5. 798 с.; 2002. Т. 6. 795 с.

Советская деревня глазами ВЧК – ГПУ – НКВД: 1918 – 1939. Документы и материалы: В 4 т. / под ред. А. Береловича, В.П. Данилова. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1. 1918–1922 гг. 864 с.; Т. 2. 1923–1929 гг. 1168 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. / под ред. В.П. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. 880 с.; 2000. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. 927 с.

Украинизация Кубани. Материалы по истории культуры Кубани. 1920–30 гг. Краснодар, 1991.

Українська мова та література: Програми й методичні поради для курсів перепідготовки радпаруту / Кубанский округ. Комиссия по украинизации; уложив І. Пелипейко. Краснодар: типо-лит. «Севкавполиграфтреста» им. А.А. Лиманского, 1929. 27 с.

ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос / сост.: Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. Москва: РОССПЭН, 2005. Кн. 1: 1918–1933 гг. 782, 1 с.

Периодическая печать

Жизнь национальностей. Орган Наркомнаца РСФСР. М., 1918 – 1922.

Известия Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета. Ростов н/Д, 1925 – 1929.

Известия Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б). Ростов н/Д, 1926 – 1929.

Красный Крым. Орган Крымского революционного комитета, Крымского обкома РКП(б) и Крым ЦИКа. Симферополь, 1921 – 1927.

Ленинский путь. Ежемесячный политико-экономический журнал Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б). Ростов н/Д, 1925 – 1930.

Революция и горец. Политико-экономический, литературно-публицистический и историко-краеведческий ежемесячник. Ростов н/Д, 1928 – 1933.

Северо-Кавказский край. Ростов н/Д, 1924 – 1933.

Юго-Восток: орган Крайэкономсовета Юго-Востока России. Ростов н/Д, 1922 – 1924.

Воспоминания и документы личного происхождения

Микоян А.И. В начале двадцатых ... М.: Политиздат, 1975. 384 с.

Микоян А.И. Так было. М.: Вагриус, 1999. 612 с.

Овеяны знаменем Октября: Сб. очерков, воспоминаний, документов / сост. Б.П. Кияшко, Л.П. Кравцова, Л.Л. Сергиенко. Симферополь: Таврия, 1987. 208 с.

Фомин Ф.Т. Записки старого чекиста. М.: Госполитиздат, 1962. 205 с.

Научная литература

Абдулатипов Р.Г. Федерализм в истории России: в 3 кн. / Р.Г. Абдулатипов, Л.Ф. Болтенкова, Ю.Ф. Яров. М.: Республика, 1992. Кн. 1. 383 с.

Абилов А.А. Борьба Коммунистической партии за осуществление культурной революции в Дагестане. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. 99 с.

Аверьянов А.В. «Восточные народности» Юга России в контексте советской национальной политики 1920–1930-х гг. // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2020. № 2 (102). С. 60–67.

Аверьянов А.В. Вопросы национальной политики на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг.: от национального размежевания к национальной интеграции // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2017. № 4 (92). С. 91–96.

Аверьянов А.В. Иммиграционные коммуны и колхозы на Дону и Кубани в 1920-е гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Пенза, 2019. № 3 (51). С. 30–38.

Аверьянов А.В. К вопросу о формировании общерусской идентичности на Дону и Кубани // Гуманитарные и социально-экономические науки. Ставрополь, 2017. № 5 (96). С. 84–89.

Аверьянов А.В. К вопросу об административно-территориальном устройстве национальных меньшинств в Терском округе Северо-Кавказского края // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 47–52.

Аверьянов А.В. Колонизационно-переселенческая политика в Северо-Кавказском крае в 1920-е годы: этнический аспект // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2019. № 3. С. 21–26.

Аверьянов А.В. Национальная политика на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг. Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во Южного федерал. ун-та, 2020. 308 с.

Аверьянов А.В. Особенности партийного строительства среди дисперсных этносов на Дону, Кубани и в Черноморье в 1920–1930-е гг. // Манускрипт. Тамбов, 2020. Т. 13, № 1. С. 21–25.

Аверьянов А.В. Политика украинизации на Юге России в 1920-е – начале 1930-х годов: некоторые сравнительные аспекты // Изв. высш. учеб. завед. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Ростов н/Д, 2020. № 2. С. 13–21.

Аверьянов А.В. Советское строительство в национальной среде в Северо-Кавказском крае (на примере немецкого населения) // Гуманитарные и юридические исследования. Ставрополь, 2020. № 1. С. 8–15.

Аверьянов А.В. Феномен национальной политики в СССР: особенности становления и развития в 1917–1930-е гг. // Гуманитарные и юридические исследования. Ставрополь, 2019. № 1. С. 8–14.

Аверьянов А.В. Формирование и трансформация механизмов интеграции национальных меньшинств на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг. // Гуманитарные и социально-экономические науки. Ростов-на-Дону, 2018. № 5 (102). С. 90–95.

Авторханов А.Г. Империя Кремля: советский тип колониализма. Вильнюс: АО Изд-во Московского объединения избирателей (ИМОИ), 1990. 240 с.

Агаджанов Ю.Г. Политическая работа Чечено-Ингушской партийной организации в массах (1921–1929 гг.). Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1970. 67 с.

Агаев А.Г. Нажмутдин Самурский. Политический портрет. Махачкала: Дагкнигиздат, 1990. 460 с.

Аграрная политика Коммунистической партии на Дону и Северном Кавказе (1920–1937) / С.М. Смагина, Я.А. Перехов, Н.Г. Цыганаш и др.; отв. ред. С.М. Смагина. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1985. 165 с.

Аджиева З.И. Властные структуры Карачаевской национальной автономии в годы нэпа // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. СПб., 2008. Вып. № 69. С. 11–17.

Административно-территориальное устройство России: история и современность / под общ. ред. А.В. Пыжикова. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2003. 318 с.

Айшаев О.О. Крестьянские восстания на Северном Кавказе в период коллективизации сельского хозяйства // Политические репрессии в Кабардино-Балкарии в 1918–1930-х годах. Статьи и документы. Нальчик: Кабардино-Балкар. республ. правозащитн. центр, 2012. Вып. 5. С. 7–27.

Аккиева С.И. Национально-государственное строительство и образовательная политика на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. // Татьяна Павловна Хлынина: In Memoriam. Сб. статей и материалов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2017. С. 269–283.

Аккиева С.И. Советская модернизация как детерминанта поселенческих и этнодемографических процессов в Кабардино-Балкарии с 1920 по 1940 г. // Общество: философия, история, культура. Краснодар, 2018. № 10. С. 72–77.

Акопян В.З. «Великий перелом» в национально-государственном строительстве на Северном Кавказе // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер.: История. Международные отношения. 2013. Т. 13. Вып. 3. С. 106–111.

Акопян В.З. Государственная конфессиональная политика в отношении лютеранских приходов Северного Кавказа в 1920–1930-е годы // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. Ижевск, 2017. Т. 27, № 4. С. 604–610.

Акопян В.З. Дискуссия по вопросу об административном центре Мясниковского района (1920-е гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. Ставрополь, 2018. № 2. С. 8–16.

Акопян В.З. Из истории автономизации казачьего населения в национальных регионах Северного Кавказа // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Астрахань, 2013. № 1 (34). С. 26–31.

Акопян В.З. Из истории представительства армянского населения Северного Кавказа в местных органах власти в двадцатые годы XX века // Научная мысль Кавказа. 2012. № 4 (72). С. 84–89.

Акопян В.З. К истории создания национальных украинских секций при Северо-Кавказском краевом комитете ВКП(б) // Клио. СПб., 2013. № 6 (78). С. 68–73.

Акопян В.З. Конфессиональная политика центральных и региональных органов власти в отношении еврейских религиозных

организаций на Юге России в 1920-е годы // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. 2016. № 12. С. 213–222.

Акопян В.З. Национально-государственное и административно-территориальное строительство на Северном Кавказе в 20–30 гг. XX в. Пятигорск: Пятигор. гос. лингвист. ун-т, 2009. 95 с.

Акопян В.З. Национальные подразделения во властных структурах Юга России (1920–1930-е гг.). Ростов н/Д: Ростовский гос. ун-т путей сообщения, 2014. 288 с.

Акопян В.З. Образование национальных сельских поселений дисперсных этносов на Юге России в 20–30-е годы XX века. Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2015. 202 с.

Акопян В.З. Образование новых армянских поселений на Дону в 1920–1930-е годы // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. Ижевск, 2016. Т. 26. № 4. С. 122–128.

Акопян В.З. Общее и особенное в причинах украинизации на Юге России и Украине // Украинцы Юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития: материалы междунар. науч. конф. Ростов н/Д, 3–4 окт. 2013 г. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 167–173.

Акопян В.З. Политика украинизации на Ставрополье в 1920–1930 годы: замыслы, осуществление, итоги // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2015. Т. 15. № 2. С. 48–56.

Акопян В.З. Проблема определения официального языка и письменности национальных меньшинств Северного Кавказа в 20–30-е годы XX века // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. Ростов н/Д, 2013. № 1 (173). С. 29–34.

Акопян В.З. Проблемы национальных меньшинств в деятельности комиссии по национальной политике Северо-Кавказского крайкома (1920-е годы) // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2013. № 2. С. 76–79.

Акопян В.З. Северный Кавказ: государственное строительство, экономика и культура. 1920–1940 гг. Ростов н/Д: Изд-во РГУПС, 2010. 170 с.

Акопян В.З. Советская политика «натурализации» ассирийцев путем их землеустройства на Юге России в 1920–1930-е гг. // Проблемы российской цивилизации и методики преподавания истории. 2016. № 8. С. 114–128.

Акопян В.З. Украинизация как способ преодоления казачьей сословности на Кубани в 20–30-е годы XX века // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2013. № 1. С. 271–275.

Акопян В.З. Украиноязычная пресса и издательское дело на Северном Кавказе в период осуществления политики украинизации (1920–30-е гг.) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. СПб., 2014. Т. 4, № 2. С. 224–232.

Акопян В.З. Формирование и деятельность национальных структур в органах народного образования на Северном Кавказе в 1920–30-е гг. // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. Ставрополь, 2014. № 1 (40). С. 101–104.

Албанви А. Под лозунгами Ислама. URL: <https://www.proza.ru/2011/10/30/437> (дата обращения: 01.03.2021).

Алиев А.И. На путях к социализму. Осуществление Коммунистической партией ленинской национальной политики в Дагестане (1920–1925 гг.). Махачкала: Дагест. кн. изд-во, 1974. 171 с.

Алиев У., Городецкий В., Сиюхов С. Адыгея (Адыгейско-Черкесская автономная область). Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. Ростов н/Д: Севкавказ – Крайнациздат, 1927. 184 с.

Алиева С.И.Г. К вопросу о национальной политике большевиков на Кавказе (1917–1920-е гг.) // Современная научная мысль. 2017. № 5. С. 34–43.

Алпатов В.М. 150 языков и политика: 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. 2-е изд., доп. М.: КРАФТ+; Ин-т востоковед. РАН, 2000. 223 с.

Алпатов В.М. Языковая политика в СССР в 20–30-е годы: утопии и реальность // Восток. 1993. № 5. С. 113–127.

Алхастова З.М. Развитие советской политической системы Чечни во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг. //

Общество: философия, история, культура. Краснодар, 2016. № 7. С. 77–80.

Аманжолова Д.А. Историография изучения национальной политики // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М.: АИРО-XX, 1996. С. 308–331.

Амирханова-Кулиш А.С. Красная Армия в социалистическом строительстве на Северном Кавказе в 1920–1923 гг. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1976. 168 с.

Анчабадзе Ю.Д. Политическая культура адыгов: традиционные институты и их эволюция (вторая половина XIX в. – 1920-е гг.). М.: Ин-т этнол. и антропол. РАН, 2012. 340 с.

Анчабадзе Ю.Д. Сельский сход в системе властных отношений в постреволюционном адыгском ауле (1920-е гг.) // Вестник Адыг. гос. ун-та. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. Майкоп, 2011. № 2. С. 92–97.

Аптекарь П.А. Война без края и конца // Родина. 2000. № 1–2. С. 161–166.

Араджиони М.А. Занятия греков Балаклавы и Севастополя. Ремесленники (1890-е – 1930-е гг.) // Греки Балаклавы и Севастополя. М.: Индрик, 2013. С. 161–173.

Араджионі М.А. Греки Криму: історія і сучасне становище (етнокультурна ситуація та проблеми етнополітичного розвитку) / за ред. В.Є. Григор'янця; авт. карт І.Г. Беднарський. Сімферополь: Регіональний філіал Національного інституту стратегічних досліджень в м. Сімферополі, 2005. 92 с.

Арапов Д.Ю. Ислам на Северном Кавказе в 20-е гг. (по материалам ОГПУ) // Ислам и советское государство (1917–1936). Сб. документов. М.: Изд. дом Марджани, 2010. Вып. 2. С. 191–200.

Арляпова Е.С., Пономарёва Е.Г. Трудности становления советской системы хозяйствования в Чечено-Ингушетии // Вопросы истории. 2020. № 2. С. 166-176.

Атаев Р.А. Власть и крестьянство Северного Кавказа в 1920-е гг.: формирование новых социально-политических реалий // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул. 2007. № 4–3 (56). С. 13–16.

Атаев Т.И. Правовые и социально-экономические последствия лишения части карачаевцев избирательных прав на территории Карачая (1926–1936 гг.) // Вестник Адыг. гос. ун-та. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. Майкоп, 2015. № 3 (163). С. 51–58.

Ачмиз К.Г. Навсегда остался в памяти народной: взлёт и падение организатора Адыгейской автономной области Ш.У. Хакурате // Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX – начале XXI в. (к столетию начала Гражданской войны и образования Донской республики): материалы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 19–22 сент. 2018 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. С. 352–358.

Бабич И.Л. Направления миграции северокавказцев из России (1920-1930-е гг.) // Новейшая история России. СПб., 2019. Т. 9, № 1. С. 202-213.

Бабич И.Л. Эволюция правовой культуры адыгов (1860–1990-е годы). М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1999. 238 с.

Баранов А.В. Влияние этнотерриториального районирования 1920-х гг. на русское население Терской области // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 11(61), ч. 1. С. 25–29.

Баранов А.В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1999. 345 с.

Баранов А.В. Особенности новой экономической политики 1920-х гг. на Черноморском побережье России // Изв. Сочин. гос. ун-та. 2014. № 2 (30). С. 161–166.

Баранов А.В. Сравнительный анализ изменений ареала крымских татар в Крыму (1926–2014 гг.) // Клио. СПб., 2018. № 10 (142). С. 98–105.

Баранов А.В. Терское казачество в условиях «расширения» новой экономической политики: изменения этнодемографической структуры и общественного мнения // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения.

2019. Т. 24, № 4. С. 114–123. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.10>.

Баранов А.В. Украинизация в Северо-Кавказском крае РСФСР (1923–1932 гг.): замыслы, реакция сообщества, результаты // Наследие веков: Электронный журнал. Краснодар, 2021. № 3. С. 31–43. DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.002. URL: <http://heritagemagazine.com/index.php/НС/article/view/445/378> (дата обращения: 30.10.2021).

Баранов А.В. Экономическое и социальное развитие Юга России в условиях новой экономической политики 1920-х годов. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2019. 253 с.

Баранов А.В., Васильев И.Ю. Причины провала украинизации на Кубани в годы Гражданской войны и нэпа // Клио. СПб., 2015. № 6. С. 61–67.

Баранов А.В., Касьянов В.В., Яхутль Ю.А. Формирование автономий народов Северо-Западного Кавказа и межэтнические отношения в условиях создания СССР (1920–1924 гг.) // Научный диалог. Екатеринбург, 2021. № 11. С. 282–298. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-11-282-298>

Баранов А.В., Рожков А.Ю. Отношение народов Северного Кавказа к территориальной воинской службе во второй половине 1920-х гг.: сравнительный анализ // Клио. СПб., 2021. № 9. С. 75–82. DOI: 10/51676/2070-9773_2021_09_75

Бахлов И.В. Оформление принципа национальной автономии как основы государственного устройства Советской России // Вестник Мордовского университета. Саранск, 2012. № 3–4. С. 50–55.

Безугольный А.Ю. Народы Кавказа и Красная Армия. 1918–1945 годы. М.: Вече, 2007. 512 с.

Безугольный А.Ю. Призывное законодательство и комплектование Рабоче-Крестьянской Красной Армии представителями нерусских национальностей в 1920-е гг. // Вестник Калмыцкого ин-та гуманитар. исследований РАН. Элиста, 2013. № 3. С. 102–113.

Безугольный А.Ю. Проблема языковой адаптации военнослужащих РККА нерусских национальностей в межвоенный период (1920-е – 1941 гг.) // Вестник РУДН. Серия: История России. 2017. Т. 16. № 3. С. 364–377.

Безугольный А.Ю. Реализация программы национального военного строительства в Дагестане и в горских областях Северного Кавказа в межвоенный период (1920–1930-е гг.) // Вестник Дагестанского научного центра. Махачкала, 2014. № 55. С. 88–94.

Бейтуганов С.Н. Восстание крестьян в Кабардино-Балкарии в 1928–31 годах. Исторический очерк. URL: <http://fondadygi.ru/dmdocuments/Бейтуганов%20С.Н.Восстание%20крестьян%20в%20Кабардино-Балкарии%20в%201928-31%20годах.pdf> (дата обращения: 21.05.2021).

Бекирова, Г.Т. Крым и крымские татары в XIX – XX веках: сб. ст. / Г.Т. Бекирова. М., 2005. 293 с.

Белоглазов Р.Н. Административно-правовое регулирование деятельности сектантских общин в середине 1920-х годов (по материалам Крымской АССР) // Достижения науки и образования. Иваново, 2016. № 5 (6). С. 32–37.

Белоглазов Р.Н. Административно-правовое регулирование деятельности религиозных организаций в Крымской АССР в середине 1920-х гг. // Проблемы науки. Иваново, 2015. № 1 (1). С. 46–51.

Белоглазов Р.Н. Восстановление правового статуса религиозного управления (муфтиата) мусульман в Крымской АССР в начале 1920-х гг. // Проблемы науки. Иваново, 2015. № 1 (1). С. 51–56.

Белоглазов Р.Н. Изъятие церковных ценностей в Крыму в 1922 г. // Арсений Иванович Маркевич: I Таврические международные научные чтения. Симферополь, 2000. С. 31–34.

Белоглазов Р.Н. Нормативно-правовая база функционирования мусульманских конфессиональных школ в Крымской АССР в 1920-е годы // Достижения науки и образования. Иваново, 2016. № 5 (6). С. 28–32.

Белоглазов Р.Н. Осуществление декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в Крыму (1921–1923 гг.) // Крымский архив. Симферополь, 1999. № 5. С. 122–133.

Белоглазов Р.Н. Реализация законодательства о религиозных организациях в Крымской АССР в начале 1920-х годов // Отечественная юриспруденция. 2016. № 5 (7). С. 5–9.

Бершадская О.В. Национальные традиции хозяйственной деятельности как фактор развития черноморской деревни в первой трети XX в. // История: факты и символы. Елец, 2017. № 1(10). С. 88–95.

Бершадская О.В. Осуществление политики украинизации на Кубани в период 1925–1932 гг. // Вторые Кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2000. С. 121–124.

Бершадская, О.В. Социально-экономическое развитие сельских поселений Черноморской губернии (округа) во второй половине XIX – в первой трети XX вв. / О. В. Бершадская. Краснодар: Экоинвест, 2011. 230 с.

Білий Д.Д. Малиновий клин (Нариси з історії українського населення Кубані). Київ: Україна, 1994.

Билый И.А. Казачьи земли. Прага, 1928.

Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М.: Восточная литература РАН, 2002. 368 с.

Боголюбов А.А. Поляки на Северном Кавказе в XIX – XX вв. Пятигорск: Пятигор. гос. лингвист. ун-т, 2014. 323 с.

Борисёнок Е.Ю. А.В. Луначарский и «кубанский язык»: интриги советской украинизации 1920-х годов // Славянский мир в третьем тысячелетии. М., 2020. Т. 15, № 3-4. С. 37-52.

Борисёнок Е.Ю. О понятии «украинизация» // Славяноведение. 2020. № 1. С. 3–15.

Борисёнок Е.Ю. Попытки украинизации вызвали протест народа ... // Родина. 2016. № 7. С. 74–76.

Борисёнок Е.Ю. Украинизация: возникновение и распространение понятия (первая четверть XX в.) // Славянский альманах. 2020. № 1–2. С. 228–248.

Борисёнок Е.Ю. Феномен советской украинизации. М.: Европа, 2006. 256 с.

Боров А.Х. Этнополитическое измерение социально-исторического процесса на Северном Кавказе: опыт Кабардино-Балкарии XX столетия // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2008. № 2. С. 57–67.

Бочкарева А.С., Емтыль З.Я., Хотина Ю.В. Создание национальной письменности как фактор советизации Северного Кавказа

(к истории адыгской интеллигенции) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. Краснодар, 2015. № 111. С. 1533–1548.

Бочкарева А.С., Хотина Ю.В. Национальная адыгская интеллигенция и агитационно-пропагандистская деятельность органов советской власти на территории Кубано-Черноморской области в 20-е гг. XX в. (к проблеме инкорпорации в российское социокультурное пространство) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. Краснодар, 2014. № 100 (06). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-adygskaya-intelligentsiya-i-agitatsionno-propagandistskaya-deyatelnost-organov-sovetskoj-vlasti-na-territorii-kubano> (дата обращения: 13.06.2021).

Брошеван В. Крым. Армянский базар. 1920–1924 гг. Документы и материалы об истории образования, деятельности и ликвидации Армяно-Базарского (Армянского) района. Симферополь, б.м., б.г., 118 с.

Брошеван В.М., Форманчук А.А. Крымская республика: год 1921-й: Краткий исторический очерк. Симферополь: Таврия, 1992. 127 с.

Брошеван В.М., Черная В.Г. Крым в составе Украины. Кн. 1. Крым. 1921–1991 гг. Историко-документальный очерк. Симферополь, б.и., 1999. 110 с.

Бугаев А.М. Образование автономий горских народов Северного Кавказа: этапы становления // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2014. № 12. С. 78–81.

Бугаев А.М. Первый съезд народов Востока и его роль в активизации политической жизни в горских регионах Северного Кавказа // Вестник Академии наук Чеченской Республики. Грозный, 2018. № 1 (38). С. 35–41.

Бугаев А.М. Советская автономия Чечни – Чечено-Ингушетии: Очерки истории становления и развития. Назрань: РОО «Интеллектуальный центр Чеченской Республики», 2012. 89 с.

Бугаев А.М. Установление советской власти на Северном Кавказе и строительство национальной государственности горских народов (март 1920 – апрель 1921 гг.) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. Грозный, 2011. № 2. С. 71–80.

Бугай Н.Ф. 20–40-е годы: депортация населения с территории Европейской России // Отечественная история. 1992. № 4. С. 37–49.

Бугай Н.Ф. Национальная политика в условиях конститутивных революционных преобразований на Юге России, 1918 – начало 1920-х гг.: реальность, итоги // Юг России в условиях революционных потрясений, вооружённых конфликтов и социально-политических кризисов, 1917–2017 гг.: материалы Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 5–6 окт. 2017 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2017. С. 201–207.

Бугай Н.Ф. Северный Кавказ. Государственное строительство и федеративные отношения: прошлое в настоящем. М.; Тула: Гриф и К, 2011. 437 с.

Бугай Н.Ф. Чрезвычайные органы Советской власти: ревкомы. 1918–1921 гг. М.: Наука, 1990. 320 с.

Бугай Н.Ф. Кавказ. Этнические меньшинства: прошлое и настоящее. М.: Гриф и К, 2014. 420 с.

Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). М.: ИНСАН, 1998. 367 с.

Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Северный Кавказ: границы, конфликты, беженцы (документы, факты, комментарии). Ростов н/Д: Ростов. высш. школа МВД России, 1997. 203 с.

Бугай Н.Ф., Мамаев М.И. Кабардино-Балкарская АССР: «Спасение в единении и надежде...»: 1920–1960-е годы. М.: ООО «Аквариус», 2015. 416 с.

Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент». 20-е годы. Майкоп: Меоты, 1994. 424 с.

Булатов Б.Б., Курбанов М.А. Дагестан в 1920–1930-е годы. Махачкала: «РИЗО-ПРЕСС», 2006. 175 с.

Булатов М.-Г.И. Победа колхозного строя в Дагестане. Махачкала: Дагест. кн. изд-во, 1973. 146 с.

Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010. 969 с.

Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 759 с.

Бунегин М.Ф. Революция и гражданская война в Крыму (1917–1920 гг.) / М.Ф. Бунегин. Симферополь: Крымгосиздат, 1927. 336 с.

Българите в Крим / съст.: И. Георгиева, К. Стоилов. София: ИФ-94, 2009. 346 с., 8 л.

Вагабов М.В. Ленинская национальная политика КПСС в многонациональном Дагестане: краткий очерк. М.: Наука, 1982. 248 с.

Васильев И.Ю. Украинизация и коренизация: различие и сходство программ // Исторический формат. М., 2016. № 2 (6). С. 185–194.

Васильев И.Ю. Украинизация vs коренизация. Специфика программы // Модернизация полиэтничного региона и сопредельных государств: опыт, проблемы, сценарии развития: Материалы всерос. науч. конф. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН. 2014. С. 185–190.

Васильев И.Ю. Украинский национализм, украинизация и украинское культурное движение на Кубани (вторая половина XIX – начало XXI века). М.: ИП Бурина А.В. («Традиция»), 2014. 336 с.

Ващенко И.И. Протестное движение на Северном Кавказе в период коллективизации // Вестник Адыг. гос. ун-та. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. Майкоп, 2017. № 3 (204). С. 14–19.

Виноградов Б.В. Российская власть и горский традиционный уклад: очерки взаимодействия в конце XVIII – начале XXI века / Б.В. Виноградов, В.Б. Виноградов, Ю.Ю. Клычников. Славянск-на-Кубани: Изд. центр филиала КубГУ в г. Славянске-на-Кубани, 2012. 224 с.

Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в.: демографические процессы и последствия / под ред. Н.А. Волынчика. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 767 с.

Вопросы партийного руководства по ликвидации национального неравенства народов Карачаево-Черкесии (1917–1941 гг.): Сб. статей / науч. ред. М.М. Бекижев. Черкесск: Карачаево-Черкес. НИИ истории, филологии и экономики, 1984. 164 с.

Габети З.Б. Индустриализация как основной и ведущий фактор экономической и технической модернизации страны в период социалистического строительства в СССР в 20–30-е гг. XX века (на примере Северной Осетии) // Вестник Сев.-Осетин. гос. ун-та имени К.Л. Хетагурова. Владикавказ, 2015. № 3. С. 23–37.

Газизова Е. Национальная культура и образование в контексте этнополитики большевистского режима в Крымской АССР в 1920–1930-х гг. XX века // Українознавство. Київ, 2016. № 2 (59). С. 103–113.

Гакаев Ж.Ж. Очерки политической истории Чечни (XX век): В 2 ч. М.: Изд-во Чечен. культ. центра, 1997. 473 с.

Гапуров Ш.А., Бугаев А.М. К вопросу о некоторых особенностях большевистской революции и Гражданской войны на Северном Кавказе // Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX – начале XXI в. (к столетию начала Гражданской войны и образования Донской республики): материалы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 19–22 сент. 2018 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. С. 110–119.

Гасанов С.М. Осуществление в Дагестане ленинских идей некапиталистического развития ранее отсталых стран и народов. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1970. 209 с.

Геллер М.Я. Союз нерушимый // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. М.: Росс. гос. гуманитар. ун-т, 1997. С. 173–202.

Герандоков М.Х. Культурная революция в национальных регионах: миф или реальность / М.Х. Герандоков, В.З. Герандокова. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 201 с.

Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы, 1917–1923 гг. / РАН, Ин-т рос. истории. М.: Наука, 1995. 231 с.

Гюев М.И. Ленинская аграрная политика в горском ауле. Орджоникидзе: Ир, 1969. 342 с.

Горюнова Е.А. О политических настроениях крымского крестьянства в 1920-е годы // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 1998. № 3. С. 324–327.

Господаренко Н.М. Государственное устройство Крыма, национальный и социальный состав населения полуострова в

1920-е годы // Крымский архив. Симферополь, 2000. № 6. С. 265–270.

Готкова Ю.С. Украинизация государственно-административного аппарата в Северо-Кавказском крае (1923-1932 гг.) // Гиля: научный вестник. Киев, 2015. № 97. С. 45-50.

Григор'янц В.Є. Вірмени Криму: минуле і сьогодення (Проблеми соціо-культурного та етнополітичного розвитку) / Регіональний філіал Національного інституту стратегічних досліджень в м. Сімферополі. Сімферополь: СФ НІСД, 2005. 80 с.

Гросул В.Я. Образование СССР (1917–1924 гг.). М.: ИТРК, 2012. 216 с.

Гурвич Г.С. Принципы автономизма и федерализма в советской системе. М.: Изд-во Социалистической академии, 1924. 75, 1 с.

Гусейнов М.Ш. Выравнивание уровня экономического развития автономных республик и областей Юго-Востока России в составе Северо-Кавказского края (1920–1930-е гг.) // Изв. высш. учеб. завед. Сев.-Кав. регион. Обществ. науки. Ростов н/Д, 2017. № 2 (194). С. 40–45.

Далгатов А.Г., Сулаев И.Х. Борьба против влияния мусульманского духовенства в Дагестане в 1920–1930-е гг. // Вопросы истории. 2010. № 6. С. 77–85.

Данилова Е.Н. Национальные меньшинства и опыт государственного управления национальными делами. 1920–1930-е годы // Этнокультурные процессы в прошлом и настоящем. К юбилею д.и.н., проф. К.И. Козловой. (Сб. науч. статей кафедры этнологии). М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. С. 293–307.

Даниялов А.Д. Строительство социализма в Дагестане 1921–1940 гг. (Узловые проблемы). М.: Наука, 1975. 301 с.

Даниялов А.Д. Строительство социализма в Дагестане, 1918–1937 гг. М.: Наука, 1988. 222 с.

Даудов А.Х. Горская АССР (1921–1924 гг.). Очерки социально-экономической истории. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 1997. 232 с.

Даудов А.Х. Государственное устройство Горской АССР // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2012. № 1. С. 31–41.

Даудов А.Х., Мамышева Е.П. Из истории латинизации национальных алфавитов СССР // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2011. № 2. С. 7–12.

Даудов А.Х., Месхидзе Д.И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа. 1917–1924 гг. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2009. 224 с.

Дементьев Н.Е., Бойко В.В. О формах и нормах крестьянского землепользования в Крыму на протяжении 20-х годов XX века // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2001. № 20. С. 72–75.

Дендиев К.Г., Осмаев А.Д. К вопросу о «коренизации» Чечни в 1920–30-х гг. // Труды Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН. Грозный, 2014. С. 270–277.

Дендиев К.Г., Осмаев А.Д. Политическое развитие Чеченской автономии в первой половине 1920-х годов // Труды Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН. Грозный, 2013. С. 335–341.

Десять лет Советского Крыма. Сборник, посвященный десятилетию советизации Крыма. 1920–1930 / под ред. Козлова, Антоноука, Кудрявцева и др. Симферополь: Крымское государственное изд-во, 1930. 559 с.

Дзамихов Т.К. О политико-правовых основах становления системы национально-территориальных автономий в СССР (на материалах истории народов Северного Кавказа) // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Нальчик, 2014. № 4 (23). С. 77–85.

Дзидзоев В.Д. Национальная политика: уроки опыта. 3-е изд. Владикавказ: Иростон, 2002. 256 с.

Дзидзоев В.Д. Основные этапы межнациональных отношений и национально-государственного строительства на Северном Кавказе (1917–1925 гг.) // Вестник Владикавказ. науч. центра РАН. 2008. Т. 8, № 1. С. 2–9.

Дзидзоев В.Д. От Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР (1917–1924 гг.): начальный этап национально-государственного строительства народов

Северного Кавказа в XX веке. Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского гос. ун-та, 2003. 210 с.

Дзидзоев В.Д. Поиски форм и методов национально-государственного строительства коренных народов Северного Кавказа в 1917–1924 гг. // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. Владикавказ, 2019. № 1. С. 15-20.

Дидигова И.Б. Анализ административно-территориального устройства народов Северного Кавказа в российской историографии с учетом новых реалий и современности // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2015. Т. 7, № 4. С. 22–30.

Доного Х.-М.М. Повстанческое движение в Дагестане и Чечне в 20-х годах XX века // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза: сб. докладов и материалов междунар. науч. конф., Москва, сентябрь 2004 г. М.: Социально-политическая мысль, 2005. С. 270–281.

Дроздов К.С. Украинизация в РСФСР и концепция империи «положительной деятельности» Терри Мартина (к вопросу осуществления советской национальной политики на русско-украинском пограничье в 1923–1933 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Т. 3. Вып. 7 (15). URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000188-5-2/> (дата обращения: 12.09.2021).

Дроздов К.С. Украинский язык и особенности его преподавания в школах РСФСР в период проведения политики украинизации в 1920–1930-е гг. // Славянский альманах. М., 2017. № 3–4. С. 294–314.

Екати Б.П. Большевики Терека – организаторы трудящихся за установление и упрочение Советской власти в Северной Осетии. Орджоникидзе: Ир, 1976. 189 с.

Емтыль (Калашаова) З.Я. Жернова истории. Социально-политическая история адыгов конца XIX в. – 20-х гг. XX в. в очерках и документах. Краснодар: Изд. дом – Юг, 2016. 226 с.

Емтыль З.Я. «Внимание на борьбу с так называемым прогрессивным духовенством...»: Советская власть и мусульманское духовенство Северного Кавказа в 1920-е – начале 1930-х гг. (по

материалам Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2010. № 1. С. 155–163.

Ефименко Г.Г. Форма и реальное содержание «положительной деятельности» советской власти в сфере национальной политики (1919–1938 гг.) // Советские нации и национальная политика в 1920–1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2014. С. 157–164.

Ефимов С.А. Административно-территориальное устройство Крыма в 20–30-х годах XX века: этнические факторы изменений // Историческое наследие Крыма. 2018: сб. статей. Симферополь: ООО «Антиква», 2019. С. 173–181.

Жупикова Е.Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 гг. М.: Новый хронограф, 2016. 422 с.

Задерейчук, И.П. Немцы Крыма – жизнь во благо / И.П. Задерейчук. Симферополь: Медиацентр им. И. Гаспринского, 2019. 462 с.

Замлинский В.А. Осуществление ленинской национальной политики в СССР / В.А. Замлинский, И.Ф. Курас, Л.А. Нагорная. Киев: Вища школа; Изд-во при Киевск. гос. ун-те, 1987. 238 с.

Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. 2-е изд., испр. и доп. Симферополь: Антиква, 2008. 728 с.

Зарубин В.Г. Проект «Украина». Крым в годы смуты (1917–1921 гг.). Харьков: Фолио, 2013. 379 с.

Златопольский Д.Л. Образование и развитие СССР как союзного государства. М.: Госюриздат, 1964. 221 с.

Змерзлый Б.В. Обновленческое движение в Крыму: 1922–1929 гг. // Крымский архив. Симферополь, 1999. № 4. С. 164–177.

Зульпукарова Э.М.-Г. Формирование и деятельность дагестанской интеллигенции. Конец XIX – середина XX века. Махачкала: Юпитер, 2003. 365 с.

Иванцов И.Г. Мова в районном масштабе // Родина. 2008. № 9. С. 77–82.

Иванцов И.Г. Политика органов ВКП(б) по административно-территориальному обустройству немцев на Кубани (20-е – начало 40-х гг. XX в.) (на примере Ванновского национального района) // Вестник Майкоп. гос. технол. ун-та. 2011. № 1. С. 40–45.

Иванцов И.Г. Советские формы «малой автономии». Национальные районы и сельсоветы на Кубани. 1924-1953 гг. (на материалах Кубани и Северного Кавказа). Краснодар: Кавказская типография, 2013. 128 с.

Иванцов И.Г. Советские формы «малой автономии». Национальные районы и сельсоветы на Кубани. 1924–1953 гг. (на материалах Кубани и Северного Кавказа). Краснодар: Альфа-Принт, 2013. 128 с.

Иванцов И.Г. Становление автономии Шапсугского района (1924–1937) // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2013. № 4 (51). С. 80а–84.

Иванцов И.Г. Украинизация Кубани в документах комиссий внутривластного контроля ВКП(б). 1920-е – начало 1930-х гг. Краснодар: [б. и.], 2009. 100 с. 2012. 89 с.

Иголкин А.А. Национальные отношения в районах нефтедобычи в 1920-е годы // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. С. 502–511.

Ислам в Крыму: очерки истории функционирования мусульманских институтов / Е.В. Бойцова, В.Ю. Ганкевич, Э.С. Муратова, З.З. Хайрединова. Симферополь: Элиньо, 2009. 432 с.

История Крыма: Крым в истории, культуре и экономике России: в 2 т. / отв. ред. А.В. Юрасов. М.: Кучково поле, 2017. Т. 2. 789 с., 8 л.

История национально-государственного строительства в СССР. 1917–1966: в 2 т. Т. 1: Национально-государственное строительство в СССР в переходный период от капитализма к социализму (1917–1936 гг.) / отв. ред. Д.А. Чугаев; АН СССР, Ин-т истории. М.: Мысль, 1968. 503 с.

История революционного движения на Тереке: Сб. статей, воспоминаний и материалов. Пятигорск: Б.и., 1924. № 1. 206 с.

История Северной Осетии, XX век / гл. ред. А.С. Дзасохов. М.: Наука, 2003. 632 с., 6 л.

История Чечни с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 2. История Чечни XX и начала XXI веков / рук. М.М. Ибрагимов. Грозный: Кн. изд-во, 2008. Т. 2. 830 с.

Ишин А.В. Антибольшевистские выступления в 1920–25 гг.: причины и характер // История Крыма с древнейших времен до наших дней (в очерках). Изд. 3-е, испр. и доп. Симферополь: Атлас–компакт, 2006. С. 319–328.

Ишин А.В. Военно-стратегическое измерение образования Крымской АССР в 1921 г. // Военно-исторические чтения: материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. 26 февраля – 1 марта 2019 г. Симферополь: Бизнес-Информ, 2019. С. 203–207.

Ишин А.В. Деятельность антибольшевистских организаций в Крыму в 1923–1925 гг. // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2001. № 20. С. 89–93.

Ишин А.В. Из истории вооруженной контрреволюции в Крыму: 1923 год (По архивным материалам частей особого назначения Крыма) // В поисках утраченного единства: Сб. статей. Симферополь: Крымский архив, 2005. С. 62–66.

Ишин А.В. Из истории подпольной контрреволюции в Крыму. Деятельность монархического «Крымского крестьянского объединения» (1923–1924 г.) // Пилигримы Крыма: Сб. науч. статей и материалов. Симферополь: Крымский архив, 2003. Вып. 2 (7). С. 41–50.

Ишин А.В. Из истории политического конфликта в Крыму после 16 ноября 1920 года // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2010. № 183, Т. 2. С. 135–140.

Ишин А.В. Из истории развития вооруженной контрреволюции в Крыму в конце 1921–1922 гг. // Культура народов Причерноморья: Материалы IV науч. чтений. Симферополь, 1998. № 3. С. 336–338.

Ишин А.В. К 90-летию окончания Гражданской войны: из истории повстанческого движения «бело-зеленых» в Крыму: конец 1920 – первая половина 1921 гг. // Черноморский вестник. М.: ООО «Эдэль-М», 2010. № 2 (13), апрель – июнь. С. 60–66.

Ишин А.В. К вопросу об особенностях политического развития Крыма в первой половине 1920-х годов // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2004. № 5. С. 45–57.

Ишин А.В. Контрреволюционное движение в Крыму и борьба с ним в 1921 году // Проблемы материальной и духовной культуры народов Крыма и Северного Причерноморья от античных времен

до наших дней: Материалы I науч. чтений. Симферополь, 1996. С. 47–48.

Ишин А.В. Красный террор в Крыму в 1920–1921 годах и его последствия // Культура народов Причерноморья: Материалы II научных чтений. Симферополь, 1997. № 1. С. 112–113.

Ишин А.В. Национальный фактор в политике РКП(б) в Крыму: 1921 год // Взаимоотношения советской власти и общества при реализации национальной политики 1920-х гг.: историческая реальность, память, наследие: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2021. С. 15–19.

Ишин А.В. Неизвестные страницы Гражданской войны в Крыму: год 1921-й // Крымский архив. Симферополь, 2002. № 8. С. 11–25.

Ишин А.В. Об особенностях социокультурной деструкции в развитии Крыма начала 1920-х годов / А.В. Ишин // Таврійські студії. Історія. 2012. № 2. URL: http://www.nbu.gov.ua/e-journals/tavst/2012_2/pdf/10.pdf.

Ишин А.В. Общественно-политическая ситуация в Крыму накануне образования Крымской АССР (по материалам органов ВЧК) // Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальных интересов России: история и современность: к 80-летию начала Великой Отечественной войны: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Таганрог, 28-29 мая 2021 г.). Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. С. 163–167.

Ишин А.В. Образование Крымской АССР в системе государственного строительства Советской России // Актуальные вопросы истории, историографии и источниковедения Юга России: к 300-летию провозглашения России империей, 100-летию образования Крымской АССР и 80-летию начала Великой Отечественной войны. Материалы регион. науч.-практ. конф. (г. Симферополь, 19 мая 2021 г.). Симферополь: ООО «Изд-во Типография АРИАЛ», 2021. С. 75–79.

Ишин А.В. Организация и деятельность органов советской власти, осуществлявших борьбу с вооруженным антибольшевистским движением на Крымском полуострове в 1920–1922 годах // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 1998. № 3. С. 158–165.

Ишин А.В. Проблемы государственного строительства в Крыму в 1917–1922 годах. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2012. 384 с.

Ишин А.В. Характер и динамика развития вооруженного антибольшевистского движения на Крымском полуострове в конце 1920–1922 годах // Учёные записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Симферополь, 1999. Т. 12 (51). № 1. С. 83–89.

Ишин А.В. Части особого назначения Крымской АССР (1921–1924 гг.) // Общество: философия, история, культура. Краснодар, 2021. № 10 (90). С. 30–35.

Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия/СССР. 1860–1940. М.: Нов. лит. обозр., 2010. 336 с.

Кажаров А.Г. Политика советской власти на Северном Кавказе и образование Горской АССР в 1920–1921 гг. // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. Нальчик, 2015. № 2. С. 5–10.

Кажаров А.Г. Современная российская историография проблемы формирования Кабардино-Балкарской автономной области // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2018. № 1 (93). С. 14–21.

Кажаров А.Г. Современная российская историография проблемы формирования Кабардино-Балкарской Автономной Области // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2018. № 1 (93). С. 14–21.

Кажаров А.Г. Формирование административно-территориальной структуры Кабардино-Балкарской автономной области в первой половине 1920-х гг. // Вестник Сев.-Осетин. гос. ун-та имени К.Л. Хетагурова. Владикавказ, 2018. № 1. С. 28–32.

Кажаров А.Г. Формирование Горской АССР и проблемы национального самоопределения Кабарды и Балкарии (1920–1921 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. Ставрополь, 2018. № 1. С. 48–55.

Кажаров А.Г., Кузьминов П.А. Формирование автономии Кабардино-Балкарии: результаты и пределы советской историографии (1950–1980) // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2018. № 1 (93). С. 21–28.

Казанбиев М.А. Национально-государственное строительство в Дагестанской АССР (1920–1940 гг.). Махачкала: Дагест. филиал АН СССР; Ин-т истории, языка и литературы им. Г. Цадаса, 1960. 145 с.

Казачий словарь-справочник / изд. А.Н. Скрылов, Г.В. Губарев. Репринт. изд. В 3 т. М., 1992.

Каймаразов Г.Ш. Создание и развитие советской системы общего образования на Северном Кавказе (1920–1940 гг.) (на материалах автономных республик региона) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2015. № 4 (44). С. 27–38.

Каймаразов Г.Ш. Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе: по материалам Дагестанской, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской АССР. М.: Наука, 1988. 334 с.

Какагасанов Г.И. Социальные противоречия в дагестанском обществе в 20–50-е годы XX в. Историко-документальное исследование. Махачкала: Ин-т истории, археологии и этнографии Дагестанск. науч. центра РАН, 2010. 239 с.

Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М.: Прогресс–Традиция, 1997. 342 с.

Карпов Ю.Ю. Горцы после гор: миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы / Ю.Ю. Карпов, Е.Л. Капустина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011. 439 с., 8 л.

Карпов Ю.Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. 399 с.

Карпов Ю.Ю. Региональное пространство как поле этнополитической конкуренции. Северный Кавказ в XX веке. URL: <http://docplayer.ru/31944651-Yu-yu-karpov-regionalnoe-prostranstvo-kak-pole-etnopoliticheskoy-konkurencii-severnuyu-kavkaz-v-xx-veke.html> (дата обращения: 01.09.2021).

Каррер д'Анкокс Э. Евразийская империя: история Российской империи с 1552 г. до наших дней. М.: РОССПЭН, 2007. 360, 7 с.

Каррер д'Анкосс Э. Расколота империя: Национальный бунт в СССР. Лондон: Overseas Publications Interchange, 1982. 381 с.

Касьянов В.В. Октябрь 1917 – декабрь 1922: от империи к государству рабочих и крестьян // Взаимоотношения советской власти и общества при реализации национальной политики 1920-х гг.: историческая реальность, память, наследие. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Краснодар, 8-10 окт. 2021 г.). Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2021. С. 5-9.

Касьянов В.В., Басте Р.Ю., Яхутль Ю.А. Культурное строительство накануне и в первые годы существования СССР на территории Северо-Западного Кавказа: тенденции и противоречия // Современная научная мысль. М., 2021. № 4. С. 71–79.

Касьянов В.В., Басте Р.Ю., Яхутль Ю.А. Очерки истории Адыгеи в 1922–1992 гг.: от автономной области к суверенной республике. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2021. 162 с.

Катунин Ю.А. Православие Крыма в 1917–1939 годах: проблема взаимоотношений с государством / Ю.А. Катунин. Симферополь: МСП «Ната», 2002. 416 с.

Кашкаев Б.О. Красная Армия в Дагестане. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. 172 с.

Кислицын С.А., Магамадов С.С. Политическая власть и повстанческое движение на Северном Кавказе: очерки истории 1920–1930-х гг. Изд. 2-е, испр. Ростов н/Д: Ростов. юрид. ин-т, 2011. 355 с.

Кислицын С.А., Перехов Я.А. Северо-Кавказская партийная организация в борьбе за решение казачьего вопроса на Тереке в первой половине 20-х годов // Изв. Сев.-Кав. науч. центра высш. школы. Обществ. науки. Ростов н/Д, 1989. № 1. С. 104–116.

Кичев М.И. Из истории борьбы за упрочение Советской власти в Дагестане (1920–1921 гг.). Махачкала: Дагест. фил. АН СССР, 1963. 103 с.

Климчук Ф.Д. Расселение этнических украинцев на юге и юго-западе России (по материалам переписи 1926 г.) // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар: Картика, 2008. Вып. 3. С. 257–285.

Клычников Ю.Ю. «По своим революционным заслугам имеют право рассчитывать на наибольшие преимущества...»: Горцы

Центрального и Северо-Восточного Кавказа и Советская власть в 1920–1930-е гг. // Юг России в условиях революционных потрясений, вооружённых конфликтов и социально-политических кризисов, 1917–2017 гг.: материалы Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 5–6 окт. 2017 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2017. С. 274–280.

Клычников Ю.Ю. Модернизационный прорыв Северного Кавказа в имперский и советский период: от успеха к катастрофе // Гуманитарные и юридические исследования. Ставрополь, 2017. № 2. С. 73–77.

Кокорхоева Д.С. Становление и развитие советской национальной государственности ингушского народа. Элиста: Калмыцкий гос. ун-т, 2002. 179 с.

Кокорхоева Д.С. Этнополитика Коммунистической партии и советского государства в автономиях Северного Кавказа (1920-е – начало 1930-х гг.). Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2021. 360 с.

Команджаев А.Н., Лиджеева К.Ф., Олчанова Ц.В. Образовательная сфера национальных районов Юга России в период формирования советского социума (1920-е – 1930-е гг.) // Вестник Калмыцкого ун-та. Элиста, 2019. № 4 (44). С. 47–54.

Кондратюк Г.Н. Деятельность Орт-Фербанд в переселенческой кампании в Крымской АССР (рубеж 20-х – 30-е годы XX века) // Науковий часопис Національного педагогічного університету імені М.П. Драгоманова. Серія 6: Історичні науки. Київ, 2014. Вип. 11. С. 424-435.

Кондратюк Г.Н. Кооперация в Крымской АССР как компонент национальной политики (20 – начало 30-х годов XX в.). URL: <https://history.vn.ua/book/history-of-trade-taxes-and-duties-2013/32.php>

Кондратюк Г.Н. Коренизация высших органов власти и управления в УССР и Крымской АССР: сравнительный анализ (20-е годы XX века) // Сіверщина в історії України. Глухів, 2012. Випуск 5. С. 328-331.

Кондратюк Г.Н. Коренизация в системе здравоохранения в Крымской АССР (20–30-е гг. XX в.) // Клио. СПб., 2014. № 9 (93). С. 73–75.

Кондратюк Г.Н. Крымские татары в советской этнополитике межвоенного двадцатилетия // Крымское историческое обозрение. Казань, 2020. № 1. С. 85–93. DOI: 10.22378/kiо.2020.1.85-93

Кондратюк Г.Н. Крымские татары – советские служащие в реализации национальной политики в Крымской АССР (20–30-е годы XX ст.) // Крымское историческое обозрение. Казань, 2014. № 2. С. 63-76.

Кондратюк Г.Н. Национальные процессы в Крымской АССР и РСФСР в 1920-х годах: сравнительный анализ // Мавродинские чтения 2018. Материалы Всерос. науч. конф., посвященной 110-летию со дня рождения профессора В.В. Мавродина. СПб.: ООО «Нестор–История», 2018. С. 466-469.

Кондратюк Г.Н. Проблемы этнополитики межвоенного периода Крымской АССР в историографии 1920–1930-х годов // Науковий вісник Миколаївського національного університету імені В.О. Сухомлинського. Сер.: Історичні науки. 2013. Вип. 3 (35). С. 223-229.

Кондратюк Г.Н. Функционирование крымскотатарского языка в органах власти и управления Крымской АССР в контексте политики коренизации (20–30-е гг. XX века) // Научный вестник Крыма. Курск, 2017. № 3 (8). С. 1-14.

Кондратюк Г.Н. Этноконфессиональная политика в отношении мусульман Крыма в межвоенный период (20–30-е годы XX века) // Крымское историческое обозрение. Казань, 2018. № 1. С. 27-40.

Коптев В.А. Партийная организация Чечни и Ингушетии в годы восстановления и развития экономики, 1920–1929 гг. Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1971. 46 с.

Королёв, В.И. Из прошлого народов Крыма миграционные процессы (1897–1939) / В.И. Королёв. Симферополь: Антиква, 2018. 167 с.

Костоев Б.У. Историко-политический аспект объединения Чечни и Ингушетии. URL: <http://23021944.livejournal.com/13356.html> (дата обращения: 01.09.2021).

Кравцова Л.П., Беднарський І.Г. Німці Криму: історія і сучасне становище (проблеми етнополітичного розвитку) / за ред. В.Є. Григор'янця. Симферополь: Регіональний філіал

Национального института стратегических исследований в м. Симферополь, 2005. 40 с.

Красовицкая Т.Ю. Конфликт идеалов и практик ранней советской государственности. Механизмы и практики этнополитических процессов (1917–1929 гг.) // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. М.: Новый хронограф, 2012. С. 151–206.

Кратов Е.В., Кратова Н.В. Источники по проблеме государственно-конфессиональных отношений в Северо-Кавказском крае. 1924–1934 гг. URL: www.stpds.ru/userfiles/file/E_V_Kratov,%20N_V_Kratova.docx (дата обращения: 23.08.2021).

Кринко Е.Ф. Горская АССР и ее руководящий состав: из опыта нациестроительства на Северном Кавказе в начале 1920-х годов // Вестник Оренбург. гос. пед. ун-та. 2014. № 2 (10). С. 100–105.

Кринко Е.Ф. Гражданская война и проблемы национально-государственного строительства на Северном Кавказе в 1917–1920-е гг. // Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX – начале XXI в. (к столетию начала Гражданской войны и образования Донской республики): материалы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 19–22 сент. 2018 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. С. 317–323.

Кринко Е.Ф. Депортация народов и административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в 1943–1944 гг. // Вестник Калмыцкого ин-та гуманитар. исслед. РАН. Элиста, 2013. № 3. С. 17–25.

Кринко Е.Ф. Национальное образование в контексте нациестроительства: опыт Северной Осетии // Нации и государство на Северном Кавказе: проблемы взаимодействия: Сб. науч. статей и материалов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 29–61.

Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. История Северного Кавказа в 1920 – 1940-е гг.: современная российская историография. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. 304 с.

Круглов В.Н. Организация территории России в 1917–2007 гг.: идеи, практика, результаты. М.: ИРИ РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2020. 480 с.

Крымская АССР (1921–1945). Вопросы – ответы / сост. Ю.И. Горбунов. Симферополь: Таврия, 1990. Вып. 3. 320 с.

Крюкова Н.В., Макаренко Г.И. Отдельные аспекты развития системы общественной самоорганизации немцев Крыма // Региология. Саранск, 2016. № 2 (95). С. 126–136.

Кульчик Ю.Г., Конькова З.Б. Дагестан: ниже-терское казачество. М.: Ин-т гуманитар.-полит. исслед., 1995. 96 с.

Кульчицкий С.В. Курс – украинизация // Родина. 1999. № 8. С. 108–110.

Кульчицкий С.В. Смертельный водоворот. Рождение и гибель украинской Кубани. URL: www.day.kiev.ua/ru/article/istoriya-i-ya/smertelnyu-vodovorot/ (дата обращения: 28.05.2021).

Кутафин О.Е. Российская автономия. М.: Проспект, 2011. 768 с.

Кушнир А.Г. Демократическая альтернатива середины 20-х годов: (реформы системы управления в Советской России). М.: Изд-во МПИ, 1989. 221, 2 с.

Лазерсон М.Я. Национальность и государственный строй: юридическо-политические очерки. Петроград: Книга, 1918. 188 с.

Ленинизм и малые нации. Сб. статей / отв. ред. А.А. Аствацатуров. Орджоникидзе: Изд-во Сев.-Осетин. гос. ун-та. 1973. 358 с.

Летифов А.Л. Возникновение и развитие советской национальной государственности народов Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1968. 123 с.

Летифов А.Л. Исторический опыт национально-государственного строительства на Северном Кавказе в переходный период к социализму. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1972. 228 с.

Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 344 с.

Лиджева К.Ф. Подготовка педагогических кадров в процессе формирования советской интеллигенции (на материалах национальных автономий Северного Кавказа) // Вестник Северного (Арктического) федерал. ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. Архангельск, 2011. № 6. С. 29–33.

Линец С.И. Повстанческие антисоветские выступления на Юге России в 1920–1930-е гг.: причины, участники, ход событий // Социальное противостояние и его проявления на Юге России в

XX – начале XXI в. (к столетию начала Гражданской войны и образования Донской республики): материалы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 19–22 сент. 2018 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. С. 241–248.

Лоов И.Р. Из истории классовой борьбы в Чечено-Ингушетии в первые годы новой экономической политики (1921–1925 годы) / И.Р. Лоов, М.М. Пархоменко. Грозный: Грознен. рабочий, 1974. 35 с.

Лоов И.Р. Из истории формирования и развития рабочего класса Северного Кавказа в 1920–1928 годах. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1973. 277 с.

Лю Сяньчжун. Плюсы и минусы политики «коренизации» СССР в 1920-е годы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. Владивосток, 2014. № 1 (28). С. 41–49.

Магамадов С.С. Узловые вопросы истории народов Северного Кавказа 20–30-х гг. XX в.: достижения и спорные вопросы // Гуманитарий Юга России. Ростов н/Д, 2013. № 4. С. 145–155.

Магидов Ш.Г. Проблемы языка обучения и письменности народов Дагестана в культурной революции. Из опыта работы Дагестанской областной партийной организации. Махачкала: Дагучпедгиз, 1971. 128 с.

Магомедов А.М. Борьба Коммунистической партии за братское содружество народов Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1963. 204 с.

Магомедов М.З. Социализм и судьбы горцев (Из опыта разрешения национального вопроса и борьбы с идеологией ислама в Дагестане и на Тереке). Махачкала: Дагест. кн. изд-во, 1976. 110 с.

Макаренко М.Ю. Практика урегулирования этносоциальной напряженности в 1920-е годы на примере кубанского казачества // Вестник ИМСИТ. Краснодар, 2018. № 4 (76). С. 7–10.

Макаренко П.Л. З життя Кубані під радянською російською комуністичною владою (1920–1926 рр.) // Кубань: Збірник статтів про Кубань і кубанців. Прага, 1926. С. 75–192.

Макарова Г.П. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР, 1917–1923 гг.: исторический очерк. М.: Наука, 1987. 172 с.

Маковский В.В. Политика властных органов Крымской АССР по отношению к различным слоям крестьянства в 1920-е годы // Крымский архив. Симферополь, 2000. № 6. С. 271–275.

Максимов К.Н. Парадоксы советской политики национально-государственного устройства // Национальная политика и модернизация системы управления на Юге России: исторический опыт и современные вызовы. Материалы Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 27–28 сент. 2012 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 226–233.

Мамсиров Х.Б. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века: (На материалах Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии). Нальчик: Эльбрус, 2004. 324 с.

Мамсиров Х.Б. Проблемы становления советской административно-политической элиты в национальных автономиях Северного Кавказа в 1920-х гг. // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. Т. 12, № 6–1. С. 70–77.

Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. 666 с.

Мартин Т. Империя положительной деятельности: Советский Союз как высшая форма империализма // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. С. 88–116.

Мартirosiан Г.К. История Ингушетии. Орджоникидзе: Сердало, 1933. 314, 6 с.

Марунчак М. Українці в СРСР поза кордонами УРСР. Вінніпег, 1974.

Марусенко М.А. Языки и национальная идентичность: современные вызовы национальному единству и территориальной целостности. М.: НПК, 2015. 575 с.

Матвеев В.А. ...Единая Русь «разметнулась на полсвета»: особенности этнополитических процессов в зонах смешанной восточнославянской колонизации на Юге России // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2006. Вып. 1.

Матвеев В.А. Националистическая Вандея и проявления устойчивости российской интеграции на Северном Кавказе в

кризисных условиях, 1917–1921 гг. Изд. 2-е, испр. и доп. Ростов н/Д: Изд-во Южного федерал. ун-та, 2016. 266 с.

Матвеев В.А. Украина от Карпат до Кавказских гор! // Учёные записки Дон. юрид. ин-та. Ростов н/Д, 2001. Т. 16. С. 225-248.

Мащенко А. Как Крым республикою вольной в федерацию вошёл. 100 лет назад полуостров стал первой автономией в составе РСФСР. URL: <https://www.pnp.ru/social/kak-krym-respublikoju-volnoy-v-federaciyu-voshyol.html>. (дата обращения: 18.10.2021).

Медалиев Х.Т. Деятельность КПСС по социалистической индустриализации национальных республик и областей Северного Кавказа (1926–1937 гг.). Нальчик: Эльбрус, 1972. 259 с.

Мекулов Д.Х. Система демократических институтов власти на Северном Кавказе: история, особенности (1918 г. – 30-е годы XX в.) // Вестник Адыг. гос. ун-та. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. Майкоп, 2012. № 1. С. 110–119.

Минеева Е.К., Киросова Н.В., Минеев А.И. Руководящие кадры в системе управления национальными автономиями РСФСР в 1920-е гг.: состав и социальная мобильность // Клио. СПб., 2016. № 4 (112). С. 77–82.

Мирзоев М.Е. Партийная организация Северной Осетии в восстановительный период (1921–1925 гг.). Орджоникидзе: Сев.-Осетин. кн. изд-во, 1963. 68 с.

Мирук М.В. Кубанское казачество и украинизация Кубани: опыт и уроки (1921–1932 гг.) // Кубанское казачество: три века исторического пути. Краснодар, 1996. С. 172–175.

Михайлов В.А., Михайлова Н.В. Становление и развитие автономий в Советской России и её формы // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2012. № 2. С. 92–106.

Могаричев К.Ю. «Крымский проект» в контексте советской национальной политики и системе еврейских политических проектов: 1920–1940 гг.: дис. ... канд. ист. наук / К.Ю. Могаричев. Симферополь, 2020. 284 с.

Морозова О.М. Зарождение провинциальной бюрократии (на материалах Северного Кавказа и Нижнего Поволжья) // Национальная политика и модернизация системы управления на Юге России: исторический опыт и современные вызовы. Материалы

Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 27–28 сент. 2012 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 234–241.

Морозова О.М. Николай Фёдорович Гикало // Вопросы истории. 2011. № 9. С. 37–57.

Напсо Д.А. Под знаменем интернационализма (Деятельность партийной организации Северного Кавказа по интернациональному воспитанию трудящихся в годы социалистического строительства 1917–1937 гг.). Минеральные Воды; Пятигорск: Карачаево-Черкесск. НИИ экономики, истории, языка и литературы, 1967. 425 с.

Население России в XX веке: Исторические очерки: В 3 т. / отв. ред. Ю.А. Поляков, В.Б. Жиромская. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1. 462 с.

Нациестроительство на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики: материалы заочного круглого стола / отв. ред. Т.П. Хлынина. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 179 с.

Нации и национализм / Б. Андерсон и др. М.: Праксис, 2002. 410 с.

Национальная политика России: история и современность / ред. совет: В.А. Михайлов (отв. ред.) и др. М.: Информ.-изд. агентство «Русский Мир», 1997. 678 с.

Национально-государственное строительство в Российской Федерации. Северный Кавказ (1917–1941 гг.) / редкол.: Бугай Н.Ф. и др. Майкоп: Меоты, 1995. 286 с.

Неизвестные страницы политических репрессий в Крыму. Права голоса лишены / пред. ред. колл. И.В. Иванченко. Симферополь: Таврия, 1997. 104 с.

Некрасов С.И. Автономия и национальный вопрос в советском государственном праве (1917–1940 гг.) // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2011. № 3. С. 106–126.

Некрич А.М. Наказанные народы. Нью-Йорк: Хроника, 1978. 170 с.

Ненароков А.П. К единству равных: Культурные факторы объединительного движения советских народов 1917–1924. М.: Наука, 1991. 272 с.

Непомнящий А.А. История и этнография народов Крыма: Библиография и архивы (1921–1945). Симферополь: ООО «Антиква», 2015. 936 с.

Нечипурнова Н.С. Партийное руководство опытным административно-хозяйственным районированием Северного Кавказа. Орджоникидзе: Ир, 1968. 188 с.

Никитина Т.В. Греческая диаспора на юге России и Греции в 20–30-е годы XX в. // Греки Балаклавы и Севастополя. М.: Индрик, 2013. С. 174–188.

Николаева Д.А. Власть и общество на Северном Кавказе. 1920-е–1930-е гг.: историографический обзор // Гуманитарные научные исследования. 2012. № 12. URL: <http://human.snauka.ru/2012/12/2094> (дата обращения: 08.09.2021).

Овчинникова М.И. Советское крестьянство Северного Кавказа (1921–1929 гг.). Ростов н/Д: Изд-во Ростов. гос. ун-та, 1972. 199 с.

Органы ВЧК – ГПУ – ОГПУ на Северном Кавказе и в Закавказье (1918–1934 гг.). URL: <https://docplayer.ru/32282383-Organy-vchk-gpu-ogpu-na-severnom-kavkaze-i-v-zakavkaze-gg.html> (дата обращения: 17.03.2021).

Орешин С.А. Становление национальной государственности адыгских народов Северо-Западного Кавказа. 1917–1922 гг. // Клио. СПб., 2016. № 9 (117). С. 127–134.

Османов А.И. Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20–70-е годы XX в.). Махачкала: Дагестан. науч. центр РАН, Ин-т истории, археологии и этнографии, 2000. 333, 2 с.

Османов А.И. Дагестан в XX веке: исторический опыт регионального развития. Кн. 2. Общественно-политическая жизнь и социокультурное развитие народов Дагестана. Махачкала: Динэм, 2007. 621 с.

Османов Г.О. Аграрные отношения в Дагестане в период строительства социализма. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1970. 211 с.

Османов М.-З.О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана в советскую эпоху: закономерности развития и трансформации, вымывание традиционных форм / Ин-т истории,

археологии и этнографии Дагестанского науч. центра РАН. М.: Наука, 2002. 222 с.

Осуществление ленинской национальной политики на Северном Кавказе. Материалы межвуз. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения В.И. Ленина / под общ. ред. С.М. Артюняна. Пятигорск: Изд-во СГПИ, 1971. 302 с.

Очерки истории Карачаево-Черкесии: в 2 т. / отв. ред. Р.Х. Джанибекова. Черкесск: Карачаево-Черкес. отд-ние Ставроп. кн. изд-ва, 1972. Т. 2. 448 с.

Очерки по истории Крыма. Ч. III. Крым в период социалистического строительства (1921–1941 гг.) / под общ. ред. И.С. Чирвы. Симферополь: Крым, 1964. 222 с.

Палхаева Е.Н. Опыт национально-государственного строительства России: историография проблемы // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 1. С. 249. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=5438> (дата обращения: 01.09.2021).

Пащенко И.В. Становление и развитие государственности Северной Осетии и современный российский федерализм // Нации и государство на Северном Кавказе: проблемы взаимодействия: Сб. науч. статей и материалов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 62–81.

Пащенко, В.Н. Становление советской системы государственного управления в России и Крыму в 1920-х годах / В.Н. Пащенко. 2-е изд. Симферополь: Зуева Т.В., 2018. 626 с.

Пащенко В.Н. Этнонациональное развитие в Крыму в первой половине XX века (1900–1945 годы). Симферополь: Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, 2008. 288 с.

Плаггенборг Ш. Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб.: Журнал «Нева», 2000. 416 с.

Победа Советов на Тереке: Торжество ленинского интернационализма / М.И. Гиоев, З.А. Гойгова, Р.Х. Гугов, У.А. Улигов. Орджоникидзе: Ир, 1983. 208 с.

Почешхов Н.А. Социально-экономические и военно-политические проблемы в северо-западных районах Юга Европейской России в период гражданской войны (1917–1921 гг.). Ростов н/Д: Изд-во Ростов. гос. ун-та, 2006. 255 с.

Раенко-Туранский Я.Н. Адыге до и после Октября. Ростов н/Д; Краснодар: Крайнациздат, 1927. 183 с.

Ракачёв В.Н. Народонаселение Кубани в XX веке: историко-демографическое исследование: в 4 т. / В.Н. Ракачев, Я.В. Ракачева. Краснодар: Кубан. гос. ун-т; Просвещение-Юг, 2005. Т. 1: 1900–1920-е гг. 198, 1 с.

Рамазанова Д.Ш. Административно-политический статус Дагестана в 1920–1930 годах: вхождение республики в Северо-Кавказский край // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб., 2010. № 126. С. 68–77.

Рожков А.Ю. Школьные буквари как ресурс формирования советской и национальной идентичности в Северо-Кавказском крае (1927–1932 гг.) // Взаимоотношения советской власти и общества при реализации национальной политики 1920-х гг.: историческая реальность, память, наследие. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Краснодар, 8-10 окт. 2021 г.). Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2021. С. 19–24.

Российская государственность в периоды кризисов, войн и революций: власть, ценности, институты (к 100-летию начала Первой мировой войны) / под ред. Р.В. Евстифеева. Владимир: Владимир. филиал РАНХиГС, 2014. 399 с.

Россия в XX веке: проблемы национальных отношений / под общ. ред. А.Н. Сахарова, В.А. Михайлова; Ин-т рос. истории РАН. М.: Наука, 1999. 451 с.

Рыбак И.В. Проявления антирелигиозной политики РКП(б) в Крымской АССР в 1918–1941 гг. // Парадигмы истории и общественного развития. Севастополь, 2019. № 15–16. С. 55–59.

Рябова Л.К. Позитивная дискриминация в этнополитике: постановка проблемы в современной историографии // Новейшая история России. СПб., 2019. Т. 9, № 2. С. 536–548.

Сабанчиев Х.М. Деятельность Кабардино-Балкарской партийной организации по осуществлению культурной революции. Нальчик: Эльбрус, 1973. 279 с.

Сахаров В.А. Союз советских республик или союз советских народов? // Клио. СПб., 2012. № 6 (66). С. 122–132.

Северный Кавказ: традиционное сельское сообщество – социальные роли, общественное мнение, властные отношения: сб. статей / отв. ред. С.А. Штырков. СПб.: Наука, 2007. 333 с.

Сёмин А.С., Горчаков А.А. Революционный комитет Крыма и его роль в упрочении Советской власти (ноябрь 1920 г. – ноябрь 1921 г.) // Известия Крымского государственного педагогического института им. М.В. Фрунзе. Симферополь, 1957. Т. XXVIII. С. 129–145.

Сивков С.М., Иванцов И.Г. Национально-территориальное строительство на Северо-Западном Кавказе в 1917–1930-х гг. // Вестник Калмыцкого ин-та гуманитар. исследований РАН. Элиста, 2013. Т. 6, № 3. С. 96–101.

Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. М.: Русская жизнь, 1997. 366, 13 с.

Скорик А.П., Бондарев В.А. Украинизация на Юге России как национально-политическая кампания: осуществление и ликвидация (1920-е – начало 1930-х гг.) // История в подробностях. М., 2013. № 10(40). С. 62-71.

Соколов, Д.М. Железная метла метет чисто...: советские чрезвычайные органы в процессе осуществления политики красного террора в Крыму в 1920–1921 гг. / Д.М. Соколов. М.: Посев, 2017. 384, 1 с.

Становление и развитие советского государствоведения: исследования ученых 20-х годов: сборник обзоров. Ч. 2: Конституция и национально-государственное строительство / отв. ред. Ю.С. Пивоваров. М.: ИНИОН АН СССР, 1990. 108 с.

Степанченко В.И. Возникновение в Российской Федерации национальных государственных структур в XX веке // Юридическая наука. 2013. № 1. С. 18–25.

Сулаев И.Х. Государство и мусульманское духовенство в Дагестане 1920–1930-х годов: из истории отношений // Отечественная история. 2007. № 6. С. 144–155.

Сулаев И.Х. Государство и мусульманское духовенство в Дагестане: история взаимоотношений (1917–1991 гг.). Махачкала: Дагест. гос. ун-т, 2009. 375 с.

Суни Р.Г. Империя как таковая: Имперская Россия, национальная идентичности и теории империи // Государство наций:

Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М.: РОССПЭН, 2011. С. 31–87.

Суций С.Я. Украины Юга России: Демографическая история одного регионального сообщества. Ростов н/Д: ИСЭГИ ЮНЦ РАН, 2013. 154 с.

Сэнборн Дж. Семья, братство и национальное строительство в России 1905–1925 гг. // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М.: РОССПЭН, 2011. С. 28–32.

Тетуев А.И. Межнациональные отношения на Северном Кавказе: эволюция, опыт, тенденции. Нальчик: Эль-Фа, 2006. 352 с.

Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

Тишков В.А. Российский народ: История и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 649 с.

Тольц В.А. «Собственный Восток России». Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М.: Нов. лит. обозр., 2013. 332 с.

Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза: сб. докладов и материалов междунар. науч. конф., Москва, сентябрь 2004 г. / отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М.: Социально-политическая мысль, 2005. 600 с.

Туаева М.П., Хубулова С.А. Социальный протест сельского населения в первой половине 1920-х годов (на материалах Северного Кавказа) // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2007. № 2. С. 68–72.

Туфанов Е.В. К вопросу об источниках рекрутирования региональных управленцев в 1920–1930-е гг. на материалах Северного Кавказа // Вестник Калмыцкого университета. Элиста, 2018. № 1 (37). С. 32–42.

Туфанов Е.В. Кадры региональных управленцев в 1920–1930-е годы: становление и функционирование (на материалах Северного Кавказа). Ставрополь: Изд. дом «Тэсэра», 2018. 206 с.

Туфанов Е.В. Коренизация как инструмент формирования региональной номенклатуры на материалах Северного Кавказа в 1920–1930-е гг. // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2017. № 3. С. 84–89.

Туфанов Е.В., Кравченко И.Н. Партийное образование как элемент становления национальной партийно-государственной номенклатуры в 1920–1930-е гг. (на материалах Северного Кавказа) // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2018. № 1. С. 34–39.

Убушаев К.В. Образование национальных автономий на Юге России в годы Гражданской войны // Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX – начале XXI в. (к столетию начала Гражданской войны и образования Донской республики): материалы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 19–22 сент. 2018 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. С. 323–327.

Узнародов М.Т. Деятельность Кавказского и Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) по руководству партийными организациями Юго-Востока России в 1920–1924 гг. Орджоникидзе: Ир, 1968. 207 с.

Украинцы Юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития: материалы Междунар. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 3–4 окт. 2013 г.) / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 322 с.

Урушадзе А.Т. Современные проблемы нациестроительства в Кабардино-Балкарии: исторические предтечи и новые вызовы // Нации и государство на Северном Кавказе: проблемы взаимодействия: Сб. науч. статей и материалов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 82–102.

Филимонов С.Б. Тайны крымских застенков. Документальные очерки о жертвах политических репрессий в Крыму в 1920–1940-е годы. Изд. 3-е, доп. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 308 с.

Филькин В.И. Северо-Кавказская партийная организация в борьбе за осуществление ленинской национальной политики 1917–1936 гг. Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1969. 78 с.

Харсиев Б.М.-Г. Причины возникновения и ликвидации ингушской государственности советского периода // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2012. № 8. С. 303–305.

Хаяли Р.И. Организация и проведение политики коренизации: практика Крымской АССР (1920–1930-е годы) // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2017/05/23818> (дата обращения: 15.09.2021).

Хаяли Р.И. Периодическая печать в Крымской АССР: опыт крымских татар (1920–1930-е годы) // Емінак. Миколаїв, 2016. Т. 1, № 2 (14). С. 50–55.

Хлынина Т.П. Адыгея в 1920-е годы: проблемы становления и развития автономии. Краснодар: ООО «Качество», 1997. 125 с.

Хлынина Т.П. Проблемы истории национально-государственного строительства на Северном Кавказе в 20–30-е гг. XX в. // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2007. С. 99–120.

Хлынина Т.П. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона / Т.П. Хлынина, Е.Ф. Кринко, А.Т. Урушадзе. Ростов н/Д: Изд-во Южного науч. центра РАН, 2012. 271 с.

Хлынина Т.П. Русские, великороссы и украинцы...: методика подсчёта и численности украинского населения в Адыгее в 1920-е гг. // Кубань–Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар: Картика, 2008. Вып. 3. С. 287–291.

Хлынина Т.П. «Русский вопрос» и административная практика его разрешения в Адыгейской автономной области 1920-х годов // Мир славян Северного Кавказа. Краснодар: Кубанькино, 2003. С. 197–204.

Хлынина Т.П. Советская национальная государственность: понятие, образ, природа. Майкоп: Аякс, 2001. 67 с.

Хлынина Т.П. Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии. М.: Изд-во МГОУ, 2003. 268 с.

Хлынина Т.П. Украинизация Кубани и её последствия // Голос минувшего. Краснодар, 2010. № 3–4. С. 135–137.

Хлынина Т.П. Украинизация Северо-Кавказского края: замыслы и воплощение // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар; Киев: ЭДВИ, 2006. Вып. 1. С. 39–49.

Хлынина Т.П., Васильев И.Ю. Украинизация как политика и проблема современной историографии // Історіографічні дослідження в Україні. Київ, 2012. № 22. С. 201–214.

Хлынина Т.П., Васильев И.Ю. Украинизация на Кубани: замыслы, воплощение, итоги // Белоруссия и Украина: история и

культура. Сб. статей. М.: Институт славяноведения РАН, 2015. Вып. 5. С. 373-384.

Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография. Ростов н/Д: Изд-во Южного науч. центра РАН, 2009. 304 с.

Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. 434 с.

Хмара Н.И. Из опыта национально-государственного строительства в СССР (1920-е–1930-е годы) // Российская история. 2006. № 3. С. 126–139.

Хотко С.Х. Очерки истории черкесов: этногенез, античность, средневековье, Новое время, современность. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. 431 с.

Храброва Е.В. Особенности государственной национальной политики на Кубани в 1920–1930-е годы // Вестник Краснодар. гос. ин-та культуры. 2016. № 2 (6).

Хубулова С.А. «Неудобный класс»: Некоторые проблемы социально-экономического и этнодемографического развития доколхозного северокавказского крестьянства. Владикавказ: Изд-во Сев.-Осет. гос. ун-та имени К.Л. Хетагурова, 2003. 144 с.

Хубулова С.А. Терское казачество в политических коллизиях 1917–1930-х гг. // Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX – начале XXI в. (к столетию начала Гражданской войны и образования Донской республики): материалы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 19–22 сент. 2018 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. С. 11–17.

Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М.: Европа, 2006. 128 с.

Чахкиев С. Идрис Зязиков: верой и правдой. Грозный: б.и., 1991. 66, 2 с.

Чеботарёва В.Г. Национальная политика Российской Федерации, 1925–1938 гг. М.: Моск. Дом национальностей; Обществ. академия наук российских немцев, 2008. 831 с.

Чеботарева В.Т. Социальные противоречия национальной политики в Крымской АССР в 1920-е годы // Вопросы истории. 2006. № 12. С. 23–43.

Черкасов К.В. Межрегиональное государственное управление в Советской России в довоенный период: к вопросу о формировании современной системы укрупненного администрирования территориальным развитием страны // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 2. С. 45–48.

Чумаченко В.К. К истории Северо-Кавказского украинского научно-исследовательского института в Краснодаре // История регионального научного сообщества: проблемы изучения. Краснодар: Изд-во КГУКИ, 2007. С. 87–89.

Шапарова А.К. Политические репрессии черкесов на Северном Кавказе (1918–1940 гг.). Нальчик, 2017. 822 с.

Шевчук А.Г., Беднарский И.Г., Швец А.Б., Ефимов С.А., Кравцова Л.П. Административно-территориальное устройство Крыма в документах и картографических образах XVIII – XXI вв. / под ред. А.В. Ишина; Региональный филиал Национального института стратегических исследований в г. Симферополе. Симферополь: СФ НИСИ; ВГМИ «Таврия», 2006. 72 с.; 55 карт, ил.

Шереужев А.Ж. Административно-территориальные преобразования в Кабардино-Балкарской автономной области в период пребывания в составе Северо-Кавказского края (1924–1936) // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2019. № 1 (97). С. 70–75.

Шеуджен А.Х., Харитонов Е.М., Галкин Г.А. Становление и развитие адыгской государственности: этнокультурные и социально-политические аспекты // Доклады Адыгской (Черкесской) Международной академии наук. Нальчик, 2005. Т. 8. № 1. С. 152–158.

Шипулин Н.Г. Главком Терека Н.Ф. Гикало. Изд. 2-е, испр. и доп. Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1970. 81 с.

Шнайдер В.Г. Нереализованные политические проекты и протестные формы социально-политической деятельности горцев Северного Кавказа (1920-е – начало 1940-х гг.) // Вестник Армавирского гос. пед. ун-та. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2007. № 1. С. 65–72, № 2. С. 72–78.

Шнайдер В.Г. Проблемы земельного и территориально-административного размежевания на Северном Кавказе в 1920-е годы // Учён. записки РГСУ. 2008. № 1. С. 123–127.

Шнайдер В.Г. Советская национальная политика и народы Северного Кавказа в 1940–1950-е гг. Армавир: РИЦ Армавир. гос. пед. ун-та, 2009. 234 с.

Шнайдер В.Г. Советское нациестроительство на Северном Кавказе (1917 – конец 1950-х гг.): закономерности и противоречия. Армавир: РИЦ Армавир. гос. пед. ун-та, 2007. 415 с.

Шотаев Н.Ф. Горская организация РКП(б) в борьбе за восстановление и развитие народного хозяйства на основе НЭПа. Орджоникидзе: Ир, 1974. 311 с.

Щемелев Н.Н. Борьба КПСС за развитие тяжёлой промышленности на Северном Кавказе (1926–1932 гг.). Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1981. 272 с.

Щербина Ф.А. Законы эволюции и русский большевизм. Белград, 1921.

Эбзеева С.Э. Становление советской государственности народов Северного Кавказа. М.: Юридическая литература, 1976. 135 с.

Эльбуздукаева Т.У. Чечня и Ингушетия в 20–30-е годы XX века: опыт модернизации. М.: Парнас, 2011. 463 с.

Эльбуздукаева Т.У., Изрипова Е.А. Современные историографические приоритеты в изучении национального строительства на Северном Кавказе (на примере Чечни и Ингушетии) в 20–30-е гг. XX в. // Татьяна Павловна Хлынина: In Memoriam. Сб. статей и материалов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2017. С. 584–591.

Этенко Л.А. Ленин и горцы Северного Кавказа. Орджоникидзе: Ир, 1975. 223 с.

Этнические элиты в национальной политике России / отв. ред. В.В. Трепавлов; Ин-т рос. истории РАН. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 476 с.

Юсупов П.И. Борьба за ленинские принципы национальной политики в Чечено-Ингушетии, 1920–1925 г. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1968. 64 с.

Яблочкина И.В. Проблема вооруженной конфликтности на Северном Кавказе в условиях революционного кризиса 1917 – начала 1920-х гг. // Федерализм. 2014. № 4. С. 95–108.

Яблочкина И.В. Рецидивы гражданской войны: Антигосударственные вооружённые выступления и повстанческие движения в Советской России. 1921–1925 гг. М.: Фирма «Хельга», 2000. 495 с.

Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. В 2 т. Ростов н/Д: Севкавказкнига, 1927. Т. 1. 208 с.; Т. 2. 159 с.

Яров С.В. Человек перед лицом власти, 1917–1920-е гг. М.: РОССПЭН, 2014. 375 с.

A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin / ed. by R.G. Suny, T. Martin. Oxford etc.: Oxford Univ. Press, 2001. XII, 307 p.

Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Revised ed. London; N.Y.: Verso, 2006. XV, 240 p., incl. index.

Gellner E. Nations and Nationalism. 2nd ed. Malden, MA [USA], et al.: Blackwell Publishing, 2007. 152 p.

Mawdsley E. The Stalin Years: The Soviet Union, 1929–1953. Manchester; N.Y.: Manchester University Press, 1998. 162 p.

McGarry J., O’Leary B. Introduction. The Macro-Political Regulation of Ethnic Conflict // McGarry J., O’Leary B. (eds.). The Politics of Ethnic Conflict Regulation. London, 1993. P. 1–40.

Schuman F.L. Government in the Soviet Union. 2nd ed. N.Y.: Thomas Y. Crowell Company, 1967. 70 p.

The North Caucasus Barrier: The Russian Advance Towards the Muslim World / A. Avtorkhanov, Bennigsen Broxup, F.E.B. Brain et al. London: Hurst & Company, 1992. 252 p.

Viola L. Peasant Rebels under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. N.Y.; Oxford: Oxford Univ. Press, 1996. 328 p.

Zalewski J. Опыт категоризации говора кубанских казаков: постановка проблемы // Humanum. Międzynarodowe Studia Społeczno-Humanistyczne. Warszawa, 2013. № 11 (2). P. 285-294.

Диссертации и авторефераты диссертаций

Аверьянов А.В. Национальная политика Советского государства на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 2021. 701 с.

Агаджанян Э.М. Становление и развитие органов исполнительной власти и управления Карачаево-Черкесии (1920–1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2013. 27 с.

Аджиева З.И. Формирование национальной бюрократии в автономных образованиях РСФСР в первые десятилетия Советской власти (на материалах Карачаево-Черкесии) (1920–1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2008. 28 с.

Акопян В.З. Развитие государственности и культуры национальных меньшинств Северного Кавказа (опыт партийных и советских организаций в 1920–1927 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1991. 23 с.

Алдакимова О.В. Украинизация школьного образования на Кубани в период с 1921 по 1932 гг.: дис. ... канд. пед. наук. Сочи, 2004. 216 с.

Алиева А.Б. Административно-территориальное устройство Дагестанской области (республики) – конец XIX – 30-е годы XX в.: опыт, проблемы: дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2008. 169 с.

Аутлев М.Г. Исторический опыт КПСС по осуществлению ленинской национальной политики на Северном Кавказе в 1920–1929 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Краснодар; Ростов н/Д, 1987. 442 с.

Бершадская, О.В. Черноморская деревня в условиях НЭПа: социально-экономический аспект: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2007. 219 с.

Болтенкова Л.Ф. Опыт Советского государства по решению проблемы национальных меньшинств в 20-е – 30-е годы (государственно-правовые аспекты): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1989. 45 с.

Борисёнок Е.Ю. Концепции «украинизации» и их реализация в национальной политике в государствах восточноевропейского региона: 1918–1941 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2015. 951 с.

Гонов А.М. Проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа, 20–90-е годы XX века: дис. ... д-ра ист. наук. Нальчик, 1997. 403 с.

Горюнова Є. О. Соціально-політичні процеси в селі Кримської АРСР 1920-х років: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Запоріжжя, 1999. 21 с.

Даудов А.Х. Образование и развитие Горской АССР. 1920–1924 гг. (проблемы национально-государственного строительства): дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984. 220 с.

Даудов А.Х. Социально-экономическое развитие Горской Автономной Советской Социалистической Республики, 1920–1924 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1998. 337 с.

Дидигова И.Б. Административно-территориальное устройство Чечни и Ингушетии. 1920–1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

Ибрагимова А.Ш. Далгат Магомед Алибекович – общественно-политический и государственный деятель Дагестана. 20–30-е гг. XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2009. 163 с.

Ильин С.К. Этнические меньшинства в автономных областях и республиках Юга РСФСР, 20-е гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1995. 52 с.

Кагазежев Р.Б. Национальная государственность и ее влияние на социально-экономическое и культурное развитие Адыгеи: 1917–1940 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2017. 215 с.

Кажаров А.Г. Становление национальной автономии Кабардино-Балкарии: предпосылки, альтернативы, итоги (1917–1920-е гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Нальчик, 2018. 607 с.

Калашникова, С.В. Крымские болгары: основные этапы исторического развития: середина XVIII – начало XXI в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / С.В. Калашникова. Краснодар, 2012. 26 с.

Кара А.П. Особенности развития регионально-национального компонента в школьном образовании в 1918–2005 гг.: исторический аспект: на примере Краснодарского и Ставропольского краев и автономных образований Юга России: на примере Краснодарского и Ставропольского краёв и автономных национальных образований Юга России: дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2007. 279 с.

Клименко Н.Г. Административно-территориальное деление кубанских земель и Кавказского Причерноморья с конца XVIII века по 1937 г.: проблемы организации регионального управления: дис. ... канд. ист. наук. Кропоткин, 2001. 295 с.

Король К.Б. Национальные общественные организации на Кубани: основные этапы и тенденции развития: конец XIX – начало XXI в.: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2010. 175 с.

Магомедсалихов Х.Г. Конфликты в общественных отношениях горцев Дагестана: XIX в. – 30-е гг. XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Владикавказ, 2013. 387 с.

Мазанаев Н.К. Модернизационные процессы в социально-политической жизни дагестанского села в 20–30-е годы XX века: опыт и особенности: дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2009. 217 с.

Маркарян В.М. Коммунистическая партия – организатор и руководитель национальных воинских формирований Красной Армии в период мирного социалистического строительства (1922–1938): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975. 23 с.

Марченко Г.В. Государственная национальная политика на Северном Кавказе (1917–1945 гг.): военно-исторический аспект: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. 564 с.

Мона Ж.Н. Развитие сельского хозяйства в Крымской АССР (1920–1940 гг.): особенности, трудности, просчеты: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Днепропетровск, 1992. 20 с.

Орешин С.А. Национально-государственное строительство на Северном Кавказе. 1917–1921 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 28 с.

Османов А.И. Исторический опыт осуществления новой экономической политики в национальных районах Северного Кавказа: на материалах Дагестанской АССР: дис. ... д-ра ист. наук. Махачкала, 1979. 371 с.

Ржавин А.А. Национально-государственные образования в Краснодарском крае. 20–50-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 28 с.

Семёнов В.О. Здійснення національної політики в Криму в 1921–1925 рр.: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Дніпропетровськ, 1993. 18 с.

Тер Е.В. Демографические изменения на Кубани под влиянием модернизационных процессов: 1860-е гг. – конец 1930-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2010. 285 с.

Шахбанова Л.Р. Дагестанская АССР в системе интернациональных связей и межнациональных отношений СССР в 20–30-е гг. XX в.: исторический опыт: дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2013. 196 с.

Шеуджен Э.А. Советская историография национально-культурного строительства на Северном Кавказе: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1984. 44 с.

Шихавцова В.М. Межэтническое взаимодействие на Северном Кавказе в процессе национально-государственного строительства в 1920-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 258 с.

Шнайдер В.Г. Национальное строительство как фактор социокультурной интеграции народов Северного Кавказа в советское общество (1917 – конец 1950-х гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук, Ставрополь, 2008. 46 с.

Шульгина О.В. Административно-территориальное деление России в XX веке (Историко-географический аспект): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 419 с.

Эль-Беайни Р.Н. Деятельность государственных и военных органов СССР по созданию и развитию национальных воинских формирований (1923–1939 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 174 с.

Эльбуздукаева Т.У. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие Чечни и Ингушетии в 20–30-е годы XX века: дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 2013. 46 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1

Структура землепользования казачьих войск Юго-Востока России в 1914 г.

Войско	Земли надельного пользования		Земли частновладель- ческие		Земли войскового запаса	
	тыс. дес.	%	тыс. дес.	%	тыс. дес.	%
Донское	10235,1	72,6	1390,9	9,9	2476,9	17,5
Кубанское	5796,2	74,5	556,1	7,1	1127,6	18,4
Терское	1912,1	86,6	130,2	5,9	164,5	7,5
<i>Итого</i>	17943,4	75,4	2077,2	8,7	3769,0	15,8

Источники: Ульянов И.И. Казаки и Советская республика. М.; Л., 1929. С. 134–136.

Таблица 2

Сословная структура населения областей Юга России в 1914 г.

Терри- тория (об- ласть, губер- ния)	Общая числен- ность наसेле- ния, тыс. чел.	Казаки		Коренные крестьяне		Иногородние	
		тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Донская	3876,0	1495,0	38,6	911,3	23,5	1124,1	29,0
Кубан- ская	2984,5	1367,0	45,8	395,5	13,3	1166,5	39,0
Терская	1261,2*	255,0	20,2	670,0	53,1	326,3	25,9

Ставропольская	1329,0	–	–	1165,5	87,7	143,3	10,8
<i>Итого</i> **	9450,7	3117,0	33,0	3142,2	33,2	2760,2	29,2

Источники: Козлов А.И. На историческом повороте. Ростов н/Д, 1977. С. 32.

Примечания: * включая местности, отошедшие к автономным областям в 1920-х гг.; ** без Черноморской губернии.

Таблица 3

Казачество Северо-Кавказского края по материалам Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 г.

Территория	Все население, тыс. чел.	Казачье население, тыс. чел.	Удельный вес казаков в населении, %	Казаки-русские в казачьем населении, %	Казаки-украинцы в казачьем населении, %	Казаки-украинцы, считавшие русский язык родным, %
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>
Северо-Кавказский край	8363,5	2301,9	27,52	57,56	41,75	30,70
а) городские жители	1655,1	153,6	9,30	78,10	20,18	83,87
б) сельские жители	6708,4	2148,3	32,02	56,09	43,29	28,92
Северо-Кавказский край без автономий	7407,0	2269,4	30,64	57,66	41,66	29,90
а) городские жители	1636,35	152,56	9,32	78,58	20,22	82,57

б) сельские жители	5770,65	2116,88	36,68	56,34	43,20	28,09
Автономные области	956,5	32,5	3,40	50,17	47,86	72,59
а) городские жители	18,75	1,1	5,81	82,64	13,77	64,90
б) сельские жители	937,75	31,4	3,35	49,04	49,04	72,06
Донской округ	1132,3	291,3	25,73	51,39	48,34	27,20
а) городские жители	450,8	36,6	8,12	87,16	12,02	92,05
б) сельские жители	681,5	254,7	37,38	46,25	53,55	25,07
Донецкий округ	374,7	124,3	33,18	96,92	3,08	8,33
а) городские жители	15,1	1,1	7,5	90,91	9,09	87,76
б) сельские жители	359,6	123,3	34,28	96,19	3,81	6,38
Шахтинско-Донецкий округ	540,4	253,9	46,98	99,09	0,63	56,25
а) городские жители	123,6	23,2	18,79	96,12	3,02	57,14
б) сельские жители	416,8	230,7	55,37	99,44	0,39	55,56
Сальский округ	471,9	86,65	18,35	88,91	3,81	45,45
а) городские жители	6,9	0,45	6,51	66,67	31,11	95,04
б) сельские жители	465,0	86,2	18,53	88,98	3,60	45,16

Таганрог- ский округ	268,4	3,3	1,22	54,55	39,39	84,61
а) городские жители	86,4	2,5	2,85	60,00	36,00	88,89
б) сельские жители	181,95	0,8	0,45	41,38	58,62	58,72
Кубанский округ	1489,1	757,1	50,84	22,47	77,45	16,31
а) городские жители	211,0	15,8	7,47	31,65	67,09	72,64
б) сельские жители	1278,1	741,35	58,17	22,27	77,66	15,27
Армавир- ский округ	927,4	380,4	41,01	74,92	24,71	90,43
а) городские жители	153,7	18,9	12,31	74,07	23,28	90,91
б) сельские жители	773,7	361,4	46,71	74,90	24,74	90,94
Майкопский округ	330,1	113,1	34,25	70,65	29,09	64,44
а) городские жители	55,9	1,7	2,99	76,47	17,65	89,67
б) сельские жители	274,3	111,4	40,63	70,56	29,17	64,31
Черномор- ский округ	291,4	35,2	12,08	15,62	84,09	47,97
а) городские жители	112,5	3,8	3,37	47,37	52,63	80,00
б) сельские жители	179,0	31,4	17,54	10,83	87,90	45,65
Терский округ	643,4	167,3	26,0	70,41	27,14	45,15

а) городские жители	184,7	26,9	14,6	77,70	20,45	89,09
б) сельские жители	458,7	140,3	30,6	69,00	28,44	39,10
Ставропольский округ	727,6	9,4	1,29	62,77	36,17	70,58
а) городские жители	60,4	1,5	2,42	73,33	26,67	84,50
б) сельские жители	667,1	7,9	1,18	60,76	39,24	67,74
Сунженский округ *	34,9	27,5	78,80	97,45	2,55	99,00
Грозненский округ **	97,1	14,2	14,67	92,25	5,63	87,50
г. Владикавказ	78,3	5,9	7,58	88,14	10,17	83,33
Адыгее-Черкесская автономная область (АО)*	113,5	2,5	2,22	35,72	61,28	50,65
Карачаевская АО *	64,6	0,61	0,95	31,70	67,32	79,61
Черкесский автономный округ *	37,0	0,44	1,20	50,68	47,30	68,10
Кабардино-Балкарская АО	204,0	8,5	4,16	45,88	50,59	41,86
а) городские жители	12,9	0,4	3,00	75,00	25,00	90,00
б) сельские жители	191,1	8,1	4,24	44,44	53,09	40,70
Северо-Осетинская АО	152,4	14,7	9,64	38,10	60,54	91,01
а) городские жители	1,6	0,2	11,56	84,00	6,00	66,67

б) сельские жители	150,8	14,5	9,62	37,24	61,38	91,02
Ингушская АО	75,2	0,255	0,34	96,12	3,48	Нет данных
а) городские жители	1,3	0,035	2,80	98,36	1,34	Нет данных
б) сельские жители	73,9	0,22	0,30	94,74	5,00	Нет данных
Чеченская АО	309,9	5,5	1,76	94,55	2,78	94,12
а) городские жители	3,0	0,45	15,26	96,10	3,06	Нет данных
б) сельские жители	306,9	5,05	1,63	92,75	6,25	Нет данных
Дагестанская АССР	788,1	21,1	2,68	97,1	2,9	Нет данных

И с т о ч н и к: Казачество Северо-Кавказского края. Итоги переписи населения 1926 г. Ростов н/Д, 1928.

*Примечания:** территория имела только сельское население;
** территория имела только городское население.

Таблица 4

Социальные группы крестьянства Юга России и страны в 1917 г., процент к общей численности крестьянства

Социальная группа	Кзаки	Коренные крестьяне	Иногородние	В среднем по краю	В среднем по России
Батраки и беднота	24,6	29,9	56,4	39,3	66,7
Середняки	51,6	53,8	31,8	45,6	20,0
Зажиточные и кулаки	23,8	16,3	11,8	15,1	13,3

Источник: Козлов А.И. На историческом повороте. Ростов н/Д, 1977. С. 114.

Примечание. Таблица составлена на основании текущей официальной статистики Донской, Кубанской и Терской областей, Ставропольской губернии. Сведения по Черноморской губернии не учтены.

Таблица 5

Этнический состав населения Северо-Кавказского края и Дагестанской АССР по Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 г.

Народы	Численность (чел.)	Удельный вес народа в насе- лении (проц.)	Уровень го- родского населения (проц.)
1	2	3	4
Северо-Кавказский край в целом¹			
Русские	3841063	45,9	26,3
Украинцы	3106852	37,1	11,4
Чеченцы	296282	3,54	0,74
Армяне	162186	1,94	54,6
Осетины	155400	1,86	8,8
Кабардинцы	139689	1,67	1,2
Немцы	93915	1,12	13,6
Ингуши	72043	0,86	3,4
Черкесы	64031	0,77	1,8
Карачаевцы	55068	0,66	3,1
Белорусы	51317	0,61	55,9
Евреи	42476	0,51	96,7
Балкарцы	33280	0,4	1,2
Греки	32178	0,38	34,6
Татары поволжские	19053	0,23	57,2

¹ Указаны народы численностью свыше 3 тыс. чел. в пределах Северо-Кавказского края, без Дагестанской АССР.

Поляки	18425	0,22	68,3
Грузины	15011	0,18	71,6
Бескесек-абаза	13813	0,17	0,5
Калмыки	11712	0,14	3,0
Ногайцы	9948	0,12	0,6
Молдаване	9546	0,11	4,7
Цыгане	6760	0,08	12,7
Эстонцы	5201	0,06	18,5
Латыши	4573	0,05	56,5
Туркмены	4533	0,05	0,5
Еврей горские	3944	0,05	88,8
Чехи и словаки	3780	0,05	34,0
Персы	3449	0,04	77,4
Тавлинцы	3447	0,04	10,9
Итого	8363491	100,0	19,8
В том числе, Терский округ¹			
Русские	375538	58,4	31,5
Украинцы	194083	30,2	16,8
Армяне	21423	3,3	76,8
Немцы	18043	2,8	10,0
Осетины	7373	1,1	12,7
Белорусы	3859	0,6	63,7
Ногайцы	2654	0,4	0,3
Евреи	2102	0,3	93,5
Поляки	1948	0,3	75,0
Черкесы	1916	0,3	11,7
Грузины	1744	0,28	64,2
Калмыки	1649	0,26	0,4
Карачаевцы	1508	0,23	99,0
Кабардинцы	1422	0,22	35,4
Татары	935	0,15	56,4

¹ Указаны народы численностью свыше 500 чел. в пределах Терского округа.

Греки	885	0,14	86,9
Персы	682	0,11	72,6
Итого	643369	100,0	28,7
В том числе, Адыгейско-Черкесская автономная область¹			
Черкесы	50821	44,8	0
Русские	29102	25,6	0
Украинцы	26405	23,3	0
Кабардинцы	1466	1,3	0
Татары	1322	1,2	0
Белорусы	1074	0,95	0
Армяне	738	0,65	0
Греки	610	0,54	0
Чехи и словаки	175	0,15	0
Молдаване	174	0,15	0
Тюрки османские	148	0,13	0
Кумыки	135	0,12	0
Болгары	121	0,11	0
Немцы	108	0,1	0
Итого	113481	100,0	0
В том числе, Владикавказский округ²			
Русские	40209	51,3	100,0
Осетины	10799	13,8	100,0
Армяне	6529	8,3	100,0
Грузины	5038	6,4	100,0
Украинцы	3981	5,1	100,0
Ингуши	1517	1,94	100,0
Белорусы	1096	1,4	100,0
Евреи	1001	1,3	100,0
Персы	920	1,2	100,0
Греки	864	1,1	100,0

¹ Указаны народы численностью свыше 100 чел. в пределах Адыгее-Черкесской АО.

² Указаны народы численностью свыше 100 чел. в пределах Владикавказского округа.

Поляки	859	1,1	100,0
Татары	756	1,0	100,0
Немцы	530	0,68	100,0
Лезгины	173	0,22	100,0
Айсоры	138	0,18	100,0
Литовцы	127	0,16	100,0
Итого	78346	100,0	100,0
В том числе, Грозненский округ¹			
Русские	68152	70,2	100,0
Украинцы	7796	8,0	100,0
Армяне	5843	6,0	100,0
Татары	3108	3,2	100,0
Чеченцы	1931	2,0	100,0
Белорусы	1897	2,0	100,0
Евреи горские	1475	1,5	100,0
Евреи	1312	1,35	100,0
Поляки	726	0,75	100,0
Грузины	714	0,74	100,0
Персы	536	0,55	100,0
Греки	493	0,51	100,0
Немцы	468	0,48	100,0
Осетины	235	0,24	100,0
Тавлинцы	222	0,23	100,0
Мордва	200	0,21	100,0
Лезгины	154	0,16	100,0
Итого	97087	100,0	100,0
В том числе, Ингушская автономная область²			
Ингуши	69930	93,1	1,14
Чеченцы	2572	3,4	0,19
Русские	922	1,23	19,1
Осетины	317	0,42	0,32
Грузины	251	0,33	4,0

¹ Указаны народы численностью свыше 100 чел. в пределах Грозненского округа.

² Указаны народы численностью свыше 100 чел. в пределах Ингушской автономной области.

Татары	246	0,33	51,6
Тавлинцы	229	0,3	14,0
Лакцы	110	0,15	47,3
Итого	75133	100,0	1,7
В том числе, Кабардино-Балкарская автономная область¹			
Кабардинцы	122402	60,0	0,7
Балкарцы	33197	16,3	1,1
Украинцы	17213	8,4	8,6
Русские	15344	7,5	38,9
Осетины	4078	2,0	13,7
Кумыки	3505	1,7	4,7
Немцы	2674	1,3	5,7
Евреи горские	1473	0,7	99,0
Белорусы	730	0,36	56,6
Грузины	611	0,3	84,5
Татары	449	0,22	3,6
Евреи	398	0,2	81,7
Болгары	384	0,19	0,5
Поляки	298	0,15	25,8
Армяне	255	0,12	85,1
Итого	204006	100,0	6,3
В том числе, Карачаевская автономная область²			
Карачаевцы	52503	81,3	0
Осетины	3088	4,8	0
Украинцы	2824	4,4	0
Бескесек-абаза	2738	4,2	0
Кабардинцы	1182	1,8	0
Русские	1120	1,7	0
Греки	370	0,57	0
Эстонцы	148	0,23	0
Кумыки	144	0,22	0
Итого	64613	100,0	0

¹ Указаны народы численностью свыше 200 чел. в пределах Кабардино-Балкарской автономной области.

² Указаны народы численностью свыше 100 чел. в пределах Карачаевской автономной области.

В том числе, Северо-Осетинская автономная область¹			
Осетины	128321	84,2	0,3
Украинцы	10301	6,8	1,0
Русские	10063	6,6	9,1
Немцы	1502	1,0	2,5
Грузины	604	0,4	4,0
Армяне	392	0,3	4,6
Белорусы	315	0,2	8,6
Татары	144	0,1	10,4
Поляки	116	0,08	38,2
Итого	152435	100,0	1,1
В том числе, Сунженский округ²			
Русские	31202	89,4	0
Украинцы	2522	7,2	0
Ингуши	301	0,9	0
Чеченцы	230	0,66	
Армяне	140	0,4	
Грузины	100	0,29	
Итого	34888	100,0	0
В том числе, Черкесская автономная область³			
Кабардинцы	12314	33,3	0
Бескесек-абаза	10993	29,7	0
Ногайцы	6206	16,8	0
Черкесы	2655	7,2	0
Русские	1473	4,0	0
Украинцы	1375	3,7	0
Греки	581	1,6	0
Карачаевцы	372	1,0	0
Татары	370	1,0	0

¹ Указаны народы численностью свыше 100 чел. в пределах Северо-Осетинской автономной области.

² Указаны народы численностью свыше 100 чел. в пределах Сунженского округа.

³ Указаны народы численностью свыше 100 чел. в пределах Черкесской автономной области.

Осетины	188	0,5	0
Армяне	179	0,5	0
Итого	36996	100,0	0
В том числе, Чеченская автономная область¹			
Чеченцы	291259	94,0	0,02
Русские	9122	2,9	22,5
Тавлинцы	2793	0,9	0,04
Кумыки	2130	0,7	0,8
Украинцы	1232	0,4	48,8
Аварцы	829	0,3	0
Кабардинцы	538	0,2	0
Татары	198	0,06	13,6
Лакцы	142	0,05	0
Ингуши	130	0,04	0,8
Поляки	124	0,04	16,9
Андийцы	118	0,04	0
Осетины	113	0,04	19,5
Белорусы	105	0,03	55,2
Армяне	101	0,03	19,8
Итого	309860	100,0	1,0
Дагестанская АССР²			
Аварцы	138749	17,6	1,5
Даргинцы	108926	13,8	0,8
Русские	98197	12,5	33,7
Лезгины	90509	11,5	2,3
Кумыки	87960	11,2	7,4
Лакцы	39878	5,1	2,8
Табасараны	31915	4,0	0,1
Ногайцы	26086	3,3	0,1
Тюрки	23428	3,0	34,7
Чеченцы	21851	2,8	3,2
Кайтаки	14424	1,8	0,01

¹ Указаны народы численностью свыше 100 чел. в пределах Чеченской автономной области.

² Указаны народы численностью свыше 800 чел. в пределах Дагестанской АССР.

Евреи горские	11592	1,5	84,2
Рутулы	10333	1,3	0
Андийцы	7681	0,97	1,1
Агулы	7653	0,97	0
Армяне	5923	0,75	82,5
Каратаи	5305	0,67	0
Украинцы	4126	0,52	57,0
Тиндии	3812	0,48	0
Ахвахцы	3677	0,47	0,7
Цахуры	3531	0,45	0
Персы	3448	0,44	82,3
Чамалалы	3438	0,44	0
Ботлихцы	3354	0,43	0
Дидойцы	3276	0,42	0
Багулалы	3054	0,39	0
Евреи	3030	0,38	87,4
Татары	2747	0,35	41,5
Немцы	2551	0,32	27,8
Кубачинцы	2357	0,3	1,9
Туркмены	1459	0,19	0,4
Капучины	1447	0,18	0
Годоберинцы	1425	0,18	0
Хваршины	1019	0,13	0
Грузины	876	0,11	41,9
Арчинцы	854	0,11	0
Итого	788098	100,0	10,8

Источники: Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928–1929. Т. 9. С. 34–51; Т. 10. С. 9–13; Т. 11. С. 8–17; Т. 14. С. 6–16; Т. 15. С. 8–13; Т. 16. С. 8–12; Т. 17. С. 8–25.

Рис. 1. Этническая карта Крымской АССР на 1931 г.

Источники: Новейшая история Украины. Автономная Республика Крым. Имена. Сверхшения. Творчество. Киев, 2008. Вып. 2.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
1. СТРАТЕГИЯ СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В 1920-Х ГГ. И ЕЁ РЕАЛИЗАЦИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И В КРЫМУ	13
1.1. Теоретические аспекты исследования советской национальной политики 1920-х гг.	13
1.2. Актуальные вопросы современной историогра- фии советской национальной политики 1920-х гг. на Северном Кавказе и в Крыму.....	31
1.3. Актуальные вопросы исследования источников по истории национальной политики 1920-х гг. на Северном Кавказе и в Крыму.....	41
2. ДОЛГОСРОЧНЫЕ ФАКТОРЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ 1920-Х ГГ. НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И В КРЫМУ.....	64
2.1. Этнодемографические процессы на Северном Кавказе и в Крыму в 1920-х гг.: тенденции раз- вития.....	64
2.2. Земельные отношения и их реформы как фактор национальной политики 1920-х гг.	85
3. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ 1920-Х ГГ. В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ КРАЕ И КРЫМСКОЙ АССР.....	101
3.1. Формирование статуса и территории националь- ных автономий на Северном Кавказе и в Крыму.....	101
3.2. Реализация национальной политики в Крыму в 1920-е гг.	122
3.3. Украинизация в Северо-Кавказском крае РСФСР (1923–1932 гг.): замыслы, реакция общества, результаты.....	147
Заключение.....	162
Список источников и литературы.....	173
Приложения.....	233

Научное издание

КАСЬЯНОВ Валерий Васильевич
БАРАНОВ Андрей Владимирович
ИШИН Андрей Вячеславович
РОЖКОВ Александр Юрьевич

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
И ПОЛИЭТНИЧНОГО ОБЩЕСТВА В ХОДЕ
РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
(НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЯ
И КРЫМСКОЙ АССР, 1920-е гг.)

Монография

Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 04.12.2021. Выход в свет 24.12.2021

Формат 60×84 ¹/₁₆. Печать цифровая. Уч.-изд. л. 17,2.

Тираж 500 экз. Заказ № 4764.

Кубанский государственный университет
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

Издательско-полиграфический центр
Кубанского государственного университета
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.